БИБЛИОТЕЧНЫЙ ВЕСТНИК КАРЕЛИИ

Выпуск 40 (47)

История Национальной библиотеки Республики Карелия

К 180-летнему юбилею

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя ……. 3

Петропавловская Н. С. Национальная библиотека Республики Карелия (К 180-летию со дня основания) …….. 4

Жемойтелите Я. Л. Очерки истории Национальной (публичной) библиотеки ……. 14

Вместо предисловия …… 14

«Товарищ заведывающий» …… 15

За книгу …… 21

Самое драгоценное в нашей жизни …….. 37

Под знаком нового подъема …… 47

Что мы читали в пятьдесят пятом ……. 58

Оттепель как промежуточное состояние …….. 63

Ициксон Е. Е. История здания Карельской публичной библиотеки 1918–1941 гг. …… 70

Кондратьева И. В. Библиотека в годы войны ……. 81

Исакова С. Н. Книжная палата Республики Карелия: даты, фонды, люди …… 84

Петропавловская Н.С. Книжная палата Республики Карелия: страницы истории …… 88

Ванчурова М. Ю. Коллекция Бориса Шмидта …….. 93

Берникова Н. И. Оглядываясь назад …….. 100

Вознесенская Е. Н. Итоги обследования дореволюционного журнального фонда Национальной библиотеки Республики Карелия ……. 104

Кипнис Н. И. Книги немецких авторов в фондах дореволюционных библиотек Петрозаводска ……. 116

Семенова О. В. Обыкновенное письмо о необыкновенных открытиях, связанных со старинными книгами, сохранившимися в удивительной Национальной библиотеке Республики Карелия …….. 120

Яна Жемойтелите. Недалеко от рая. Повесть ……. 125

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Библиотечный вестник Карелии» Выпуск 40(47) посвящен 180-летнему юбилею Национальной библиотеки Республики Карелия, который отмечается 15 октября 2013 г.

Сборник включает материалы по истории библиотеки, подготовленные сотрудниками и читателями на основе изучения документов Национального архива Республики Карелия, работы с документами и уникальными книжными фондами и коллекциями Национальной библиотеки Республики Карелия, научных исследований и личных воспоминаний.

В сборнике опубликован цикл очерков истории Национальной (Публичной) библиотеки от первых лет советской власти до эпохи «зрелого социализма», специально написанный к юбилею известной карельской писательницей Яной Жемойтелите. Каждый из очерков посвящен определенному этапу становления библиотеки и тесно связан с жизнью страны, ее успехами и трудностями, радостными и горестными событиями. Основой для создания очерков, проникнутых теплым и уважительным отношением автора к библиотекарям-подвижникам и библиотечному труду, также послужили архивные документы: это и сухие, спущенные сверху руководящие директивы, и данные отчетов библиотеки за разные годы, и пронизанные заботой о нуждах библиотеки письма и обращения к власти ее сотрудников и читателей.

Работа в Национальном архиве Яны Жемойтелите послужила творческим стимулом к созданию литературного произведения о библиотеке – это повесть «Недалеко от рая», которая также включена в данный сборник.

Расположение материалов от общего к частному: от истории развития библиотеки как учреждения к истории создания и становления ее отделов, формирования фондов и коллекций.

Благодарим всех авторов, подготовивших материалы для юбилейного сборника.

Н. С. Петропавловская,
ведущий библиотекарь отдела
Книжная палата НБ РК

Национальная библиотека Республики Карелия (К 180-летию со дня основания)

«Поставить библиотеку на такую степень, чтобы она была полезной…», – такое решение приняли 15 октября 1833 года городские чиновники на совещании у Олонецкого губернатора Александра Ивановича Яковлева, открывая в Петрозаводске первую публичную библиотеку. С этой исторической даты и ведёт отчёт свой деятельности история Национальной библиотеки Республики Карелия.

Располагалась библиотека в освобождённых комнатах губернаторского дома, и посещать её разрешалось всем гражданам, «включая лиц в неприличном виде и одеянии». Первым библиотекарем и книжным хранителем публичной библиотеки губернатор назначил архивариуса Казённой палаты Лаврентия Мартыновича Никифорова. О его работе Олонецкому Гражданскому губернатору в дальнейшем сообщали так: «Книги обязаны своей целостию единственно той неусыпной и истинно отеческой заботливости, с какой печётся о них почтенный Господин Библиотекарь Никифоров».

Для организации работы нового учреждения был создан Попечительский совет, а существовала общественная библиотека за счёт ежегодных взносов и пожертвований за пользование книгами. В отчётах Канцелярии Олонецкого губернатора за 1847 год отмечалось, что библиотека имеет для чтения 444 книги, 45 периодических изданий, а число её читателей составляет 71 человек. Все это собрание книг, журналов и газет умещалось всего в одном шкафу.

Сохранившийся перечень книг публичной библиотеки свидетельствует, что в основе её собрания издания научно-популярного характера, литература о путешествиях (выделялась особо), духовные книги и беллетристика. Среди периодических изданий фигурировали 39 названий, большая их часть поступала бесплатно. Кроме столичных газет и журналов в библиотеку приходили «Олонецкие губернские ведомости».

Второе своё рождение библиотека пережила в 1860 году. Это событие произошло благодаря русскому этнографу и фольклористу Павлу Николаевичу Рыбникову. Важно отметить, что фигура этого человека занимает особую страницу в истории библиотеки и библиотечного дела дореволюционного периода в нашей республике. Молодой учёный П. Н. Рыбников был сослан в Олонецкую губернию за участие в революционно-демократическом студенческом движении, получив неофициальный статус политического ссыльного. Именно он явился инициатором открытия Публичной библиотеки в Залах Благородного собрания на Круглой площади нашего города и возглавил её, будучи избранным на эту должность «по желанию г.г. подписчиков». Стараниями Рыбникова в фонд библиотеки стали поступать сочинения крупнейших писателей, «главнейшия русские периодические издания и многия иностранныя».

Необходимо отметить, что услуги библиотеки в те годы были платными. Так в «Олонецких губернских ведомостях» в № 1 за 2 января 1860 года сообщалось: «За годичный абонемент на чтение газет, журналов и книг из Публичной Библиотеки установлена следующая плата:

– для желающих получать на дом заказ по одному тому журнала или по одному сочинению 3 р. 60 коп.

– для желающих получать по 2 тома 6 р.

– для желающих получать по 3 тома 10 р.».

В 1870 году Петрозаводск посетил Великий Князь Алексей Александрович и пожаловал на устройство общественной библиотеки 300 рублей. В память об этом визите библиотека стала именоваться «Алексеевской». В Уставе Алексеевской Петрозаводской Общественной библиотеки записано: «Желающие пользоваться Библиотекой вписывают свое звание, имя и фамилию в особо отведенную для того шнуровую книгу, в которой отмечается и количество денег, внесенных за право чтения». В эти годы для поддержки работы библиотеки уже предусматривалась финансовая помощь земства, и определялось жалование библиотекарям. Из 249 читателей в 1876 году на чтение книг подписалось более двухсот, на чтение книг и журналов – немногим более двадцати человек. Каталог библиотеки содержал 2106 наименований книг и журналов. Среди них произведений русских авторов 111, иностранных – 159.

В конце 90-х годов XIX века из-за финансовых трудностей библиотека переезжала 6 раз, располагаясь даже в городской тюрьме. С 1895 года она получила постоянное помещение, перестроенное из здания гауптвахты. С этого времени библиотека перешла на работу без «выходных» и начала активно приобретать книги со складов, принадлежащих олонецкому земству. «Олонецкие губернские ведомости» в 1897 году начали публиковать краткую историю «публички», обозначив началом её деятельности 1870 год (то есть с момента начала существования Алексеевской библиотеки).

В 1899 году Попечительский комитет библиотеки решил в связи со 100-летием А. С. Пушкина образовать особый отдел детского чтения. Целью его создания являлось облегчение доступа к

книгам детям «беднейшего класса». По-видимому, данный факт можно считать началом появления специализированных фондов и соответственно специализированных отделов в структуре библиотеки.

Очередным рубежом в истории библиотеки стал 1917 год, когда открылась новая и совершенно другая страница в её деятельности, ознаменовавшая следующий этап развития библиотечного дела в крае. Из документов Петрозаводского городского Совета за 1918 год следует, что библиотека перешла в ведение Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) и, вероятно, её фонд серьёзно пострадал во время пожара. Для читателей она открылась вновь в феврале 1919 года и стала именоваться Губернской Центральной библиотекой-читальней. В эти годы происходила национализация библиотечных фондов, библиотеки ликвидированных дореволюционных учреждений передавались массовым библиотекам. Так в губернскую библиотеку поступили книги городских учебных библиотек – духовной семинарии, мужской, женской и учительской гимназий и коммерческого клуба. Библиотека получила новое просторное и светлое помещение – 11 комнат и два зала – в здании бывшего духовного училища.

В 1922 году в связи с централизацией библиотечного дела в Петрозаводске были упразднены несколько городских библиотек – финская центральная библиотека, библиотека искусств и другие. Их фонды пополнили губернскую библиотеку. Изменилось и её название. В документах она стала именоваться сначала как Карельская областная центральная библиотека, а через 3 года по решению Губполитпросвета – Карельская публичная библиотека.

Слияние библиотек повлияло на структуру областной библиотеки. В ней выделились: отделение управления (организационно-инструктивный отдел), коллекторское отделение, общеобразовательное отделение, читальный зал, детское отделение, финское отделение, научно-академическое отделение, отделение искусств (музыкальное), краеведческое отделение.

Заслуга в организации краеведческого отделения принадлежит Козьме Филипповичу Филимонову, ставшему впоследствии его заведующим. Основой фонда этого отделения явилась личная коллекция этого энтузиаста-краеведа (около 500 книг).

Следует заметить, что в начале 30-х годов происходил пересмотр книжных фондов публичной библиотеки. В статье С. Молодькова в журнале «Красный библиотекарь» за 1939 год сообщалось: «Все книги, изданные примерно до 1928 г., не выдавались читателю как «устарелые»..., книги были свалены в одну кучу. К ней был организован свободный доступ различным организациям и учреждениям, в результате чего несколько десятков возов книг было вывезено...». Таким образом, библиотека лишилась многих ценных научных книг, изданных в XVIII веке и рукописей.

Существенные изменения произошли в положении библиотеки в годы Великой Отечественной войны. В конце августа 1941 года редкие и ценные издания стали эвакуировать и вывозить в основном на баржах. Погибли в водах Онежского озера, сопровождая баржу с книгами, библио-

текари Серафима Николаевна Погарская и Зинаида Ивановна Суханова. Около 10 тысяч экземпляров изданий во время войны хранились на станции Вонгуда Кировской железной дороги. Это – книги читального зала, краеведческого кабинета, в том числе и дореволюционная периодика. Часть фонда библиотеки была уничтожена во время оккупации, часть вывезена в Финляндию.

18 марта 1944 года, еще до освобождения Петрозаводска, Советом Народных Комиссаров республики было принято постановление «О восстановлении Государственной Публичной библиотеки Карело-Финской ССР» с временным её размещением в г. Кеми. После освобождения Петрозаводска в июне 1944 года библиотека стала интенсивно пополняться новыми изданиями. Работники библиотеки производили отбор книг из подвалов Петрозаводского государственного университета, Центрального архива и на других складах. В 1945 году поступили 14 вагонов книг, возвращенных из Финляндии. В восстановлении фонда карельским библиотекарям помогли коллеги из Москвы и Ленинграда. В качестве помощи от них поступило большое количество книг. К примеру, для библиотек освобожденных районов Карелии из Москвы было отправлено 75 тысяч книг, 25 тысяч предназначалось Публичной библиотеке. Примерно в то же время, когда происходил приток книг из других библиотек страны, начал поступать обязательный экземпляр всей выпускаемой литературы в Союзе ССР и обязательный экземпляр местных изданий. Тем самым фонд пополнялся из разных источников и к 1946 году составил приблизительно 100 тысяч.

Открытие для читателей восстановленной Государственной Публичной библиотеки Карело-Финской ССР состоялось 20 сентября 1947 года. Она находилась на площади Кирова в здании, где сейчас располагается Музей изобразительных искусств Республики Карелия. И уже отсюда, в 1959 году, переехала в специально возведённое для неё здание на улице Пушкинской, дом № 5, построенное по проекту архитектора Константина Яковлевича Гутина. В нём она находится и в настоящее время.

Дальнейшее развитие в эти годы в структуре библиотеки получил отраслевой принцип обслуживания читателей. В практике работы развивались и закрепились внестационарные формы. Они заключались в организации филиалов и передвижек. Были открыты филиалы библиотеки на Онежском тракторном заводе и Домостроительном комбинате. Филиалы существовали до момента создания на этих предприятиях своих технических и профсоюзных библиотек.

Середина и конец 1970-х годов ознаменовали этап централизации массовых библиотек республики. Процесс централизации библиотечной сети проходил под руководством Государственной Публичной библиотеки. С 1977 года библиотека стала выполнять функции межобластного депозитария для библиотек Северо-Запада России: Архангельской и Мурманской областей, Республики Коми.

В начале 1990-х годов наступил качественно новый этап в деятельности библиотеки. В 1991 году решением республиканского Правительства ей был присвоен статус «национальной».

Познакомиться с деятельностью Национальной библиотеки Республики Карелия сегодня можно на её сайте по адресу: http://library.karelia.ru.

Библиография

Сухарева, Н. М. Карелия, Республика Карелия, Национальная библиотека / Н. М. Сухарева // Библиотечная энциклопедия. – М., 2007. – С. 465–467: ил.

Ягодкина, В. А. Национальная библиотека Республики Карелия / В. А. Ягодкина // Карелия: энциклопедия. В 3 т. Т. 2. К–П. – Петрозаводск, 2009. – С. 268–269.

Республика Карелия. Информация о деятельности библиотеки [Нац. б-ки РК в 1993–2000 гг.] // Библиотеки России на пороге XXI века: цифры и факты: сб. стат. и аналит. материалов о состоянии библ. сферы. – М., 2002. – С. 40.

Национальная библиотека Республики Карелия // Библиотеки России: путеводитель. – СПб., 1996. – Вып. 1. – С. 52–53.

Петрозаводск: 300 лет истории: док. и материалы. В 3 кн. Кн. 2. 1803–1903 / Арх. упр. Респ. Карелия, Нац. арх. Респ. Карелия; [сост.: Т. А. Варухина и др.]. – Петрозаводск: Карелия, 2001. – 400 с. : ил., фот., портр. – ISBN 5-7545-0813-1. – Из содерж.: [Архивные документы и др. материалы, связанные с открытием в Петрозаводске в 1833 г. публичной библиотеки, возобновлением её деятельности в 1860 и 1871 гг., дореволюционной историей Алексеевской библиотеки]. – С. 234–235, 237–238, 240–243: ил.

Петрозаводск: 300 лет истории : док. и материалы. В 3 кн. Кн. 3. 1903–2003 / Арх. упр. Респ. Карелия, Нац. арх. Респ. Карелия; [сост.: Д. З. Генделев и др.]. – Петрозаводск : Карелия, 2003. – 575 с.: ил., фот., портр., [16] с. цв. ил. – ISBN 5-7545-0828-X. – Из содерж.: [Архивные документы, отражающие историю публичной библиотеки в конце 1950-х – начале 1960-х гг.]. – С. 453–454.

Петрозаводск : хроника трёх столетий, 1703–2003 / [сост.]: М. В. Пулькин [и др.]; Рос. акад. наук, Кар. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск: Периодика, 2002. – 512 с.: ил., фот., портр. – ISBN 5-88170-057-0. – Из содерж: [Об открытии в Петрозаводске в 1833 г. публичной библиотеки, возобновлении её деятельности в 1860 и 1871 гг., история библиотеки в советское время]. – С. 72, 84, 103, 281, 372, 397: ил.

Три века Петрозаводска: иллюстрир. история города, 1703–2003 / [авт.-сост.: Ю. В. Шлейкин, Н. П. Кутьков, В. П. Лобанов]. – Петрозаводск: ПетроПресс, 2003. – 320 с.: ил., цв. ил., фот., портр. – ISBN 5-8430-0085-0. – Из содерж.: [Об открытии в Петрозаводске в 1833 г. публичной библиотеки и возобновлении её деятельности в 1871 г., первые здания библиотеки, её история в советское время]. – С. 42, 280: ил., цв. ил., фот., портр.

Национальная библиотека Республики Карелия / [сост. описания рукописей и авт. вступ. ст.] Е. Н. Кутькова // Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX вв. в гос. хранилищах Респ. Карелия. – СПб., 2010. – С. 369–392.

Информационные ресурсы Национальной библиотеки Республики Карелия / Нац. б-ка Респ. Карелия; [сост.: Д. А. Зулкарнеева и др.]. – Петрозаводск: [б. и.], 2003. – 94 с.

Национальная библиотека Республики Карелия: [буклет]. – [Петрозаводск: НБ РК, 2009?]. – 1 л. (слож. в 4 с.).

Национальная библиотека Республики Карелия: [буклет]. – Петрозаводск: [НБ РК], 2006. – 1 л. (слож. в 5 с.).

* * *

Галаничева, Г. Г. Деятельность Национальной библиотеки Республики Карелия по поддержке языков региона в киберпространстве / Г. Г. Галаничева // Языковое разнообразие в киберпространстве: российский и зарубежный опыт: сб. аналит. материалов. – М., 2008. – С. 61–69: диагр.

Галаничева, Г. Г. Фонды электронных изданий Национальной библиотеки Республики Карелия / Г. Г. Галаничева // Электронные документы в библиотеках России: комплектование, хранение, доступность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Рос. нац. б-ка, 11–14 окт. 2005 г.). – СПб., 2007. – С. 114–118.

Терпугова, Т. В. Использование библиографической информации в электронном виде в справочно-библиографическом обслуживании (на примере Национальной библиотеки Республики Карелия) / Т. В. Терпугова // Вопросы библиографоведения. Вып. 14 : Библиография в современной среде: (материалы семинара). – М., 2005. – С. 165–172.

Алексеева, С. В. Портал «Финно-угорские библиотеки России» – опыт сетевого партнерства библиотек финно-угорских территорий : [о портале, созданном на базе НБ РК : текст парал. на рус. и англ. яз.] / С. В. Алексеева // Культура. Туризм. Информация: взаимовлияние для устойчивого развития : материалы междунар. конф. Баренцева Евро-Аркт. региона (Архангельск, 29 июня – 1 июля 2005 г.). – Архангельск, 2005. – С. 130–135.

Ковалевская, А. И. Деятельность Национальной библиотеки Республики Карелия в области сохранения библиотечного фонда / А. И. Ковалевская // Национальная программа сохранения библиотечных фондов России. Подпрограмма «Консервация библиотечных фондов», 2001–2008 гг. – М., 2008. – С. 98–108 : ил.

* * *

В Карелии идёт реконструкция Национальной библиотеки // Библиотечное дело. – 2010. – № 5 (119). – С. 1 : ил.

Красавцева, Л. Библиотека не закроется: [о начавшейся реконструкции здания НБ РК] / Лариса Красавцева // Информ. бюл. / М-во культуры и по связям с общественностью Респ. Карелия. – 2009. – № 2. – С. 26–28. – (Официальный отдел).

Феклистова, Л. Школа талантов в действии: [о проекте НБ РК «Выездной читальный зал»] / Лариса Феклистова // Библиотека. – 2010. – № 6. – С. 47.

Петропавловская, Н. С. Книгоиздание в Карелии: некоторые итоги конкурса «Книга года Республики Карелия», [проводимого НБ РК] / Петропавловская Н. С. // Новая библиотека. – 2009. – № 19. – С. 23 – 26 : ил. – (Как у них).

Ванчурова, М. Ю. Краеведческие чтения в Национальной библиотеке Республики Карелия / Ванчурова М. Ю. // Новая библиотека. – 2009. – № 6. – С. 33–35.

Петропавловская, Н. С. Старейшее книгохранилище Карелии отметило свое 175-летие: [деятельность НБ РК] / Надежда Петропавловская // Информ. бюл. / М-во культуры и по связям с общественностью Респ. Карелия. – 2008. – № 3. – С. 27–29. – (Новости культурной жизни).

Петропавловская, Н. С. Национальной библиотеке – 175 лет: страницы истории / Петропавловская Надежда Сергеевна // Библиотечный вестник Карелии. Вып. 27 (34): Национальной библиотеке Республики Карелия – 175. – Петрозаводск, 2009. – С. 64–68.

Рябинина, М. Отделу национальной и краеведческой литературы НБ Республики Карелия – 85 лет / Рябинина М. // Новая библиотека. – 2007. – № 7. – С. 39–40. – (Как у них).

Петропавловская, Н. С. Книжная палата Национальной библиотеки Карелии: история и современность / Петропавловская Н. // Новая библиотека. – 2006. – № 12. – С. 24–26: ил. – (Как у них).

Алексеева, С. В. «Финно-угорские библиотеки России» : [о новом портале, созд. на базе НБ РК] / Алексеева С. В. // Новая библиотека. – 2005. – № 11. – С. 42–44: ил. – (Проект).

Зулкарнеева, Д. А. Информация о правах доступна каждому: [о Центре правовой информ. НБ РК] / Зулкарнеева Д. А. // Педагогический вестник Карелии. – 2006. – № 3 (14). – С. 24.

Зулкарнеева, Д. А. Новые услуги Национальной библиотеки РК: [юрид. информ. ресурсы] / Диана Зулкарнеева // Судейское сообщество. – 2005. – № 2. – С. 66–69. – (Книжный навигатор).

Якушева, Л. В. Информационные ресурсы на карельском, вепсском и финском языках в библиотеках Республики Карелия / Л. В. Якушева // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – 2004. – № 4. – С. 49–52. – (Библиотеки в мультикультурной среде).

Вознесенская, Е. Н. Виртуальная коллекция экслибрисов : (о новом проекте Нац. б-ки Респ. Карелия) / Елена Вознесенская // Север. – 2011. – № 5/6. – С. 200–202: ил. – (Поиски и находки).

Fjodorov, V. Talo Puškinskajakadulla: rakkaudentunnustus Hänen majesteetilleen kirjastolle / Viktor Fjodorov // Carelia. – 2007. – № 12. – S. 129–131: valokuv. – Текст фин.

Пер. загл.: [Дом на Пушкинской: объяснение в любви Её Величеству Библиотеке].

Наумов, Д. Лучшая книга – о Калевале: 20 апр. в Театре кукол РК прошёл ежегод. респ. конкурс «Книга года Респ. Карелия – 2011», [проводимый НБ РК] / Дмитрий Наумов // Карелия. – 2012. – 24 апр. – С. 3: фот.

Петровская, В. Библиобусом по деревням: [о работе мобил. комплекса информ.-библ. обслуживания (КИБО) Нац. б-ки РК] / Виктория Петровская // Комсом. правда. – 2012. – 19–26 янв. – Карелия : [приложение]. – С. VII: ил.

Алексеева, С. В. Разговор о культуре под стук молотка : [интервью с зам. директора НБ РК С. Алексеевой о деятельности б-ки во время продолжающейся реконструкции здания / беседовала Ирина Смирнова; фот. Владимира Ларионова] // Карелия. – 2010. – 12 авг. – С. 8: фот.

Кондратьева, И. В. Библиотека в годы [Великой Отечественной] войны / Ирина Кондратьева // Карелия. – 2010. – 8 мая. – С. 6: фот.

Мишина, Л. Живая память края: сайт о коренных народах Карелии: читайте и смотрите, пишите и печатайтесь: [о новом информ. ресурсе, создан. специалистами НБ РК] / Людмила Мишина // Карелия. – 2009. – 26 нояб. – С. 11.

Лапшов, С. Дом человеческого знания: Нац. б-ке Респ. Карелия – 175 лет / Сергей Лапшов; фот. Владимира Ларионова // Карелия. – 2008. – 16 окт. – С. 7: фот.

Цыганкова, С. Ветхие страницы на жестком диске: впервые на Северо-Западе в Национальной библиотеке Карелии появился электронный формуляр / Светлана Цыганкова // Рос. газ. – 2008. – 5 авг. – С. 11: ил. – (Технологии).

Галаничева, Г. Г. Фолианты и «Фолиант» : Нац. б-ка и процессы информатизации : [интервью с зав. отд. информатизации библ. процессов НБ РК Галиной Григорьевной Галаничевой / беседовал Вениамин Слепков] // Курьер Карелии. – 2008. – 10 июля. – С. 6–7: ил.

В Интернете равных нету: сайт Нац. б-ки Карелии признан лучшим библ. Интернет-ресурсом в России // Курьер Карелии. – 2006. – 27 мая.

Неелова, М. История в документах: [история первой Петрозав. публ. б-ки в первой половине XIX в. по док. Нац. арх. РК] / М. Неелова // Карелия. – 2003. – 30 окт. – С. 7.

Кутьков, Н. П. Кого люблю – тому дарю : [о кн., подарен. в НБ РК] / Николай Кутьков; фот. Виталия Голубева // ТВР-Панорама. – 2003. – 15 окт. (№ 42). – С. 8: фот.

Filippova, J. Karjalan kirjuttajat nygöi internetas: Kanzalline kirjasto on luadinuh internetresursan, kudamas suau lugie Karjalan kirjuttajien tevoksii / Jelena Filippova // Oma Mua. – 2011. – 31. elok. (№ 34). – Текст карел.

Пер. загл.: [Авторы Карелии теперь в Интернете: Национальная библиотека создала сайт, на котором представлены произведения карельских авторов].

Zasekova, I. Karjalan vanhin kirjasto juhlii merkkipäiväänsä: [Karjalan tasavallan kansalliskirjaston vuosipäivästä] / Inna Zasekova // Karjalan Sanomat. – 2008. – 29. lokak. (№ 43). – S. 15: valokuv. – Текст фин.

Пер. загл.: [Самая старая библиотека Карелии отмечает знаменательную дату: о юбилее НБ РК].

Koskela, K. Kansallisessa kirjastossa [Petroskoissa] on käytössä e-kortti / Katja Koskela // Karjalan Sanomat. – 2008. – 6. elok. (№ 31). – S. 11. – Текст фин.

Пер. загл.: [В Национальной библиотеке в Петрозаводске стал действовать электронный читательский формуляр].

Tveriläini, I. Kanšalliskirjašton šuuri juhla Petroskoissa / Irja Tveriläini // Vienan Karjala. – 2008. – 22. šajek. (№ 20). – Текст карел.

Пер. загл.: [Юбилей Национальной библиотеки в Петрозаводске].

Smirnova, I. Radam lugijoiden täht : [Karjalan rahvahaližen kirjišton rahvahaližen da kodirandan literaturan erištole jubilei] / Irina Smirnova // Kodima. – 2007. – Viluku (№ 1). – Текст вепс.

Пер. загл.: [Работаем для читателей : юбилей отд. нац. и краевед. лит. НБ РК].

Veikkolainen, I. Kirjasto monikansallisessa yhteiskunnassa : [Petroskoissa pidetystä Bibliokaravaani-foorumista] / Ilona Veikkolainen // Karjalan Sanomat. – 2006. – 20. heinäk. [i. e. syysk.] (№ 37). – S. 7 : valokuv. – Текст фин.

Пер. загл.: [Библиотека в многонациональном обществе: о форуме «Библиокараван», прошедшем в Петрозаводске].

D'ekoin, D. Karjalankielistü kniigua vie suau lugie Internetas : [kanzallizen kirjaston uuzi projektu] / D'ekoin D'el'a // Oma Mua. – 2004. – 2. süvüsk. (№ 36). – Текст карел.

Пер. загл.: [Книги на карел. языке можно прочитать в Интернете: новый проект НБ РК].

* * *

Библиотеки Олонецкого края XIV – начала XX вв. : библиогр. указ. лит. / М-во культуры Респ. Карелия, Нац. б-ка Респ. Карелия; [отв. ред.: Е. И. Такала, Т. В. Терпугова; сост.: М. Ю. Ванчурова и др.; авт. вступ. ст. О. П. Илюха]. – Петрозаводск: [б. и.], 2003. – 139 с. – ISBN 5-7378-0062-8. – Из содерж.: Алексеевская публичная библиотека. – № 235–329.

Библиотеки Карелии, XX век : библиогр. указ. лит. / Нац. б-ка Респ. Карелия; [отв. ред. Т. В. Терпугова; сост.: Е. В. Борецкая и др.; авт. вступ. ст. О. П. Илюха]. – Петрозаводск: Периодика, 2008. – 1019 с. – ISBN 978-5-88170-187-1. – Из содерж.: Карельская публичная библиотека (Олонецкая губернская библиотека) [в 1917–1941 гг.]. – № 484–551; Государственная публичная библиотека КФССР [в 1941–1945 гг.]. – № 1040–1047; Государственная публичная библиотека КАССР (КФССР) [в 1945–1959 гг.]. – № 1660–1813; Государственная публичная библиотека

КАССР [в 1960–1985 гг.]. – № 4123–4289, 6567–6704; Национальная библиотека Республики Карелия (Государственная публичная библиотека КАССР) [в 1986–2000 гг.]. – № 8542–8802.

Кутьков, Н. П. Национальная библиотека Республики Карелия: (к 170-летию со дня орг.) / Н. П. Кутьков; [сост. библиогр. списка] О. П. Кошкина // Календарь памятных дат Карелии, 2003 год. – Петрозаводск, 2002. – С. 67–70: ил.

* * *

175 лет Национальной библиотеке РК. [Видеозапись] / авт. Ник. Хейкинен. – Электрон. видео дан. – Петрозаводск : [б. и.], 2008. – 1 электрон. опт. диск (DVD-video) (17 мин 40 с): зв., цв. – Систем. требования: IBM PC; Windows 98 и выше; DVD-ROM; Sound Card; Video Card. – Сокращенный вариант: 5 мин 03 с (9188).

Национальная библиотека Республики Карелия : [сайт]. – Режим доступа: http://library.karelia.ru. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: апр. 25, 2012.

Библиографию подготовила
***Е. Н. Вознесенская**, главный библиограф*
Национальной библиотеки РК

Я. Л. Жемойтелите

Очерки истории Национальной (Публичной) библиотеки

Вместо предисловия

Летом 2012 года я работала в Национальном архиве РК над очерками истории нашей Национальной (Публичной библиотеки) – от первых лет советской власти до эпохи «зрелого социализма», как некогда говорили… Архивные документы вообще имеют удивительное свойство существовать одновременно в двух временных пластах: в своем давно прошедшем времени и в современном моменте. Особенно документы, написанные от руки, которые сохраняют ритм движений авторских пальцев, особенности его почерка. Это документы «живые», они до сих пор заставляют исследователя волноваться, переживать вместе с автором моменты бытия – в далеком 1919 году или в 1944-м. Непонятно только, что же в конце концов происходит: мы проваливаемся во времени или отшумевшие события и отгоревшие страсти прорастают, продергиваются сквозь толщу лет сюда, к нам.

И вот еще одна странность: нам-то известно, когда кончится война и кто из сотрудников библиотеки вернется с нее живым, а они – люди, которые некогда посылали запросы в освобожденный Петрозаводск, по сей день остаются в неведении, живы ли их коллеги. И стоит кому-то вновь открыть архивное дело 1/1, как давно отзвучавшие голоса неизменно вопрошают: «Ну ответьте же вы наконец!» Порой хочется даже написать на листке: «Дорогой товарищ, на ваш запрос сообщаю, что гражданки Грошникова и Мартьянова благополучно вернулись в Петрозаводск…» и вложить этот листок в архивное дело 1/1. Вдруг письмо каким-то образом найдет адресата, и одна истерзанная душа наконец успокоится?

Но есть и «мертвые» документы – это директивы, спущенные из Москвы, напечатанные под копирку, написанные сухим канцелярским языком. Эти бумаги с самого начала были мертвы, но, к великому сожалению, с «расцветом социализма» их становилось все больше, живыми оставались только читательские письма и протоколы читательских конференций.

Предлагаем вашему вниманию несколько библиотечных очерков-историй, найденных в Национальном архиве РК.

«Товарищ заведывающий»

(Очерк истории Губернской библиотеки-читальни 1919 г.)

Известно, что в 1918 году после пожара в здании бывшей гауптвахты Губернской библиотеке-читальне было выделено новое помещение – двухэтажный кирпичный дом на Пушкинской-8. Поскольку при пожаре пострадал и книжный фонд, начало 1919 года ознаменовалось большим поступлением книг и книжных шкафов из бывшей Семинарской библиотеки. Заведовал библиотекой в этот период А. Толмачев. Судя по записям, сохранившимся в Национальном архиве РК, был он широко образованный, но далекий от политики человек. В отчете за первое полугодие 1919 года он, в частности, сетовал на сложности переезда:

«Книжное богатство, исчислявшееся в 31 тысячу томов, сильно увеличилось, но, благодаря стечению обстоятельств, оказалось в крайне бедственном положении. Перевозка книг производилась согласно постановлению Губисполкома от 28 X11 1918 г. коммунистическим комсомолом. В результате явилась хаотическая куча книг в большом зале читальни, такая же куча на дворе, а вокруг – частью с побитыми стеклами, частью вдребезги разбитые – великолепные книжные шкафы Семинарской библиотеки».[1]

Надо полагать, что книги, перевезенные из Семинарской библиотеки, качественно отличались от новых поступлений советского периода. Из Семинарии в Губернскую библиотеку-читальню переехали русская и мировая классика, а также сочинения Гегеля и других предшественников марксистской философии – «помилованные» новой властью именно по этой причине. А вот список новых поступлений, переданных в библиотеку Комиссариатом народного просвещения:

1. Бакс, Белфорт и Квич, Г. Социалистический катехизис.
2. Белочкин И. Земля и воля трудовому народу.
3. Быховский Н. Я. Народно-правовые основы земельного порядка.
4. Вихлеев П. Как уравнять пользование землей.[2]

И прочая политическая литература в основном в виде брошюр.

В пояснении к смете библиотечных расходов на 1919 год заведующий библиотекой также обращал внимание на необходимость получения свежих газет и журналов:

«Библиотека-читальня, организуемая в плане книжной сокровищницы, долженствующая стать центральным книгохранилищем губернии, по существу своему должна поддерживать непрерывный контакт в своей области (печатное слово) с текущим моментом: для поддержания

[1] НА РК, Ф. Р 2, оп. 1, д. 420, л. 49.
[2] Там же, л. 5.

этого контакта периодические издания едва ли не являются большей ценностью, чем новые книги».[3]

Наверняка выражения, которые сейчас выглядят немного высокопарными: «книжное богатство» и «книжная сокровищница» – для заведующего библиотекой Толмачева были далеко не метафорами. Не будем забывать, что в 1919 году Петрозаводск находился «в кольце врагов», выражаясь советским штампом, и даже подвергался авианалетам. На этом фоне жалобы заведующего на разбитые шкафы выглядят довольно странно, но что интересно, они были услышаны Народным комиссариатом образования и шкафы отремонтированы. А. Толмачев, вероятно, воспринимал себя в качестве Хранителя вверенных ему сокровищ и честно исполнял возложенную на него миссию. Надо сказать, что в трудные времена самыми стойкими неожиданно оказываются люди вроде бы неприспособленные к бытовым неудобствам – держатся они благодаря привязке к духовным ценностям, которые не подвержены тлению. Книги, конечно, тлеют и горят в огне, но миссия библиотекаря в любые времена все же духовная.

В 1919 году проблема состояла еще и в подборе сотрудников. Людей, способных к библиотечной службе, в Петрозаводске практически не было, однако брали далеко не всех желающих. Вот, к примеру, заявление о приеме на работу гражданина Сергея Чудова (орфография оригинала сохранена):

«Заведывающему губернской библиотекой-читальней

Прошу об определении меня в должность библиотекаря вверенной Вам библиотеки.
Я окончил 8 классов гимназии и 3 семестра Варшавского университета.
Стою на плотформе партии коммунистов-большевиков.

4 февраля 1919 г.»[4]

По какой причине Чудова на работу не приняли (он так не появился в списке сотрудников), теперь уже никто не скажет. Возможно, на решение повлияла ущербная орфография, однако в 1919 году даже заведующий Внешкольным отделом Наробраза тов. Парфенов именовал себя «заведывающим». Вообще, «заведывающим» был буквально каждый второй начальник Наробраза, хотя есть вероятность, что это вина ведомственной машинистки, однако, собственноручно подписывая документы, никто из начальников неправильность не исправлял. К чести А. Толмачева, он все-таки называл себя «заведующим».

[3] Там же, л. 46.
[4] НА РК, Ф. Р 2, оп. 1, д. 420, л. 19.

В том же 1919 году заведующего Губернской библиотекой-читальней А. Толмачева призвали в армию (это означает, что ему еще на тот момент еще не исполнилось 45 лет), и дальнейшая судьба его неизвестна.[5]

Итак, с 15 августа 1919 года заведование Губернской библиотекой-читальней принял Владимир Александрович Богданов, бывший зав. университетской библиотекой. Судя по каллиграфическому почерку, человек основательный, уравновешенный – строчки писаны как по линейке, с одинаковым нажимом и наклоном. Очевидно, его назначение кому-то сильно не понравилось, поскольку уже 18 августа 1919 года он был вынужден оправдываться перед Комиссариатом народного образования по поводу поступившей на него жалобы «О взаимосношениях Губернской библиотеки с библиотекой Народного университета» (в т. ч. денежных), т. е. практического обвинения в коррупции.[6] Надо сказать, что возникшее было разбирательство пресекли достаточно мудро:

«2 сентября 1919 г. во Внешний подотдел Губ.отд. народного образования,
Копия в Губ. библиотеку-читальню

Вследствие отношения губернской библиотеки-читальни от 18 авг. с.г. за № 164. адресованного во внешкольный подотдел. Предлагается дальнейшую переписку прекратить как не относящуюся к действительному делу. Прав тот, кто, избегая канцелярской волокиты, работает, не считаясь с инстанциями, для пользы дела.

Заведывающий Губ. отделом Парфенов».[7]

В том же 1919 году время было разработано Положение об управлении Губернской библиотекой-читальней, которое предписывало, что:

1. Губернская библиотека-читальня находится в ведении Губернского отдела народного образования.
2. Общее заведование библиотекой-читальней, имуществом, помещением, внутренним порядком и деятельностью библиотеки-читальни лежит на Внешнем подотделе Губ. отдела Народного просвещения, непосредственно же всем этим ведает Заведующий библиотекой и библиотечный Совет.

[5] Там же, л. 137.
[6] Там же, л. 71.
[7] Там же, л. 74.

Заведовать библиотекой могло лицо с образованием не ниже среднего или специального педагогического и, насколько возможно, с подготовкой к библиотечному делу.[8]

В 1919 году Библиотечный совет из представителей общественности так и не был создан. Очевидно, на повестке дня оказались более важные первоочередные дела, например, ремонт помещения библиотеки, который обошелся по ноябрьской смете 1919 года в 36388 р. 53 коп.[9] Ремонт включал в себя побелку стен, переборку и окраску полов, а также постройку «уборной на 2 очка по проекту зодчего Федотова». В итоге здание получило 5 чистых комнат на втором этаже и два зала внизу, которые отапливались 10 печами.[10]

В середине 1919 года в Губернской библиотеке-читальне работали:

Богданов Владимир Александович – зав. библиотекой,

Вебер Георгий Федорович – библиотекарь,

Леонтьева Людмила Васильевна – библиотекарь,

Неелова Софья Петровна – библиотекарь,

Талалинев Василий Павлович – сторож-курьер.[11]

Вдобавок было еще трое вольнонаемных переписчиков (то есть работающих по договору в современном понимании). К концу 1919 года штат библиотеки несколько расширился, а вот библиотекарь Г. Ф. Вебер был призван в армию и записан с 1 октября в особую роту лыжников, должность его некоторое время оставалась вакантной.

Известно также, что сотрудники Губернской библиотеки-читальни имели следующее образование:

Зав. библиотекой В. А. Богданов окончил историко-филологический институт по словесному отделению. Более двенадцати лет служил преподавателем словесности и библиотекарем фундаментальной библиотеки мужской гимназии.

Библиотекарь Леонтьева Людмила Васильевна окончила в 1919 году Институт внешкольного образования по книжно-библиотечному отделению.

Библиотекарь Мегерская Анна Степановна окончила двухклассное училище, заведовала два года и три месяца книжным киоском Мурманской железной дороги.

Помощник библиотекаря Веселовская Наталья Александровна училась в последнем классе народной школы второй ступени.

Трое вольнонаемных переписчиков окончили гимназию или училище.

Сторож Талалинин Василий Павлович образования не имел, но был грамотным.[12]

---

[8] НА РК, Ф. Р 2, оп. 1, д. 420, л. 71.
[9] Там же, л. 89.
[10] Там же, л. 5.
[11] Там же, л. 80.
[12] Там же, л. 127.

Что касается жалованья, то было оно невелико, как, впрочем, у всех советских служащих. С сентября 1919 года, после незначительного повышения окладов, зав. библиотекой получал 5100 рублей, библиотекари – 4650 рублей, сторож-курьер – 2310 рублей.[13] Величина жалованья вольнаемных переписчиков равнялась 1000 рублей – сумма по тем временам мизерная, поэтому В. А. Богданов неоднократно подавал заявления в счетно-финансовый отдел Наробраза «Об увеличении содержания вольнонаемных служащих библиотеки с 1000 рублей до 1500 рублей, ввиду увеличения ставок всем советским служащим и невозможности найти желающих работать за 1000 рублей».[14] Эти заявления удовлетворены не были.

Условия, в которых приходилось работать библиотекарям, характеризует карандашная надпись поверх требовательной ведомости на выдачу содержания за май и июнь 1919 года: «В случае эвакуации».[15]

Пограничное состояние материи и духа ощущается практически во всех библиотечных документах 1919 года, несмотря на то, что велась обычная библиотечная работа и даже следующая статистика: в библиотеке числилось 2746 читателей, общее количество посещений – 4432, было выдано 10311 книг.[16] Возможно, военные действия представлялись служащим библиотеки чем-то вроде стихийного бедствия, которое рано или поздно должно кончиться – ведь и дождь не может длиться вечно. По крайней мере, в переписке В. А. Богданова с руководящими инстанциями ощущается некоторое выпадение из ситуации или, напротив, нежелание вникнуть в ситуацию военного времени:

«Во внешний подотдел Губернаробраза

Сообщаю, что ввиду значительного в последнее время спроса со стороны красноармейцев книг и быстрого и неожиданного перемещения военных частей из одного места в другое. Я срочно обратился в Коллегию Губернаробраза с просьбой указать мне меры для предохранения книжного богатства библиотеки от возможных утрат.

Зав. Губбибчит. Богданов»[17]

Судя по всему, жалоба не имела существенного воздействия, поскольку 13 июля 1920 в Политотдел Междуозерного района, куда были переброшены воинские части, отправилось подобное письмо:

[13] Там же, л. 109.
[14] НА РК, Ф. Р 2, оп. 1, д. 420, л. 102.
[15] Там же, л. 44.
[16] НА РК, Ф. Р 381, оп. 2, л. 2, предисловие к каталогу описи.
[17] НА РК, Ф. Р 2, оп. 1, д. 420, л. 101.

«Красноармейцами и матросами ушедших их Петрозаводска воинских частей не было возвращено много книг, взятых из Губернской библиотеки-читальни (по прибл. подсчету не менее 700). Обращая внимание Полиотдела на это крайне печальное явление, Внешний подотдел просит принять против повторения этого меры, а со своей стороны предлагает заранее извещать о предполагаемом уходе частей, чтобы дать возможность Губернской библиотеке получить взятые из нее книги.

Вр. зав. Внешним подотделом»[18]

Части Красной армии покушались и на само здание Губернской библиотеки. Предполагалось перевезти фондохранилище в другое место, чтобы освободить первый этаж библиотеки под госпиталь. Здание все-таки отстояли не без помощи Наробраза:

«Телеграмма. Москва. Остоженка. Наркомпрос.

Под команду выздоравливающих красноармейцев жилищный отдел занимает часть губернской библиотеки.

Прошу немедленного распоряжения об отмене. Иначе грозит опасность всей библиотеке, состоящей свыше пятидесяти тысяч томов.

Зав. губнаробразом Парфенов»[19]

Вероятно, товарищ Парфенов намеренно преувеличил число единиц хранения Губернской библиотеки, т. к. даже по данным 1925 года в библиотеке находилось всего 34 тысячи томов.[20] А может, он посчитал и книги, вывезенные из бывшей мужской семинарии и еще незарегистрированные. Как бы там ни было, но 1919 год Губернская библиотека-читальня завершила без потерь, однако случились новые испытания, каковые читателю современному действительно сложно представить. Вот, 27 декабря 1919 года заведующий В. А. Богданов направляет в Потребительское общество письмо следующего содержания:

«Губернская библиотека-читальня поставлена в критическое положение ввиду невозможности вывести купленные на городском складе дрова.

Возчики соглашаются вывезти их при условии, если им дадут, кроме денег, 20 фун. хлеба.

Так как отсутствие отопления грозит не только закрытием библиотеки, но и порчей книжного богатства, то Петрозаводский отдел народного образования просит разрешения получить 20 фунтов хлеба для выдачи им возчикам для перевозки дров».[21]

---

[18] Там же, л. 188.
[19] Там же, л. 198.
[20] НА РК, Ф. Р 381, оп. 2, л. 2, предисловие к каталогу описи.
[21] НА РК, Ф. Р 2, оп. 1, д. 420, л. 146.

Воистину слезы невольно набегают на глаза, когда читаешь, что «товарищ заведывающий» просит хлеба не для того, чтобы насытиться самому, а чтобы отопить помещение библиотеки и спасти «книжное богатство» от неминуемой гибели. Но поскольку летопись Губернской библиотеки-читальни продолжается и в двадцатые годы, мы можем быть уверены, что хлеб ему в ту голодную зиму все-таки выписали.

* * *

1. НА РК, Ф. Р 2, оп. 1, д. 420.
2. НА РК, Ф. Р 381, оп. 2, л. 2, предисловие к каталогу описи.

За книгу!

(Очерк истории Карельской Публичной библиотеки.
Двадцатые – начало тридцатых годов)

Двадцатые годы прошлого века вместили в себя несколько целых эпох: период военного коммунизма, Нэпа, восстановления промышленности, индустриализации и коллективизации… В двадцатые окреп грубоватый рубленый новояз, пришедший на смену витиеватому классическому русскому языку. Но ведь была в новоязе особая энергетика, свойственная людям, у которых нет времени на рассусоливание вопросов бытия, это энергетика действия. Одновременно двадцатые – это годы не только массового похода в лучшее будущее, но еще и годы ожесточенной борьбы со всем старорежимным, в том числе интеллигенцией, физического уничтожения интеллектуальной элиты старой России. Речь идет не только о расстрелах и помещении в трудовые лагеря: непрерывный рост цен, задержки заработной платы очень тяжело сказались на положении учителей, библиотекарей, часть которых вообще потеряла работу, а это практически означало голодную смерть. В середине 1920-х годов положение культурных учреждений несколько окрепло, хотя уровень жизни большинства представителей интеллигенции оставался гораздо ниже, чем до революции. Эти печальные тенденции не миновали и советскую Карелию.

По секретным сводкам ГПУ 1923 года, «материальное положение совслужащих неважное, зарплата мизерная, в среднем получают по 7000 руб. в месяц дензнаками 1923 г., на которые, безусловно, при настоящей дороговизне существовать очень трудно» (3, л. 43). В период Нэпа денежное довольствие исчислялось параллельными курсами: советскими дензнаками, подверженными стремительной инфляции, и золотым рублем. Вот сводка ГПУ от 8 февраля 1924 года: «Производится выдача рабочим задолженности по 24 руб. товарных по курсу – 7887 руб. 25 коп.

за рубль».[22] Вообще, в 1924 году рабочие получали в среднем 30 рублей 37 коп. в месяц, а совслужащие – 12 рублей 60 коп. в золотом исчислении.[23]

Насколько же сложно жили библиотекари, учителя и пр. служащие, которые получали в два раза меньше рабочих! Ведь и рабочие с их сравнительно «высокими» по тем временам зарплатами, буквально нищенствовали: «Материальное положение железнодорожных рабочих плохое. В особенности низкой квалификации. Нет одежды, обуви, ходят оборванные, почти голые и босые. Зарплата низкая, да и ту выдают несвоевременно, т. е. с большим опозданием».[24] А как же тогда одевались и чем питались работники умственного труда?

И все-таки работа давала не только паек и некоторые социальные льготы, но и стимул к дальнейшей жизни. Работники Центральной областной (публичной) библиотеки наверняка ощущали собственную нужность. В середине 1920-х гг. большинство населения Петрозаводска было грамотным, особенно это касается детей и подростков, которые составляли 80 % посетителей библиотеки. «За 1926–1929 гг. число читателей библиотеки увеличилось более чем в 2 раза – с 4214 до 9908 человек, но доля взрослых подписчиков выросла незначительно. В 1929 г. публичную библиотеку посещали 1130 рабочих, 572 крестьянина, 329 ремесленников и кустарей».[25]

В 1924–25 гг. Карельская публичная библиотека имела следующие отделения:

1. отдел управления
2. коллекторское отделение
3. общеобразовательное
4. читальный зал
5. детское
6. финское
7. научно-академическое
8. краеведческое
9. отделение искусства / музыкальное

Библиотечный персонал – 14 человек: зав. библиотекой – 1, зав. отделениями – 6, библиотекарей – 6. В 6 уездных центральных библиотеках было по одному работнику, в Кеми 2, всего 7.

К концу отчетного периода имелось книг:

Общеобразовательное отделение – 7068 экз.

Детское – 6506 экз.

Финское – 2558 экз.

Передвижной фонд (русский) – 4647 экз.

---

[22] Неизвестная Карелия 1921–1940. Документы спецорганов о жизни республики. 1921–1940 гг. Петрозаводск, 1997. – С. 47.

[23] Там же. – С. 48–49.

[24] Там же. – С. 43.

[25] Филимончик С. Н., Культурная жизнь Петрозаводска в 1920-е годы: электронная публикация: http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/65.html.

Краеведческое – 1946 экз.

Отделение искусства – 5538 экз.

Научно-академическое свыше 50000 экз. (зарегистрировано 5300).[26]

Двоякая цифра научно-академического отделения объясняется тем, что множество книг, свезенных в помещение Губернской (публичной) библиотеки в 1919 году из расформированных семинарских библиотек, так и не было зарегистрировано и обработано, а лежало, сваленное кучей в углу на первом этаже. В научно-академическом отделении были и старинные издания, например «комплект томов «Актов археографической экспедиции», «Актов исторических», «Сборников русского исторического общества», почти полный комплект «толстых» журналов с 1870-х гг. Гордость библиотеки составляли рукописи и старопечатные книги. Имелась хорошая коллекция старопечатных латинских книг XVII столетия, французские книги XVIII в., первое издание французской «Естественной истории» Бюффона. Книги по философии, богословию большинству читателей были недоступны, ими разрешалось пользоваться лишь для научной работы студентам и специалистам».[27]

В 1926 году в библиотеке открылись справочно-педагогическое и Голиковское отделения, а через год – Закаменское. Создание филиалов библиотеки диктовалось задачей «приближения книг к массам», поставленной перед библиотекой. Состав читателей филиалов действительно качественно отличался от состава посетителей отделов центрального здания библиотеки на Пушкинской – 8.

Вот сравнительные сведения об образовании читателей отделений Публичной библиотеки в 1928 году:

Закаменское отделение: образование: низшее (7 классов) – 206, среднее – 14, высшее – 1.

Краеведческое отделение: низшее – 8, среднее – 38, высшее – 20.[28]

[26] НА РК. Ф 630 оп. 1 д. 18/64, л. 21.

[27] Филимончик С. Н., Культурная жизнь Петрозаводска в 1920-е годы: электронная публикация: http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/65.html.

[28] НА РК Ф Р-381 оп. 1 д. 1/5, л. 18.

В 1927 году Наркомпрос высказался за организацию единого хранилища при Публичной библиотеке на базе кабинета краеведения.[29] В том же 1927 году кабинет начал получать первые ассигнования на комплектование, но они составляли мизерную сумму (50–100 руб. в год) и расходовались в первую голову на приобретение наиболее ценных книг. Покупалась лишь популярная литература в Карелии, появившаяся на местном книжном рынке. Вдобавок кабинет стал получать по два экземпляра всех печатных изданий, выходящих в АКССР. До этого времени кабинет краеведения, существующий с 1922 года, комплектовался спонтанно. Основой его послужил дар первого библиотекаря кабинета К.Ф. Филимонова – 500 книг краеведческого характера.[30]

В 20-е годы школах, студенческих и трудовых коллективах организовывались кружки Друзей книги, в 1927 году сотрудники Голиковского отделения библиотеки устроили специальное совещание с персоналом 7 школы 1 ступени и совместно разработали график обслуживания этой школы книгоношеством. Перед Голиковским отделением были также поставлены задачи:

«Обследовать коллектив мельницы ТПО и договориться с культкомом этого предприятия на предмет обслуживания их рабочих книгоношеством.

Войти в связь с культкомом Онегзавода на предмет приближения книги к рабочим этого предприятия.

Провести библиотечную пропаганду среди домашних хозяек, пользуясь районными делегатскими собраниями женщин.

Организовать при содействии ГОРОНО занятия по технической грамотности с рабочей молодежью и ребятами, не охваченными школой».[31]

Данный документ свидетельствует также о том, что в конце двадцатых не все дети школьного возраста, даже в Петрозаводске, посещали школу. А между тем библиотека ставила своей задачей расширять передвижную сеть обслуживания именно малокультурных производственных организаций и коллективов, в том числе городских ночлежек. Скорее всего, книги перевозились на телеге. Вряд ли библиотеке выделили для этих целей автобус или машину.

Итак, передвижной библиотечный фонд обслуживал: Карельский Егерский батальон, Исправдом (т. е. тюрьму – Я. Ж.), Бесовец, местком Исправдома, пожарную команду, артель ломовых извозчиков, столярную фабрику, спиртоводочный завод, пивоваренный завод, лесозавод «Октябрьская революция», пекарню, швейную мастерскую, Теруправление. Передвижки ездили также в Машезеро, Сулажгору, Сельгу, Виданы, Верхний Бесовец. Книгоноша посещал швейную мастерскую Горсовета, женское делегатское собрание, ликпункты, школу малограмотных, прачечную и артель грузчиков.[32]

[29] НА РК Ф. 680 оп. 3 д. 22/180, л. 78.
[30] НА РК. Ф. Р-381, оп. 1, д. ½, л. 3.
[31] НА РК. Ф. Р – 381 оп. 1д. 1/1а, л. 6.
[32] Там же.

При комплектовании фонда библиотеки «ударным и внеочередным» считалось комплектование книгами по вопросам индустриализации, смычки города с деревней, кооперации и обороны страны, а также сберегательных касс и приобретении госзнаков. При закупке книг старались не допускать беллетристики свыше 40 %, несмотря на то, что читатель повсеместно требовал художественную литературу, то есть просто «книжку почитать». С учетом невысокого уровня культуры среднего читателя, особенно в производственных коллективах, фонд литературы формировался из следующего расчета:

10 % – большой сложности

45 % – средней

45 % – минимальной сложности

В это же число включалось 15 % литературы чисто сельскохозяйственной тематики. Библиотека получала все издания выпуска «Долой неграмотность» Всероссийской комиссии по ликвидации неграмотности, а также «Библиотеку работницы и крестьянки».[33]

В 1927 году вся страна широко отмечала десятилетие Октябрьской революции. К 18 октября 1927 года Карельская Публичная библиотека развернула в читальном зале большую академическую выставку в составе следующих отделов: Перед Октябрем, Октябрь, Гражданская война и военный коммунизм, НЭП, Красная Армия и оборона СССР, коминтерн и профинтерн, восстановление промышленности, индустриализация страны, режим экономии и т. д.

Фасад здания библиотеки декорировали:

А) световым серпом и молотом на фоне развернутой книги,

Б) большими фанерными цифрами 1917–1927,

В) в раскрытом окне задрапировали и иллюминировали большой бюст Ленина,

Г) на красном полотнище растянули большой лозунг «Книгами закрепим завоевания Октября»,

Д) На здании поместили большую (в сажень) модель книги Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир»,

Е) Вывесили четыре больших (на полотне) рекомендательных списка литературы по обороне страны, вопросам индустриализации и кооперации,

Ж) Изготовили 10 отдельных больших плакатов, характеризующих основные этапы жизни советского государства.[34]

В 1927 году это была, безусловно, шикарная инсталляция, выражаясь современным термином. Наверняка библиотеке были выделены дополнительные средства, возможно, даже из федерального бюджета.

[33] Там же.

[34] НА РК. Ф. Р-381, оп. 1, д. 1/1, л. 2.

Буквально в каждом отчете двадцатых годов подчеркивается, что библиотека обслуживает в первую очередь детей рабочих в городе, в деревне – детей бедноты. Да, советская власть не жалела сил на то, чтобы приобщить к основам культуры малограмотные низы, и в то же самое время обрекала на непосильный труд на стройках социализма представителей интеллектуальной элиты. Под лозунгом очищения от «идейного хлама», протащенного в новую жизнь остатками недобитой интеллигенции, в сентябре 1928 г. научно-академическое отделение Центральной библиотеки вообще закрылось. «Среди вычищенных книг оказались произведения К. Каутского, Г. Гейне, В. Гете, А. С. Пушкина, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского, далее были изъяты произведения Г. Гегеля, В. О. Ключевского, «Записки о революции» Н. Суханова, «Письма из деревни» А. Н. Энгельгардта».[35]

Однако удивительно, что в 1928 году простой человек еще имел возможность публично выступать против советской цензуры. Так, в газете «Красная Карелия» от 14 сентября 1928 г. М. Гудошников недоумевал: «*Почему гибнет академическая библиотека, имеющая ряд культурных ценностей? С чьего позволения попали «в немилость» и были изгнаны Гете, Пушкин, Салтыков, Гегель и др.? Почему Дарвина держат под замком?»* Однако голос его никто не услышал, а в 1929 году уже во всей республике начался пересмотр книжных фондов. Практически все книги, изданные до 1928 года, не выдавались читателям как «устаревшие» и практически были утрачены. Изъятие «вредных книг» продолжалось до конца 1980-х годов, хотя и в меньшем объеме.

Очень интересный документ затерялся в отчетах Публичной библиотеки конца 20-х. Очевидно, из режима жесткой экономии библиотека печатала собственные документы на обороте уже использованных бумаг. Так в подшивке случайно оказалась критика «левацкого уклона» в педагогической науке. Несмотря на то, что идея и была раскритикована, тем менее существовал и такой взгляд на интеллигенцию: «Дать возможность прохождения пролетариату через всю сеть просвещения можно только одним путем – через уравнение всех с рабочими в труде, т.к. поднять рабочих и трудовое крестьянство, его многочисленные бедняцкие слои до положения привилегированного безделья невозможно».[36] Что интересно, «леваки» прекрасно понимали, что малообразованную массу обучить и превратить в новую интеллигенцию не удастся в течение нескольких лет и даже десятилетий. Отсюда призыв уравнять «вшивых» интеллигентиков с пролетариатом, заставить взять в руки лопату. А ведь отголоски этой классовой ненависти к интеллигенции живы до сих пор…

В 1928–1929 гг. Публичная библиотека достигла рекордных цифр по охвату читателей и выдаче книг. В этот период отмечена «значительная работа, направленная к обслуживанию ударных социальных групп читателей».[37] Проводились читки среди малограмотных и рабочих-

[35] Филимончик С. Н., Культурная жизнь Петрозаводска в 1920-е годы: электронная публикация: http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/65.html.
[36] НА РК. Ф. Р-381, оп. 1, д. ½, л. 24.
[37] НА РК. Ф. Р-381, оп. 1, д. 1/1, л. 23.

сезонников, доклады на вечерах малограмотных. Особенной популярностью пользовался доклад «Семья, брак и половой вопрос», читались также доклады «Война и военная опасность», «Китай», с населением проводились беседы по темам «Парижская коммуна», «Посевная компания» и «Мобилизация средств», устраивались викторины по тем же темам – «Посевная компания» и «Мобилизация средств», а также читательские вечера по темам «Посевная компания» и «Современная поэзия», выставки, в т. ч. антипасхальная и по чистке партийных рядов.[38] Библиотека выпускала собственную стенгазету «За книгу».

Громкие читки – неотъемлемый атрибут того времени. Для населения читали Горького, Серафимовича, Сейфуллину, а также ряд других советских писателей, в наше время забытых. Также в 1928 году в Публичной библиотеке провели литературный суд над произведением Гладкова «Цемент».[39] (Остается радоваться, что практика литературных судов давно себя изжила). В том же году состоялся диспут на тему «Брак, семья и половой вопрос» в Егерском батальоне.[40]

В началу тридцатых заметно оживилась деятельность финского отделения Публичной библиотеки за счет того, что из Финляндии и Канады прибывали в Карелию трудящиеся строить социализм, а из Москвы поступало много литературы на английском языке. Литературу на финском языке выписывали по каталогам ленинградского издательства «Кирья», а также по каталогам из Финляндии из расчета 30 % – литература для детей и подростков и 40 % – научные издания. Особое внимание уделялось литературе по индустриализации страны, подъему промышленности, вопросам кооперации и обороны.[41]

И все же библиотека не могла удовлетворить растущий спрос читателей. В октябре–декабре 1932 года по Голиковскому отделению имелись такие данные:

Взрослый абонемент: спрос – 110, удовлетворен – 12

Детский абонемент: спрос – 135, удовлетворен – 35[42]

Очевидно, имеются в виду какие-то определенные издания, заказанные детьми и взрослыми в Голиковском отделении и предоставленные им в мизерном количестве.

В начале тридцатых годов на библиотеку была возложена миссия пропаганды достижений (и разъяснения неуспехов) советского строительства. Библиотекари выходили в производственные коллективы с лекцией на тему «Когда и как мы избавимся от наших продовольственных затруднений?».[43] Трудящимся разъясняли, в чем основная причина наших затруднений, почему ощущается недостаток в снабжении мясом, жирами и овощами, когда и как он будет ликвидирован, почему не хватает мануфактуры, обуви, резиновых изделий и т. д. Вероятно, лекторы уповали на враждебное окружение, повсеместное вредительство и недостаток сознательности, приводили

[38] Там же.
[39] НА РК. Ф. Р-381, оп. 1, д. 1/1, л. 2.
[40] Там же.
[41] НА РК. Ф. Р – 381 оп. 1д. 1/1а, л. 4.
[42] НА РК Ф. Р 381, оп. 1, д. 1/8, л. 57.
[43] Там же, л. 19.

какие-то оптимистические цифры, что недостаток в снабжении будет ликвидирован уже к концу пятилетки… Очень жалко и лекторов, и слушателей, которые наверняка надеялись, что нужно потерпеть еще чуть-чуть, и жизнь наконец наладится… увы!

Знаменательно, что в архиве нет данных по Публичной библиотеке после 1933 года. Есть отрывочные сведения за 1940-ой, а дальше хроника возобновляется только в 1944-ом. Последние сведения, относящиеся к деятельности Публичной библиотеки в тридцатые годы – это статистические данные за 1938 год. Книжный фонд в составе 135000 томов, количество читателей – 17472, посещаемость – 142000, книговыдача – 337000. По сравнению с 1925 годом данные выросли в четыре с лишним раза.[44]

* * *

1. Филимончик С.Н., Культурная жизнь Петрозаводска в 1920-е годы: электронная публикация: http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/65.html.

2. Гудошников, М. Недоразумение или преступление? / М.Гудошников // Красная Карелия. – 1928. – 14 сент.

3. Неизвестная Карелия 1921-1940. Документы спецорганов о жизни республики. 1921-1940 гг. Петрозаводск. Изд-во ПетрГУ, 1997.

4. НА РК. Ф 630 оп. 1 д. 18/64.

5. НА РК. Ф. Р-381, оп. 1, д. ½.

6. НА РК. Ф. Р-381, оп. 1, д. 1/1.

7. НА РК. Ф. Р-381 оп. 1д. 1/1а.

8. НА РК Ф Р-381 оп. 1 д. 1/5.

9. НА РК Ф. Р 381, оп. 1, д. 1/8.

10. НА РК Ф. Р 381, оп. 2, л.2 (предисловие к описи).

11. НА РК Ф. 680 оп. 3 д. 22/180, л. 78.

Как мы учились читать и писать

С удивительно смелой самокритикой выступил ежемесячник Наркомпроса АКССР «В помощь просвещенцу» (март 1927 г.). Речь идет о ликвидации безграмотности:

«Обследование РКИ установило недостаточную педагогическую подготовленность ликвидаторов. “Неумелый и неправильный подход к взрослому неграмотному, зачастую отталкивающий его от обучения или не вызывающий с его стороны интереса к занятиям”, – говорит ма-

[44] НА РК Ф. Р 381, оп. 2, л.2 (предисловие к описи).

териал обследования. К сожалению, это в большинстве случаев верно; в посещаемости ликпунктов в этом году были огромные перебои и утечка учащихся с ликпункта порою принимала угрожающие размеры, местами приводила к тому, что охват был 30 человек. А выпуск 6–7 и даже 2–3 человека. Поэтому и стоимость одного обученного и в этом году будет непомерно высока и авторитет ликпункта среди неграмотного и грамотного населения невысок».[1]

Впоследствии, начиная с тридцатых годов XX веков, подобная самокритика в прессе будет не только немыслимой, но и откровенно опасной. А в 1927 г. в той же статье попутно критиковались еще и районные избы-читальни, на которые возлагались обязанности по обучению населения. Вероятно, в конце двадцатых прошлого века, в бытность А.Луначарского наркомом образования, за объективный анализ ситуации никого не наказывали строго, и анализ этот был не только востребован, но и поощрялся, поскольку способствовал разработке более эффективных методических рекомендаций. А обязанности методического центра в период ликвидации безграмотности возлагалась на Публичную библиотеку республики.

Приведенный пример самокритики в ежемесячнике Наркомпроса относится к 1927 году, а ведь в Карелии вопрос о ликвидации безграмотности был поставлен даже ранее опубликованного Всероссийского декрета от 26 декабря 1919 года, еще осенью 19-го. Причем минимальный срок ликвидации безграмотности со всеми подготовительными мероприятиями был заявлен совершенно фантастический: 1 год и 6 месяцев. То есть ликвидация должна была завершиться к 1 июня 1921 года! Обучение грамоте считалось делом отнюдь не добровольным, а сугубо государственным, обучающимся товарищам предоставлялось льготное сокращение рабочего дня на два часа с сохранением заработной платы, а нежелающие учиться поражались в гражданских правах.[2]

В Обязательном постановлении по всеобщей грамотности в Олонецкой губернии 1919 года говорится, что взыскания с товарищей, уклоняющихся от обучения, производятся:

1. в форме перевода с высшей продовольственной категории в низшую,

2. в форме исключения из членов профессиональных союзов,

3. наконец уклоняющихся просто лишали работы после завершения работы местной школы грамоты.

По окончании срока ликвидации безграмотности, то есть с июня 1921 г., все неграмотные до 50 лет:

1. не могли быть избираемы в представительские учреждения и лишались права занимать выборные должности,

2. уплачивали особый налог в размере 1000 р. в год на нужды просветительского характера,

3. все учреждения и лица, которые после установленного срока продолжат использовать труд неграмотных, подвергнутся взысканиям и штрафам по суду.

[1] В помощь просвещенцу**.** Ежемесячник Наркомпроса АКССР и ОБОТДЕЛА СОРАБПРОСА. С. 29.
[2] НА РК, Ф. 28, оп.1, д. 33/ 268, л. 75.

(Там же)

Очевидно, указания этого постановления так и не были претворены в жизнь в полном объеме, потому что даже репрессивные меры не смогли заставить трудящихся обучаться грамоте в массовом порядке, и в Народном комиссариате образования весьма скоро поняли, что задача обучения населения в течение полутора лет совершенно нереальна, что нахрапом положения не исправишь и что обучение грамоте взрослого населения – дело трудоемкое и нескорое, тем более на фоне борьбы с интервентами и белофиннами. До грамоты ли?

По результатам обследования Олонецкого Уездного отдела народного образования (данные 10.08.1924 г.), *«в 1923–24 гг. было в Уезде 15 ликпунктов. Ликвидировалась неграмотность только среди допризывников. Работа проведена незначительная: из 184 неграмотных допризывников только 32 человека научились грамоте. С остальным населением ликвидация даже не начиналась.*

В 1924–25 гг. предполагается развернуть работу в этом направлении, если предоставленная смета в УИК будет подтверждена. Намечена сеть – 42 ликпункта с нагрузкой 130 чел., намечен возраст и профессии, но будет ли начата работа, трудно сказать. Все будет зависеть от материальных предпосылок. Библиотеки при избах-читальнях в большинстве своем работу ведут довольно удовлетворительно».[3]

В докладе наркома образования Т. Гаппоева 17 сентября 1926 года по Петрозаводску картина нарисована не столь уж и печальная: *«Работало 5 ликвидационных пунктов, 4 русских и 1 финский с обхватом в 80 человек. Выпущено грамотных 53 ч. 60, 9 %. Стоимость каждого ликвидированного 12 р. 54 к.»*[4]

В 1927 году в целевых установках пятилетнего плана ликвидация неграмотности проектировалась уже в течение пяти лет. И все же через пять намеченных лет, по данным переписи 1933 года, в Карелии грамотность населения в возрасте 9–49 лет составляла всего 49 %.[5] А в 1939 году перепись установила, что среди жителей КАССР в возрасте 9–49 лет грамотные составляли уже 92,4 %.[6]

Каким же образом удалось достичь столь высоких показателей? За двадцать лет выросло поколение, посещавшее школу, и процент неграмотных до 50 лет естественным образом снизился (переход к всеобщему начальному образованию завершился в республике в 1932 году)? А может, сами учителя обучились методике преподавания грамоты взрослому населения? Невольно возникает подозрение, а не завышен ли намеренно процент? Ведь в 1939 году откровенное признание в

[3] НА РК. Ф. 460 оп. 1 д.. 14/170, л. 45.
[4] НА РК. Ф. 721 оп. 1, д. 112/1257, л. 5.
[5] Филимончик С. Н. Культура Карелии в 1920–1930 гг. История Карелии с древнейших времен до наших дней. – Петрозаводск, 2001. – С. 569.
[6] Там же.

том, что из тридцати человек обучилось всего двое или трое, могло быть расценено как срыв работы и вредительство…

Например, в Республике Коми в 1939 году были обнаружены явные случаи приписок к деле ликбеза: «...Ухтинский поселковый совет вместо организации действительной работы по ликвидации неграмотности в поселке и населенных окраинных пунктах занялся очковтирательством, давая сведения о 100 %-м охвате, тогда как ни один не обучается по поселку».[7] На мысли о приписках наводит также тот факт, что в 1945 году в «Инструкции об организации справочной работы в избах-читальнях, клубах и домах культуры», распространяемой Центральным научно-методическим кабинетом политпросветработы Наркомпроса РФСФР, вновь поднимается вопрос о работе с неграмотными, а именно: «Помощь обучению неграмотных и малограмотных. Особенно допризывников и бойцов всеобуча».[8]

Не стоит идеализировать крестьянский мирок, как то порой происходит при разговоре о крестьянских поэтах или крестьянской цивилизации: в массе наше крестьянство было далеко не просвещенным. Но что справедливо, в те времена человек трудящийся еще не успел унифицироваться. И вещи, и книги, случавшиеся на его пути, бывали основательны, поэтому люди ждали той же основательности от учителей. А учителя, напротив, являлись напорстые, энергетичные, жаждали новизны и имели глубокое убеждение в том, что человека можно перековать за пару-тройку лет, выучить, воспитать – быстро, на скорую руку… Напористы строчки газеты «Punainen Karjala» (6 марта 1929):

«Punanurkkia on järjestettävä Kiisjoelle – 2, Kulmajärvelle – 2, Syvälammelle – 1... Vastaanalaiselle järjestäjälle tullaan maksamaan 25 ruplaa palkkiota kuukaudessa. Valistusrekiä tulee piirissä kiertämään vain yksi, johon järjestetään radio, elokuvat ja kirjastot».

(Красные уголки нужно организовать в Кийсйоки – 2, Кулмаярви – 2, Сювялампи – 1… Ответственному полагается жалованье в размере 25 рублей. «Просветительские сани» району выделяются всего одни, на них будут радиоустановка, кино и библиотека).

Речь идет о поселках лесорубов, и культурное обслуживание в статье выносится на первый план. Этим обещаниям доверять можно: в 1927 году Карелия была почти полностью радиофицирована,[9] а радио – помимо официальной информации из центра – означало еще концерты классической музыки, которой прежде в деревнях не слышали вовсе. Классическая музыка – мощный культурный фактор. Музыка выпрямляет – подспудно, не навязываясь. Музыка устанавливает

[7] Электронная публикация: http://www.nepsite.com/node/17512.
[8] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 1/1, л. 51.
[9] Филимончик С. Н. Культура Карелии в 1920–1930 гг. История Карелии с древнейших времен до наших дней. – Петрозаводск, 2001. – С. 568.

гармонию человека и целого Космоса. Музыка учит прислушиваться в первую очередь к собственным внутренним порывам. А ведь в любом человеке, будь он простой лесоруб, не знакомый с мировым культурным наследием, живет естественная тяга к прекрасному. В двадцатые годы музыка была еще аполитичной, и скрипка не объявлялась «буржуазным» инструментом в отличие от кантеле или балалайки.

Нарком Луначарский ратовал за социализм науки и разума, а не за социализм массы. Вместе с его уходом с поста заметно изменилась общая тональность не только официальных газетных публикаций, но и читательских писем. Вот «Красная Пряжа» от 8 октября 1934 г. сообщает:

«Рабочие, служащие Пряжи хотят читать книги, но их нескоро найдешь. Привозные книжные новинки из Петрозаводска ходят по рукам, они читаются с большим интересом… В библиотеке новинки стерегутся большим замком».

Почему? Потому что в Пряже попросту нет библиотекаря. Казалось бы, вполне обоснованная жалоба-просьба направить в Пряжу библиотекаря. Но почему автор побоялся подписаться собственным именем, и письмо опубликовали за скромной подписью «читатель»? А рядом, в подборке таких же читательских жалоб, встречаются псевдонимы: очевидец, В. Г., ВОРТЕП. Последний, легко раскрываемый, очевидно, дань всеобщему поветрию действовать анонимно. Ну почему бы, в самом деле, не подписаться собственным именем под жалобой, что в Эссойле «кружки при избе-читальне не работают»? Вероятно, потому, что бездействие заведующего могли квалифицировать как откровенный саботаж.

Страх порождал и массовые приписки во всех областях народного хозяйства, отмеченные даже в сводке ГПУ КАССР по Прионежскому району в 1934 г. Сводка имеет именно такой подзаголовок: «Представление дутых сведений».

«Виданский лесозаготовительный пункт в оперативных сведениях по выполнению производственной программы за 4 квартал представил в леспромхоз сведения по заготовке, преувеличив таковые на 500 ф.м. (…) По леспромхозу также наблюдается представление дутых сведений».[10]

Именно эти примеры заставляют усомниться и в росте всеобщей грамотности с 49 % до 92 %, 4 % за какие-то шесть лет. Хотя можно предположить, что здесь мы имеем дело с феноменом культурной сферы, изменения в которой поначалу происходят очень медленно, но вдруг начинают развиваться взрывообразно. В данном случае взрыв готовился в течение нескольких десятилетий.

[10] Неизвестная Карелия 1921–1940. Документы спецорганов о жизни республики. 1921–1940 гг. Петрозаводск, 1997. – С. 213.

Вообще, некоторые читательские письма тридцатых сейчас выглядят анонимными доносами, и можно представить, какие последствия имела подобная «работа с письмами читателей». А работа велась. Вот что пишут в рубрике «По следам наших выступлений»: (Красная Карелия, 2 марта 1939 г.):

«В своем письме лесоруб тов. Б. писал нам об отсутствии культурно-массовой работы на участке «Иску» Вилговского лесопункта. Заведующий Яскеляйнен снят с работы. Сейчас в клубе бильярд, патефон, газеты и журналы. Организован драматический коллектив».

Какая горькая ирония истории: едва обучившись грамоте, люди принялись строчить доносы. Очень редко встречается в прессе тридцатых лет деловая критика, бесстрашно подписанная собственным именем автора. Но вот, например, Цыкарева в газете «Советское Беломорье» (18 мая 1935 г.) пишет о состоянии некоторых сельских учреждений культуры:

«Примером «мерзости запустенья» служит Подужемская изба-читальня. Стекла выбиты, пол засыпан сажей, в углах грязь…»

Интересно, что в Национальном архиве РК сохранились материалы обследования Подужемской избы-читальни Кемского уезда от 12 августа 1924 г. В двадцатые годы это было вполне приличное учреждение:

«Обстановка очень уютная. На стенах много портретов, плакатов, лозунгов, имеется два красных знамени. Санитарное состояние избы-читальни удовлетворительное.

На избу-читальню получаются газеты:

1. *Красная Карелия – 1 экз.*
2. *Беднота – 1 экз.*
3. *Безбожник – 1 экз.*
4. *Карельская деревня – 1 экз.*

Газеты центральные приходят на 7–8 день, местные приносят на 4–5 день».

«Виды работы избы-читальни: спектакли, литературные вечера, лекции-беседы, чтения с волшебным фонарем. На лекциях-беседах присутствовало от 15 до 30 человек. На чтениях с туманными картинками от 50 до 100 человек, на спектаклях и разных агиткомпаниях от 50 до 150 человек».

«При избе-читальне имеется постоянная библиотека. Книги преимущественно брошюрного характера. Из книг не брошюрного характера имеется только: Ленин «Империализм как новейший этап капитализма», «Детская болезнь левизны», Плеханов «К вопросу о монистическом взгляде на историю» и две-три книжки по французской революции.

Изба-читальня принимает все меры к открытию ликпункта, велась агитация, читались доклады, производится учет неграмотных, но открыть такой не удалось в виду отрицательного

отношения к нему населения. Производилось громкое чтение газет главным образом перед собранием».[11]

Вообще, в 1924 году по Мурманской железной дороге курсировал вагон-библиотека и в том же составе был еще вагон-кино, обеспечивавший культурный досуг населения тех деревень, в которых не было изб-читален.[12] А с населением Кемского уезда работать было действительно сложно. Вот что писали в Информационной сводке ГПУ КАССР в апреле 1925 года: «Крестьянство деревни Компаково Тунгудской волости Кемского уезда в количестве 162 чел. Самые бедные, не имеющие лошади, коровы и средств к существованию, питаются соломой»[13] и далее: «В деревне Ендогуба Лапинской волости Кемского уезда 50 % населения больны сифилисом».[14]

Но что же случилось с Подужемской избой-читальней за десять с небольшим лет? Почему потух ее волшебный фонарь? Можно предположить, что брошюры политического содержания действительно не могли вдохновить сельского жителя на обучение, то же касается и советской прессы, громкое чтение которой оставляло в умах подужемского населения именно что туманные картинки, однако есть еще кое-что. Секретные сводки ГПУ-НКВД с начала тридцатых годов отмечают массовое пьянство и самогоноварение среди сельского и городского населения, падеж скота, отсутствие кормов, гибель урожая из-за откровенного разгильдяйства, всеобщий развал работы в колхозах вплоть до полного краха. Виноваты в этом, естественно, были вредители и враги советской власти. Но разве может среди всеобщего развала нормально функционировать изба-читальня?

И все же есть примеры успешной работы с сельскими читателями, и наверняка это факты не дутые. Так, газета «Петровский ударник» от 30 октября 1936 года сообщает, что 28 октября в клубе Спасской губы состоялся вечер, посвященный 30-летнему юбилею литературной деятельности поэта-большевика Я. Э. Виртанена. Школьники прочли несколько стихотворений, рассказ «Андреевна», также *«на вечере выступил объединенный хор колхозников и учителей средней школы вместе с шумовым оркестром».* Теперь мы знаем, что поэт-большевик Виртанен будет арестован в 1938 году, а еще через год погибнет в лагере.

Каким же странным, непонятным образом вместе с током времени меняется текст, который современниками воспринимался как нейтральный, может быть, даже дежурный. Теперь он исполнен особой горечи по той простой причине, что нам известна дальнейшая судьба персонажей, а они еще не ведают ничего – из того, что случится с ними в ближайшие годы! Причем и неправда, писанная на потребу времени, вылезает как шило из мешка. В газете соврать довольно легко,

[11] НА РК. Ф. 721 оп. 1, д. 112/1257, лл. 90–92.
[12] Неизвестная Карелия 1921–1940. Документы спецорганов о жизни республики. 1921–1940 гг. Петрозаводск, 1997. – С. 65.
[13] Там же. – С. 73.
[14] Там же.

это не поэзия, в которой сразу чувствуется малейшая фальшь. Но и ложь газетная все равно становится явной. Вот, газета «Советское Беломорье» от 18 января 1937 года в рубрике «Что читает деревенский коммунист» пишет со слов зав. учета кадров при конторе кирпичного завода т. Карельского:

«На первом плане у меня книги Маркса, Ленина, Сталина… Я тщательно проработал «Коммунистический манифест». И далее: *«Председатель Шуерецкого сельсовета регулярно читает «Правду» и др. газеты. В течение года он прочел несколько художественных произведений, в т. ч. «Тихий Дон», «Поднятую целину» Шолохова. В собственной библиотеке 8 томов сочинений Ленина».*

Вероятно, председатель действительно прочел «Тихий Дон» и «Поднятую целину» – это бестселлеры того времени, которые читали все. Иной художественной литературы в сельской библиотеке попросту не было, за исключением классики разве что. Однако Ленина и Маркса в массовом порядке колхозники наверняка не читали, хотя их произведениями и были забиты библиотечные полки. Сельские коммунисты были люди далеко не стальной закалки, в конечном итоге они были просто люди, которым на досуге хотелось почитать что-нибудь новенькое, и по ночам они наверняка не «Коммунистический манифест» конспектировали.

С первых лет революции практически все библиотекари отмечают, что читатели требуют беллетристику, а ее почти нет, одни политические брошюры. При этом секретные сводки НКВД тридцатых годов рисуют отнюдь не радужную картину жизни простых трудящихся, откровенно отмечается, что люди ютятся в бараках, зарплата такова, что ее едва хватает на пропитание, что еду из рабочих столовых и собаке не дашь: в супе встречается лосиная вошь, а в хлебе – запеченные крысы. И это настоящая правда тех лет.

Но все же радостно видеть, что в той же газете школьникам первого класса рекомендуют читать Пушкина, а не «Коммунистический манифест»:

«…следующие отрывки из «Сказки о мертвой царевне и семи братьях» – отрывок о яблоке.

Из «Сказки о Царе Салтане» – отрывок со слов «Ветер по морю гуляет» до слов «Кораблю пристать велят». Для громкого чтения используйте «Сказку о рыбаке и рыбке».

Вот так, по сказкам Пушкина наш народ учился читать! Знаменательно, что до войны люди относились к книге с глубоким пиететом, к печатному слову вообще. Вот еще удивительный пример читательской жалобы, опубликованной в «Красной Карелии» 2 марта 1939 года:

«Республиканская библиотека продолжает ютиться в тесном, неприспособленном помещении, которое уже давно перестало удовлетворять самые минимальные потребности библиотеки и ее читателей».

Удивительно в этом письме именно то, что его написал Н.Коппан, сотрудник Наркомфина КАССР, да еще в соавторстве с инженером Л. Кенделем из проектной конторы Наркомхоза

КАССР. Почему они адресовали свое письмо в газету как простые читатели? Неужели не могли внести предложение в собственные ведомства, которые отвечали именно за проектирование и финансирование строительства? Мы можем только предположить, что опубликованное в республиканской прессе письмо действительно было мощным фактором, влияющим на принятие решений, в т. ч. на правительственном уровне. Поэтому люди писали в газету, уверенные, что их чаяния не останутся без внимания.

* * *

1. Бровков А. Что читает деревенский коммунист: с. Шуерецкое // Сов. Беломорье. – 1937. – 18 янв.

2. Вечер, посвященный поэту Виртанену // Петровский ударник. – 1936. – 30 окт.

3. В помощь просвещенцу. Ежемесячник Наркомпроса АКССР и ОБОТДЕЛА СОРАБПРОСА

4. Двадцатилетие республиканской библиотеки: письма читателей / Н. Копан, сотрудник Наркомфина КАССР, Инженер Л. Кендель, проект. Контора Наркомхоза КАССР // Красная Карелия. – 1939. – 2 марта.

5. Неизвестная Карелия 1921–1940. Документы спецорганов о жизни республики. 1921–1940 гг. Петрозаводск, 1997.

6. Филимончик С. Н. Культура Карелии в 1920–1930 гг. История Карелии с древнейших времен до наших дней. – Петрозаводск, 2001.

7. Цыкарева. Создадим культурную обстановку для работы и отдыха // Сов. Беломорье – 1935. – 18 мая.

8. Читатель. За замком книги: критика РОНО за то, что б-ка закрыта // Красная Пряжа. – 1934. – 8 окт.

9. Valistustyö metsätyömaalla // Punainen Karjala. – 1929. – 6. marraskuuta.

10. НА РК, Ф. 28, оп.1, д. 33/ 268.

11. НА РК. Ф. 460 оп. 1 д.. 14/170.

12. НА РК. Ф. 721 оп. 1, д. 112/1257.

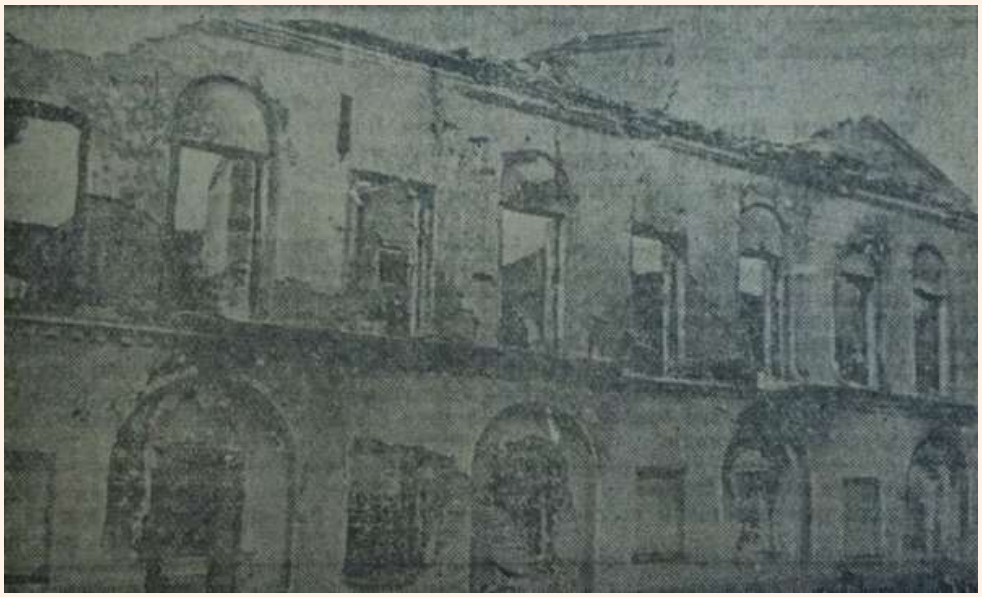
13. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 1/1.

14. Электронная публикация: http://www.nepsite.com/node/17512.

Самое драгоценное в нашей жизни

(Публичная библиотека в конце войны)

Известно, что в начале Великой Отечественной войны наиболее ценные рукописи из фонда читального зала Публичной библиотеки, а также основного фонда кабинета краеведения (всего около 10000 экземпляров) были эвакуированы и хранились на станции Вонгуда Кировской ж/д. В 1943 году они были переданы Наркомпросу, а далее рассеялись по библиотекам различных организаций и после войны, несмотря на протесты Публичной библиотеки, в фонды не вернулись.[1] Вдобавок множество томов было вывезено в Финляндию, а книги, оставшиеся в Петрозаводске, погибли при пожаре в 1941 году. Таким образом, книжный фонд пришлось восстанавливать практически с нуля.

Руины здания библиотеки на Пушкинской-8. 1944 г.

Архивные документы, относящиеся к 1944–1945 годам, оставляют странное ощущение очень плотного времени, когда обычная зима вмещала целую эпоху. Особенно это касается документов рукописных – черновиков, писем. В данном случае понятие энергетического следа давно ушедших событий, а главное – переживаний, отнюдь не метафора. Причем есть документы «мертвые» и «живые». Последние до сих пор дышат, заражают эмоциями…

Холодны распечатки Центрального научно-методического кабинета политпросветработ Наркомпроса РСФСР, которые, очевидно, рассылались в массовом порядке по всем библиотекам страны в 1944 году. Рассылку мотивировала политика жесткой централизации, когда сценарий

[1] НА РК Ф. Р-381 оп. 2, д. 1/1, л. 27.

любого тематического вечера писался в Москве и спускался по вертикали на места, достигая самых глухих уголков. С одной стороны, такие сценарии облегчали работу библиотечных сотрудников, когда нужно было просто придерживаться плана рекомендованной литературы и готовых лозунгов. Например, для подготовки вечера по теме «Молодежь в Великой Отечественной войне» рекомендовали конкретные отрывки из поэмы М. Светлова «Двадцать восемь» и М. Олигер «Зоя», рассказ А. Толстого «Катя», стихи Н. Верховского и некоторых других советских авторов.[2]

Еще шла война. Назад в Москву отправлялись отчеты о выполнении социалистических обязательств по проведению вечеров и бесед… Вроде ничего принципиально плохого нет в этих указаниях, и все же они свидетельствуют о том, что в конце сороковых годов человек советский успел унифицироваться, отдельная личность растворилась в единой народной массе, которая жила, подчиняясь указаниям Москвы, вне учета местной специфики, не говоря уже об индивидуальной воле…

Методические указания предваряла цитата из речи тов. Сталина: «Нужно, чтобы все наши люди и все учреждения в тылу работали слаженно и четко, как хороший часовой механизм». Эта мысль развивала известную ленинскую идею о «колесиках и винтиках», и на практике, пожалуй, действительно успешно воплощалась. Помимо цитаты из речи Сталина, по всем учреждениям культуры была разослана еще и выдержка из речи М. И. Калинина, предваряющая Методическое письмо о работе библиотеки с интеллигенцией:

«Мы хотим деревню, ее культуру, ее людей сделать городскими, культурными, иначе говоря, чтобы их культура, быт равнялись городским. Разве мы можем все это сделать без науки, без высокой техники? Советская интеллигенция должна помочь населению колхозной деревни в овладении научными знаниями. В повышении общей культуры».[3]

Параллельно государством ставилась задача «обеспеченности изб-читален дровами и керосином»,[4] гораздо более реальная и насущная на тот момент, хотя в сороковых и городские дома отапливались дровами, а население периодически отзывалось на сплав и лесозаготовки. Повышенное внимание, которое советская власть наконец уделила интеллигенции, на деле вылилось в абсурдные рекомендации, когда на библиотеки и др. учреждения культуры была возложена даже обязанность «подготовки трудящихся по нормам ГТО».[5] Вот уж нашли на кого свалить! Существовали методические указания даже по тому поводу, как правильно читать газету:

[2] Там же, л. 2.
[3] НА РК Ф. Р-381 оп. 2, д. 1/1, л. 27, л. 31.
[4] Там же. – л. 55.
[5] Там же, л. 51.

«Для того чтобы хорошо провести читку, надо внимательно подготовиться к чтению каждого абзаца. Необходимо установить последовательность чтения в каждом отдельном случае, чтобы не читать просто то, что попадется на глаза… Очень важным материалом в газете является передовая статья…».[6]

Итак, несмотря на то, что война все еще продолжалась, в ноябре 1944 года штат Республиканской Государственной Публичной библиотеки был наполовину укомплектован – в количестве 20 человек (2, л. 1), и библиотека открылась в здании бывшего Дворца пионеров по адресу: Луначарского-2 (сейчас там находится больница). Библиотеке было выделено всего три комнаты.

В составе библиотеки предполагались отделы:

1. комплектования
2. обработки и каталогизации
3. научно-библиографический
4. обслуживания читателей (читальный зал)
5. национальной литературы
6. детский отдел
7. хозяйственный отдел и бухгалтерия
8. специальный фонд
9. отдел общего фонда

На деле все сотрудники помещались в тех же трех комнатах бывшего Дворца пионеров. В те годы Публичная библиотека была скорее государственным хранилищем и на дом книг не выдавала. Правом получения книг на дом пользовались только члены правительства – народные комиссары КФССР и депутаты Верховного Совета КФССР, если они проживали в Петрозаводске.[7] Заведовала библиотекой Татьяна Федоровна Мартьянова.

В конце 1944 года сотрудникам библиотеки полагались следующие оклады:

Директор – 1200

Зам. по научной работе – 1000

Библиотекарь – 600

Бухгалтер – 450

[6] Там же, л. 47.
[7] НА РК Ф. Р- 381, оп. 2, д. ¼, л. 2.

Секретарь-машинистка – 300

Уборщица – 120

Истопник – 150[8]

Параллельно существовала еще и система снабжения граждан продовольственными товарами по категориям. Сотрудники библиотеки относились в основном к третьей и четвертой категориям снабжения, т. е. к работникам невысокой ценности в условиях военного времени. Что касается снабжения промышленными товарами, этот вопрос иллюстрирует письмо Т. Ф. Мартьяновой депутату Верховного совета Г. Н. Куприянову:

«Не можем похвастать и вниманием Зарецкого Райторга по вопросу снабжения нашего коллектива промтоварами. Как всегда обходят, говоря: «Снабжаем промышленные предприятия, приносящие пользу…»[9]

Очевидно, ответ райторга – прямое цитирование. Вряд ли работники торговли были знакомы со словами М. И. Калинина. А если что и слышали, то их это никак не касалось.

В конце 1944 – начале 1945 года в библиотеку поступала литература, возвращенная из Финляндии, а также из эвакуации. В январе 1945 года получили книг:

На финском языке из архива НКВД – 1023 кн.

Возвращено из эвакуации – 200

Из Финляндии – 11860

Из бибколлектора – 18

Итого 13000 книг[10]

Также Госфонд литературы выделил 25 000 томов для пополнения книжных фондов библиотеки.[11]

За неимением стеллажей, шкафов и пр. мебели, большинство книжных пачек так и не было вскрыто, то же касается и новых поступлений из Книжной палаты. Вдобавок сотрудников периодически вызывали на заготовку дров, лесосплав, перевозку мебели, а также переборку картофеля в городских овощехранилищах.[12] При этом руководство библиотеки вынуждено было отчитываться о причинах невыполнения плана:

«Одной из главных причин невыполнения годового плана было отсутствие библиотечных кадров. Брать на работу приходилось людей, которые совершенно не знают библиотечного де-

[8] Там же, л. 1.
[9] НА РК Ф. Р-381, оп. 21/9, л. 32.
[10] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 1/7, л. 14.
[11] НА РК Ф. Р- 381, оп. 2, д. ¼, л. 9.
[12] Там же, л. 44.

ла. Это вызывает много брака в работе, была также и текучесть кадров в связи с окончанием войны. Условия труда были очень тяжелыми. Низкая температура помещения отдела задерживала норму выработки. Руки замерзали, работники должны были отогревать их у печки. Частые аварии были с электричеством, особенно в декабре. Приходилось работать только при дневном свете с 10 утра до 4 вечера. А так как помещение отдела находится на первом этаже, и окна лишь частично заклеены и частично забиты фанерой, то работали и днем, напрягая зрение, работали не при нормальном дневном свете».[13]

Сотрудники библиотеки отвлекались и на прочие работы по городу, никак не связанные с основной деятельностью. В ноябре 1945 г. в библиотеку пришло, к примеру, следующее требование:

«Директору Публичной библиотеки

Исполком Зарецкого райсовета депутатов трудящихся на основании постановления СНК КФССР от 3 ноября 1945 г. (…) о учете скота на 1 января 1946 г. предлагает вам выделить гр. Хеглунд для проведения подворового обхода с 1 января по 5 января 1946 года с сохранением полученной зарплаты.

Председатель Исполкома
Зарецкого райсовета Антохин»[14]

Между тем найти квалифицированные кадры библиотекарей было очень непросто. Объявления о вакансиях периодически появлялись в республиканской прессе:

«Государственной библиотеке требуются на постоянную работу главные библиотекари. Главный библиограф, зав. читальным залом, редактор, художник, уборщица».[15]

Это объявление вышло в газете 7 декабря 1945 г., откликов пришло множество, в т. ч. от лиц с образованием 5 классов. Постоянное место работы давало надежду на получение какого-либо жилья, а в библиотеке положение с жильем было аховое. Так, 10 августа 1945 года Т. Ф. Мартьяновой предложено в трехдневный срок освободить занимаемую ею квартиру, потому что из эвакуации вернулась бывшая хозяйка. По той же причине судебные приставы выселили еще четырех работников, и они оказались буквально на улице.

[13] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. ¼, л. 44.
[14] Там же, л. 43.
[15] НА РК Ф. Р-381 оп. 2, д. 1/1, л. 32.

«Помимо перечисленных, нуждается в квартире Грошникова В. В. – мать воина, погибшего за родину. В течение 6 месяцев не может вернуться в свою комнату, в которой жила до войны и которая занята складом НКВД, и она вынуждена жить в комнатушке без печки в здании библиотеки. В помещении библиотеки также размещены Андриянова, Венустова, Будник, Ниеминен. Библиотека не имеет жилплощади, кроме 3 комнат на Промышленной улице, арендованных в доме Наркомпроса, но и туда вселиться не имеют возможности, т. к. в доме нет стекол».[16]

Остается добавить, что нуждающихся работников все-таки поселили на Промышленной улице, но через некоторое время выселили и оттуда из-за простого ведомственного крючкотворства. Это еще раз подтверждает то, что пожелание М. И. Калинина о возросшем внимании к интеллигенции никакого отклика в реальности не находило. Насколько же разнится действительное положение вещей с казенными фразами, спущенными из Москвы для исполнения! Вот, например, к празднику 8 марта 1945 года библиотеке было предложено провести выставки по темам:

Жены и дети фронтовиков окружены всенародной заботой.

Фашизм – злейший враг советской женщины.

Женщина – могучая сила в борьбе против немецко-фашистских захватчиков.[17]

Что касается женщины как могучей силы, то женщина могуча и в бытовых условиях, и на культурном фронте, который требует порой не меньшего мужества. И сотрудники Публичной библиотеки его проявили в полной мере. Несмотря на ужасающие условия труда и быта, в 1945 году Публичная библиотека установила связи по МБА со следующими библиотеками:

1. Государственной библиотекой СССР им. Ленина
2. Государственной Публичной библиотекой им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
3. Научной библиотекой при Саратовском Гос. Университете им. Чернышевского (Саратов)

А это означает, что мирная жизнь восстанавливалась, и люди стремились читать, повышать свой образовательный уровень (пусть не прозвучит казенно). В каких же условиях занимались посетители читального зала в 1945 году, если в помещении был всего один общий стол, за которым им приходилось тесниться, а книги были разложены на полу и на подоконниках вне всякой системы, и чтобы найти нужную, приходилось буквально перелопачивать горы! И все-таки сквозь машинопись отчетных листов пробивается солнце.

«Читальный зал. Сведения по работе с читателями.

Количество читателей на 20 мая 1945 года – 394.

Из них:

[16] Там же, л. 14.
[17] НА РК Ф. Р-381 оп. 2, д. 1/1, л. 62.

Рабочих – 28, педагогов – 44, научных работников – 11, инженерно-технических работников – 23, военнослужащих – 37, студентов и учащихся – 201, прочих – 50.

Членов и кандидатов в члены ВКП (б) – 46.

Членов и кандидатов в члены ВЛКСМ – 93.

Читаемость:

1. *Абрамов В. Н. – военнослужащий, беспартийный (авиационное и автомобильное дело)*
2. *Харитонов В. Л. – уполномоченный госпиталя (социально-экономическая литература)*
3. *Ибадов М. И. – кандидат ВКП (б), инженер (научная литература)*
4. *Фрейдлинг К. В. – агроном (справочная литература)*
5. *Геращенко С. З. – майор, ВКП (б), военнослужащий (специально-экономическая литература, философия)*
6. *Цвабель Г. И. – пианист (иностранная литература)*

В основном спрос на справочную, социально-экономическую, научную и техническую литературу…».[18]

А вот список самых активных читателей 1945 года:

Заленский С. М. – синоптик, 52 книг

Дмитриенко Я. П. – капитан, 12 книг

Кудрявцев А. И. – инструктор ЦК ВКП (б), 20 книг

Федосеев Ф. В. – капитан, 25 книг

Федоров Н. О. – радист, 56 книг

Соколиков Н. Р. – подполковник, 37 книг

Фридман Г. Л. – артист, 28 книг

Покровский – журналист, 32 книги

Желтоносова М. П. – инструктор, 22 книг

Луговской – 60 книг

Рождественский – инженер, 12 книг[19]

Очевидно, каждого читателя сотрудники знали в лицо. Да это и немудрено, когда вся жизнь протекала в трех комнатах бывшего Дворца пионеров. Радует, что за работу по восстановлению фонда Государственной Публичной библиотеки КФССР в 1945 году следующие сотрудники были представлены на получение медали «За трудовую доблесть в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»:

[18] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 1/7, л. 9.
[19] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 1/7, л. 66.

Беляковская Ермиония Иосифовна 1886 г. р., гл. библиотекарь

Венустова Мария Ивановна 1903 г. р., зам. директора библиотеки по научной работе

Кренева Екатерина Ивановна 1913 г. р., зав. читальным залом

Мартьянова Т. Ф. 1911 г. р., директор библиотеки[20]

Интересно, возникло ли после войны у людей особое ощущение жизни, себя и друг друга? Вряд ли это ощущение можно назвать избранностью, тогда это слово имело скорей отрицательную эмоциональную окраску, и все же это были люди, которым удалось проскочить сквозь мясорубку, почему-то именно им. Как они чувствовали себя, прислушивались ли к дыханию – своему и чужому? Подкатывало ли к ним особое ощущение бытия: я есть, я здесь? Я не винтик большого часового механизма, я сам себе человек… Что-то такое проскальзывает в запросах, которые после войны люди направляли в различные инстанции в поисках друг друга. Что-то большое, глубинное, как будто мир четко разделился на мир живых и мертвых. И тот, потаенный мир мертвых, сделался столь же реален и густонаселен…

«Директору Карельской Республиканской библиотеки КФССР

от бывшей работницы Демидовой Прасковьи Ивановны

Нижайше прошу Вас сообщить мне (если представляется к этому возможность), работает ли кто из бывших работников вверенной Вам библиотеки, как то:

Мартьянова Т. Ф., Попова В. И., Грошникова В. В. и Суханова Зинаида Ивановна. Много возникает сомнений насчет того, живы они или нет.

18 февраля 1945 г.»[21]

Сейчас мы можем ответить Прасковье Ивановны, что двое из ее списка – Т. Ф. Мартьянова и В. В. Грошникова точно живы. А вот Зинаида Ивановна Суханова погибла при сопровождении баржи в эвакуацию в 1941 году. И так это странно, что нам теперь это известно, а Прасковье Ивановне до сих пор – нет.

Еще одно трогательное до слез письмо переслали в публичную библиотеку из Наркомата Образования КФССР. Это письмо написали бойцы воинской части, расквартированной за границей:

«Уважаемый товарищ Нарком!

Бойцы, сержанты и офицеры воинской части Полевая почта 46157 прошли славный боевой путь по полям сражений от Сталинграда до Берлина, от Волги до Эльбы, уничтожая на всем пути немецкие орды. (…) Сейчас мы находимся далеко за пределами любимой Родины, на чужой

[20] Там же, лл. 23–24.

[21] Там же, л. 13.

земле. Среди чужих людей. Единственная связь с малой родиной – это радио и письма. Но этого мало. Мы хотим, чтобы мы не чувствовали оторванности от своей Родины, мы хотим учиться и всей душой быть вместе с советским народом.

У нас очень мало политической литературы. Нет Истории ВКП (б), трудов Ленина, Сталина. У нас совсем нет художественной литературы. И если появится какая-нибудь маленькая книжка – мы перечитываем ее по несколько раз и бережем ее как самое драгоценное в нашей жизни. Мы решили на общем собрании обратиться к Вам с просьбой оказать нам помощь в этом большом вопросе.

Простите, что мы отрываем Вас от большой государственной деятельности, но нужда заставила нас обратиться к Вам, и мы надеемся, что Вы из Ваших возможностей окажете нам хоть небольшую помощь.

Расходы, связанные с пересылкой литературы, мы, конечно, оплатим. Еще раз надеемся на ваше великодушие и заботу о воинам Красной Армии, находящихся за границей.

С гвардейским приветом по поручению собрания:

(Всего десять подписей)

24 октября 1941 года»[22]

В декабре 1945 года Публичная библиотека отправила бойцам посылку, которое сопровождало следующее письмо:

«Дорогие товарищи гвардейцы!

Государственная Публичная библиотека КФССР посылает вам очень скромный подарок – посылочку книг.

К сожалению, художественной литературы не можем выслать за исключением нескольких книг, т. к. библиотека не богата ею. Наша библиотека была разрушена врагами до основания в 1941 году, и все книжное богатство сгорело. (...) Просим извинить, если вы ожидали более ценных книг, и мы не оправдали ваших надежд.

12. декабря 1945»[23]

Что за книжки были в той посылке? Наверное, сейчас это и не так уж важно. Главное, что сотрудники Публичной библиотеки, ютившиеся вместе с читателями за одним столом, прочли, что для кого-то самым драгоценным в жизни является книга и что иногда человек понимает это, только лишившись возможности чтения…

[22] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 1/7, л. 34.
[23] Там же, л. 35.

Примерно на той же ноте написано письмо читателя Фирсова, опубликованное в газете «Ленинское знамя» 3 июля 1945 года. Вероятно, Фирсов составлял его в соавторстве с сотрудниками библиотеки: в деле есть черновик письма, исправления в который внесены другими чернилами, равно как и приведенные цифры посещаемости, которые простой читатель никак не мог знать. Итак, Фирсов пишет:

«Библиотечному делу в нашей стране уделяется исключительное внимание. Ряд последний решений партии и правительства, предусматривающих развитие библиотечной сети и улучшения работы библиотек – яркое тому свидетельство.

Однако иначе смотрят на это руководители культурного фронта К-Ф республики. (...) Иначе чем объяснить этот прискорбный факт, что К-Ф республика по сей день не имеет своего книгохранилища, а в столице республики (...) отсутствует научный библиотечный центр с широким доступом читателей. (...) За короткий промежуток времени библиотека сменила два помещения. На днях предстоит третий переезд. При этом каждый раз библиотека получает помещение хуже, чем имеет…

С конца декабря 1944 года по апрель 1945 года библиотекой обслужено до 800 читателей, выдано свыше 5000 томов книг и выполнено около 200 разнообразных библиографических справок.

Читатель библиотеки канд. педагогич. наук Фирсов»[24]

Переезды, о которых пишет Фирсов, случились в течение 1945 года, когда библиотеке выделили две комнаты в здании Дошкольного техникума на окраине города, это положение не спасло, напротив: фонд библиотеки оказался разбит надвое. В 1945 году на жалобы трудящихся в газету обращали пристальное внимание, поэтому после письма Фирсова вопрос с помещением для библиотеки сдвинулся с места, однако мытарства продолжались еще несколько лет.

---

1. НА РК Ф. Р-381 оп. 2, д. 1/1.
2. НА РК Ф. Р-381. оп. 2, д. 1/3.
3. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. ¼.
4. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 1/7.
5. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 1/9.
6. НА РК Ф. Р-1394, оп. 3, д. 106/799.
7. НА РК Ф. Р-381, оп. 21/9.

[24] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 1/7, лл. 52–53.

Под знаком нового подъема

(Записки о послевоенном строительстве)

В 1946-м году Публичная библиотека по-прежнему ютилась в трех комнатах бывшего Дворца пионеров: ремонт в новом помещении на К. Маркса, обещанном библиотеке, затягивался. Вдобавок в конце 1946 года штат библиотеки попал под общее сокращение административно-управленческого аппарата и был урезан на 10 %, несмотря на протестные письма директора в Наркомат просвещения о том, что *«библиотека представляет собой не административно-управленческий аппарат, а политико-просветительскую организацию с большой перспективой роста»*.[1] Вообще, в официальных письмах и запросах тех лет сквозит если не отчаянное желание оправдать факт своего существования «на народные деньги», то попытка разъяснить важность и востребованность собственной миссии:

«Тот читатель, который пришел в нашу библиотеку, он пришел не просто читать для развлечения, а углубленно заниматься повышением своих знаний».[2]

Или:

«Несмотря на то, что для читателей не было даже минимальных удобств, запросы были глубоки по содержанию, носили научный характер. Например, Балагуров Я. А. – преподаватель университета, использовал для своей работы по истории 28 книг…».[3]

Вероятно, подобные письма были обусловлены репликами отдельных начальственных лиц, мол, кому сейчас нужны ваши книжки. Есть особая категория людей, которые не считают занятия в гуманитарной сфере полезным видом деятельности вообще. По их глубокому убеждению, музыканты только и делают что тренькают, художники – кисточкой машут на природе («Мы бы тоже так могли»), поэты стишки строчат для собственного развлечения и т. д. С этой точки зрения библиотеки в период всеобщей разрухи и вовсе бесполезны.

И все же, несмотря на то, что до конца 1946 года библиотекари работали где и как придется, пристроившись в уголке читального зала или в канцелярии, библиотека установила связи по МБА с Государственной Публичной библиотекой Эстонии, был составлен круг чтения для малоподготовленного читателя – очевидно, в библиотеку забредали разные люди. В 1946 году в библиотеку записалось 406 человек. Их них:

[1] НА РК Ф. Р-381, оп. 2 д. 1/9, л. 54.
[2] НА РК Ф. Р – 381 оп. 2 д. 2/20, л. 3.
[3] НА РК Ф. Р-381 оп. 2 д. 2/21, л. 1.

Рабочих – 22

Служащих – 74

ИТР – 36

Педагогов – 35

Научных работников – 12

Врачей – 7

Агрономов – 1

Работников искусств – 34

Культработников – 49

Партработников – 34

Студентов – 34

Учащихся – 66

Военнослужащих – 55

Домохозяек – 1[4]

Из них: 127 человек имели высшее образование, 315 – среднее и 18 – начальное. Преобладали молодые читатели до 35 лет. Всего за 1946 год было выдано 9968 книг, посещаемость составила 3934 человека.[5] Когда библиотека официально закрылась на время переезда в новое помещение на ул. К. Маркса, некоторые читатели все равно продолжали в нее приходить.

В послевоенные годы библиотека работала с 14 до 23 часов, после сокращения штат ее составлял 32 человека (в 1944 году по штатному расписанию полагалось 40 работников). Дирекции удалось вернуть в библиотеку старейших сотрудников: Венустову Марию Ивановну, Попову Веру Николаевну, Андрианову Людмилу Васильевну (в документах 1919 года она числится под фамилией Леонтьева), Грошникову Веру Владимировну, Гаврилову Александру Константиновну. Специальное библиотечное образование имели всего двое сотрудников. С педагогическим образованием было 9 человек, трое прошли курсовую подготовку по библиотечному делу. Заочно обучались 7 библиотекарей, из них четверо учились в Ленинградском библиотечном техникуме.

«1947 года прошел под знаком нового подъема, размаха и улучшения качества культурно-просветительской работы в Карело-Финской ССР»,[6] и в отношении Публичной библиотеки это действительно так. Библиотека расширяла свое пространство – ей было выделено целых 14 комнат в здании опять-таки Дворца пионеров, но действующего (сейчас там находится Музей изобразительных искусств).

[4] Там же, л. 36.
[5] НА РК Ф. Р- 381 оп. 2 д. 2/21, л. 36.
[6] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 3/30, л. 3.

Параллельно переезду решались и другие дела, на взгляд современного читателя, довольно странные. Например, на библиотеку была возложена подготовка к проведению выборов в Верховный Совет КФССР и работа с избирателями. Стоит пояснить, что в советское время депутатов выбирали всего из одной кандидатуры, поэтому агитировать за нее было занятием довольно абсурдным. Работа с избирателями, собственно, сводилась к обычной просветительской деятельности, и агитировать по традиции приходилось Пушкину. Так, в рамках предвыборной агитации для избирателей Володарского округа организовали литературный вечер, посвященный 100-летию смерти поэта. На вечере присутствовало 130 человек. Также агитаторами-библиотекарями за первую половину февраля проведено 16 бесед с избирателями и выпущена стенгазета «Голос избирателя».[7] С интересной темой выступали агитаторы перед избирателями: «Советская избирательная система – самая демократическая в мире». Действительно интересно, вне всякой иронии, каким образом лектор подводил демократическую базу под традицию выбирать из одного кандидата.

В послевоенные годы недостаток ощущался буквально во всем, так что обычными были подобные объявления: *«Общее производственное совещание перенесено на март виду того, что библиотека не отапливается из-за неимения дров»*.[8] Другие приметы времени невольно проскальзывают в отчетных ведомостях, списках лекций, которые были прочитаны «для повышения идейно-политического уровня работников библиотеки». Наряду с лекцией о международном положении, романе Фадеева и лекцией под названием «Великий русский народ – выдающаяся нация», упоминается лекция «О журналах «Звезда и Ленинград».[9] И неизвестно, что же думали сами библиотекари о стихах Ахматовой, вписывалось ли их мнение в общую парадигму мышления советского народа или кто-то все-таки прятал потаенные мысли в уголках сознания. Фадеев только что получил Сталинскую премию, роман его передавали из рук в рук и читали залпом, иногда за одну ночь, потому что наутро книжку нужно было вернуть владельцу… Через пятьдесят лет, еще при жизни бывших мальчиков и девочек, которые некогда зачитывались романом, текст умер. Теперь он представляет чисто академический интерес. А стихи Ахматовой читают до сих пор, причем по велению души, а не школьной программы. Вот чего стоит признание или непризнание современников, литературные премии и пр.

21 сентября 1947 года Публичная библиотека КАССР открылась для широкого читателя. Были оборудованы читальный зал на 50 мест, зал текущей периодики на 20 мест, кабинет краеведения на двух человек, отдел национальной и иностранной литературы на шесть человек, справочно-библиографический отдел имел возможность обслуживать четырех человек. На библиотеку приходилась всего одна печатная машинка, она стояла в канцелярии, а каталожные карточки и

[7] Там же.
[8] Там же, л. 6.
[9] Там же, л. 11.

пр. документация заполнялись от руки. Сейчас сложно представить, но до конца 80-х годов XX века все машинки в СССР были на специальном учете из опасения, что на них может быть тиражирована запрещенная литература (по крайней мере, так считала молодежь конца 80-х). Вряд ли кто-то рассматривал этот вариант в Публичной библиотеке в 1947 году, машинок просто недоставало, как и всего другого. А в обстановке послевоенного времени следовало ожидать возникновения и таких сложностей:

«Малая посещаемость читального зала объясняется тем, что в зале холодно, были случаи отсутствия света. В книгохранилище второго этажа весь октябрь не было света, между тем на книги по технике, сельскому хозяйству, медицине и художественной литературе был большой спрос. Фонд изредка отапливается, поэтому там очень холодно, что затрудняет работу по нахождению нужной книги. К тому же нет ни одной лесенки, карабкаться по стеллажам к потолку, чтобы достать книги с верхней полки, не каждому работнику под силу, под их тяжестью полки трещат».[10]

Низкие показатели работы библиотеки объяснялись еще тем, что большинство населения Петрозаводска не знало о существовании библиотеки, а библиотека саморекламой занималась недостаточно, тогда это было еще не так и принято. И все-таки читатель библиотеки в 1947 году «был разнообразен по своей специальности». Как наиболее активные отмечены: *Теплинский М. В. – преподаватель литературы Учительского института, Луговской Е. Ф. – засл. врач КФССР, Винокуров – слесарь мастерских, интересуется новинками художественной литературы, Аристов В. И. – корреспондент «Молодого большевика», начинающий поэт. По рекомендации библиотеки прочел следующих поэтов: Багрицкого, Маяковского, Щипачева, Симонова и др.*[11]

Поэт Аристов В. И. далее не встречается в истории Карельской литературы, кроме упоминания в газете «Ленинское знамя» от 25 марта 1947 года:

«20 марта в Петрозаводской городской библиотеке состоялся литературный вечер – встреча писателей республики с читателями. На вечере выступили с читкой своих произведений Антти Тимонен, Виктор Чехов, поэты Александр Иванов, Михаил Сысойков и В. Аристов».

[10] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 3/30, л. 63.
[11] Там же, л. 45.

Т. Ф. Мартьянова

В том же «Ленинском знамени» от 7 февраля 1951 года есть фото директора библиотеки Т. Ф. Мартьяновой. По типажу она похожа на героиню Веры Марецкой из фильма «Член правительства». По отзывам коллег, *«Тамара Федоровна – внимательный, чуткий товарищ. Она принадлежит к поколению новых советских людей, выращенных и воспитанных партией Ленина-Сталина».* Задолго до войны, в 1930 году, Т. Ф. Мартьянова, окончив двухгодичное библиотечное отделение Петрозаводской совпартшколы, начала работу избачем Сумской избы-читальни, затем заведовала Сорокской районной библиотекой, а с 1938 по 1941 год была директором Республиканской библиотеки и в 1944 году возобновила деятельность в этой должности.

Что же касается «поколения новых советских людей», так им свойственно было прежде всего чувство товарищества и нестяжательство, чувство гражданского долга – если говорить о положительных качествах, воспитанных советской властью. (С другой стороны, уже безотносительно работников библиотеки, те же советские люди доносили друг на друга, поддерживали и одобряли травлю неугодных, в том числе писателей, и если бы не было этой «всенародной поддержки», товарищ Сталин в одиночку ничего бы сделать не смог…).

Интересное обсуждение моральных качеств советского человека состоялось 28 мая 1950 года в ходе читательской конференции «Любовь и дружба в произведениях советских писателей». Приводились примеры из повести П. Первенцева «Честь смолоду», романа Н. Островского «Как закалялась сталь». В протоколе конференции отмечена цитата из романа о любви Павла и Таи: «Я слежу за рождением в ней нового человека и помогаю сколько могу», а также читательский комментарий к ней: «Гордость за подругу, превращающуюся в большевика, смягчило тяжелое положение Павла».[12] Невольно возникает ассоциация с бабочкой, которая формируется внутри куколки. Коммунистическая мораль рассматривала современного человека именно как недочеловека, которому только предстояло вылупиться из куколки мещанских пережитков и «религиозного дурмана». Подспудно намечается параллель с новеллой Кафки «Превращение», правда, там происходит обратный процесс: человек почему-то мутирует в гусеницу. В любом случае, в обоих случаях речь идет о насекомых. Фигурка «маленького человека» русской литературы, продираясь сквозь хитросплетения XX века, незаметно действительно выродилась в насекомое. И этот образ

[12] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 5/55, л. 51.

закрепил в названии своего романа Виктор Пелевин: «Жизнь насекомых»! Что главное – к насекомому, в отличие от маленького человека, нельзя испытывать жалость. А разве кто говорил о жалости к классовому врагу? Еще Маяковский сравнил его с клопом, с насекомым, которое надо давить без жалости!

И все же известный лозунг советского времени «Культуру – в массы» и порожденные им лекторы-агитаторы, к которым на предприятиях и в учебных заведениях относились с легкой иронией, все-таки делали свое дело. Потому что если в массы не приходит культура, к ним в дверь стучится водка. Пили здорово и при советской власти, но все же существовала альтернатива. В 1946–1947 годах Публичная библиотека занималась в том числе агитационно-массовой работой на промышленных предприятиях города. На Онегзаводе предусматривалась один раз в неделю читка газетного материала и один раз художественной литературы во время обеденного перерыва, хотя рабочие жаловались: *«Некогда слушать, т. к. весь обеденный перерыв стоишь в очереди. Бывают случаи, что не успеваешь даже пообедать»*.[13]

Чтецы призваны были нести в народ «правдивое коммунистическое слово», как писало методическое пособие, и что-то в народ они все-таки несли, что-то да оседало у слушателей в подкорке.

7 апреля 1947 открылся филиал библиотеки на Онежском заводе. Из фонда читального зала адресно выделили 1400 книг.

«*На 1 декабря 1948 года в библиотеку записалось 260 человек, их них инженерно-технического персонала 35, рабочих 215. Все они занимаются самообразованием и дополнительно читают художественную литературу. За филиалом закреплена работник читального зала тов. Герасимова, которая каждую среду производит выдачу книг. Посещаемость 70-80 читателей»*.[14]

Судя по протоколам собраний коллектива библиотеки, картина состояния заводской библиотеки не столь уж радужная. На собрании 2 октября 1950 открыто говорилось о том, что на Онегзаводе работа провалена. В результате рабочие не сдали 130 книг, многие из должников уже уволились. Некоторые книги пришли в негодность, их пришлось списать. В связи с этим предлагалось посылать на завод только передвижку и провести по цехам и в общежитии массовую работу.[15]

И все-таки заводской филиал сохранился. По данным газеты «Ленинское знамя» от 26 октября 1952 года, в заводском филиале было 600 читателей. *«Вот формуляр молодого формовщика*

[13] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 2/23, л. 30.
[14] Там же, л. 43.
[15] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 5/59, лл. 17–18.

литейного цеха т. Рябова, – пишет газета. – Он прочитал в этом году «Порт-Артур» Степанова, «Северную Аврору» Никитина, роман В. Гюго «Отверженные»…». В кузнечном цехе читали биографию Сталина, а в общежитии – рассказы старых рабочих о встречах со Сталиным.

Книгопередвижка отправилась и в общежитие Судостроительного завода. В производственных коллективах Онегзавода и Слюдяной фабрики проводились встречи с карельскими писателями, вечера на тему: «Борьба за мир», «Маяковский об Америке», «Новый Китай», «Радиолокация», «Было ли начало мира и будет ли конец». Лекции читались также в совхозе им. Зайцева.

В 1948 году Публичная библиотека переживала настоящий подъем. Если в 4 квартале 1947 года посещаемость читального зала была 40–50 человек, то в 1 квартала 1948 года – свыше 100 человек.[16] Проводились литературные вечера, читательские конференции, литературные обзоры, причем не только на Онегзаводе и «слюдянке», но и в общежитии работников УВСР, в красном уголке Гидрометеослужбы. В общежитии ремесленного училища состоялась читательская конференция по книге Л. Кассиля «Дорогие мои мальчишки» и литературный обзор на тему «Молодежь в Великой Отечественной войне». В художественной части вечера выступили артисты театра русской драмы, радиокомитета – активные читатели библиотеки.[17] На 10 декабря 1948 года в библиотеке было 2188 читателей, из них служащих – 691, рабочих – 86, студентов вузов – 310, учащихся техникумов и 10 классов – 690, научных работников – 45, прочих – 175. Посетило читальный зал 12229 чел., выдано книг 35337.[18] Большинство читателей были студенты госуниверситета, учительского института, строительного и архитектурного техникумов, слушатели партшколы.

«Часто в читальном зале можно увидеть заслуженных врачей республики тов. Луговского Е. Ф., Гуткину Л. И., зав. кафедрой литературы Учительского института тов. Миролюбову. (…) Систематически занимается в читальном зале поэт нашей республики тов. Аристов, артисты государственного театра тов. Высоцкий, Томашевский, Фридман и др. (…) Бывают в читальном зале и молодые рабочие, такие как Винокуров, Азаров, Зимин, учатся в вечерней школе и в свободное время приходят и читают художественную литературу».[19]

Из отчета в отчет кочует фигура слесаря Винокурова. Этот парень работал на авторемзаводе и учился в вечерней школе. Очевидно, действительно любознательный был товарищ и книжки читать любил. А в отчеты попадал то и дело, наверное, потому, что уж очень хорошо иллюстрировал типаж молодого рабочего, который тянется к знаниям. И точно так же из года в год повторяются задачи, поставленные партией перед Публичной библиотекой: активное содействие выпол-

[16] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 2/23, л. 9.
[17] Там же, л. 27.
[18] Там же, 42.
[19] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 3/30, л. 42.

нению плана Великой Сталинской пятилетки, пропаганда марксистско-ленинской литературы, обслуживание весенней посевной кампании и методическая помощь библиотекам республики. Библиотека занималась и выпуском методических пособий в помощь рабочему читателю. В 1950 году вышло 6 отдельных брошюр: «Что читать» маляру, штукатуру, каменщику, печнику, плотнику, кровельщику.[20] В читальном зале библиотеки для рабочих с образованием ниже 5 классов (таких было более ста человек), завели отдельный аналитический формуляр, с этими рабочими велась отдельная работа в виде бесед и рекомендаций по чтению.

«Читательница Кяркенен Лемпи Мартыновна, финка 1928 г. р., работает штукатуром в стройуправлении, образование три класса, читает на абонементе с 1949 года.

Первое время ей подбирали рассказы Пушкина, Горького, Толстого Л.Н. Затем библиотекарь стал ее знакомить с произведениями лауреатов Сталинской премии. Ею прочитаны книги: «Молодая гвардия» Фадеева, «Весна на Одере» Казакевича, «Подпольный обком действует» Федорова, «Первые радости» Фадеева и др. Книгу «Поджигатели» Шпанова Кяркенен спросила сама и сказала, что первое время читать ей было трудно, а теперь читает с удовольствием. (…) За 1951–52 год она прочла 68 книг. Из них 10 общественно-политических, 12 русских классиков, 38 советских писателей, 8 переводных».[21]

17 февраля 1950 года библиотека получила автомашину,[22] которая выполняла еще и функцию библиомобиля, не только развозила «заведывающего». В 1950 году библиомобиль выезжал 9 раз в Шелтозерский и Пряжинский районы, обслуживал поселки, в которых не было библиотек. Большой спрос на селе имела именно художественная литература, и это обстоятельство ставилось библиотекарям в вину: якобы «не велась работа с книгой», не хотел народ читать политическую литературу.

В 1950 году публичная библиотека приобрела книг из бибколлектора на 40000 рублей, в ленинградской букинистике – на 32759 рублей, газет и журналов выписала на сумму 28000 рублей.[23] В 1952 году на покупку книг было потрачено 82 000 рублей – смета была урезана в связи с удешевлением литературы. Не будет забывать, что последние сталинские годы – это время снижения цен. В первую очередь приобреталась общественно-политическая литература. Так, в 1952 году были закуплены следующие книги:

1. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР – 84 экз.
2. Сталин. Речь на 19 съезде ВКП (б) – 60 экз.
3. Маленков. Отчетный доклад 19 съезду партии о работе ЦКВКП (б) – 80 экз.

[20] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 5/60, л. 63.
[21] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д.7/70, л. 26.
[22] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 4/50, л. 10.
[23] Там же, л. 15.

4. Булганин. Речь на 19 съезде ВКП (б) – 50 экз.

5. Берия. Речь на 19 съезде ВКП (б) – 60 экз. и т. п.[24]

Через три года брошюры, в которых только упоминается имя Берии, будут тотально изыматься из всех библиотек вместе с каталожными карточками и сжигаться. А ссылки на его статьи и фамилию – затушевываться.[25]

Ложились на библиотеку и чисто хозяйственные расходы, такие как постройка сарая, распиловка и складирование дров, натирка полов. Интересно сравнить следующие цифры. В 1950 году за проведение лекции платили 200 рублей, а за уборку туалета (внештатными силами) – 500.[26] Вероятно, речь идет об очистке выгребной ямы, для коего занятия специально выписывался человек редкой профессии – золотарь. И все же обидно за лекторов. Потому что при необходимости лектор, собрав силы для решающего броска, почистить уборную может. Но вот сможет ли золотарь прочесть лекцию? Впрочем, в наше время за лекцию чаще всего вообще ничего не платят, так что не с чем и сравнивать.

Рост популярности публичной библиотеки и постоянное увеличение количества читателей, как того и требовал производственный план, привели к тому, что к 1951 году читальный зал уже не вмещал всех желающих, а книжные новинки, ежедневно поступающие в библиотеку из Книжной палаты, было некуда класть. Вот как описывает ситуацию газета «Молодой большевик» от 6 октября 1951 года.

«Воскресный осенний вечер. К зданию публичной библиотеки КФССР в одиночку и группами подходят ученики старших классов, студенты университета и техникумов, рабочие, стремящиеся повысить свое образование. Каждый из них надеется, что в этот вечер спокойно поработает в благоприятных условиях. Но часто горькое разочарование ждет их. Уже при входе бросается в глаза, что в фойе то здесь, то там сидят над раскрытой книгой люди.

– Что такое? – недоумевают многие.

В ответ на это работники библиотеки беспомощно разводят руками:

– Почти обычное явление по воскресным дням. Не хватает мест в зале…»

Автор заметки предлагал изменить порядок работы библиотеки по воскресеньям: с 10 утра до 23 вечера, так как студентам, обучающимся во вторую смену, по будням просто негде взять нужную литературу.

С 1951 года библиотекой руководила А. С. Синицына. Судя по стилю ее писем в органы власти, была она человеком прямым и жестким, не склонным к либеральничанью даже с собствен-

[24] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 7/79, л. 3.
[25] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 7/84, л. 83–84.
[26] Там же, л. 13.

ным начальством. Впрочем, и смета на содержание публичной библиотеки в 1951 году была значительно уменьшена по сравнению с 1950-м годом, поэтому все необходимое приходилось буквально вырывать:

«Библиотеке отпустили после неоднократных просьб всего лишь 1 млн. рублей, что позволило приобрести умывальник, несколько полотенец, пылесос, счеты и т.п. мелкие вещи. Из-за отсутствия средств на приобретение инвентаря мы не можем купить ни одного каталожного шкафа, а из-за этого не можем создавать новые каталоги, вдобавок не можем кипятить воду для читателей, не говоря уже о приобретении таких вещей как хотя бы один несгораемый шкаф или ковровые дорожки».[27]

А. С. Синицына неоднократно писала и в Совет Министров КФССР, и в ЦК компартии КФССР о том, что помещение библиотеки завалено новыми поступлениями, книги буквально некуда класть…

«Помещение, занимаемое библиотекой в нижнем этаже Дворца пионеров, мало приспособлено для обслуживания читателей и книгохранения. Книжные фонды размещены с нарушением установленных для библиотеки норм и правил. Вместо 400 книг на 1 кв. метр 1090 книг на стеллажах высотой вместо двух – свыше трех метров. 65 тыс. книг находятся в неприспособленном для их хранения помещении, из них 35 тысяч – во дворе в дощатом сарае. 30 тысяч неотопляемом подвале… За все послевоенные годы не разобраны посылки с обязательными экземплярами нот, изографики, эстампов и газет…»[28]

Подобное нетерпимое положение, по мнению Синицыной, было обусловлено бюрократической волокитой, возникшей в недрах Министерства культуры, по поводу строительства нового здания библиотеки. Документация попала в отдел капитального строительства начальнику Коровякову, а «он с ней так и не разобрался и с его стороны не видно реальной помощи в этом деле».[29] Вообще, в 1946 году разрабатывалось несколько проектов здания публичной библиотеки, намечался даже фонтан со львами, однако выбор пал на проект архитектора Гутина как на компромиссный вариант. В результате был заложен фундамент и… строительство заморозили, уповая на некие объективные обстоятельства. Синицына полагала, что:

[27] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 5/64, л. 25.
[28] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 6/72, л. 36.
[29] Там же, л. 43.

«Основной причиной срыва строительства здания библиотеки в 1953 году является не столько обвал в доме физкультуре, сколько прикрытие этим обвалом нежелание руководителей-строителей (Русецким и Лобко) вести невыгодные для них, не показательные для выполнения их плана строительные работы на этом объекте. В настоящее время строительные работы не ведутся. Время для работы по железобетонным перекрытиям уже упущено. На третью зиму возведенные стены остаются без крыши. Фундамент находится в воде, накопившейся от таянья снега и льда».[30]

21 ноября 1953 года в газете «Советская культура» появилась статья «Портик с колоннами» (Печальная история одного строительства), в которой московские журналисты едко прошлись по Министерству культуры КФССР, карельским партийцам и стройконторе, устроившей волокиту: *«В одних случаях Министерство опаздывает с открытием кредитов на строительство, в других – перебрасывает неосвоенные средства на новые стройки, в третьих – сами строители работают без плана…»,* меж тем как «портик с колоннами» успел покрыться толстым слоем мха…

Московская критика (да еще в газете!) подействовала, и после совещания в ЦК партии КФССР строительство возобновили. Однако строили еще шесть долгих лет.

* * *

1. НА РК Ф. Р-381, оп. 2 д. 1/9.
2. НА РК Ф. Р-381 оп. 2 д. 2/20.
3. НА РК Ф. Р-381 оп. 2 д. 2/21.
4. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 2/23.
5. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 3/30.
6. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 3/37.
7. НА РК Ф. Р-381. оп. 2, д. 3/40.
8. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 4/50.
9. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 5/55.
10. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 5/59.
11. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 5/60.
12. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 5/64
13. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 6/72.
14. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д.7/70.
15. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 7/79.
16. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 7/84.

[30] Там же.

17. Ленинское знамя, 1949 г., 25 марта.

18. Ленинское знамя, 1951 г., 7 февраля.

19. Ленинское знамя, 1952 г., 26 октября.

20. Молодой большевик, 1851 г., 6 октября.

21. Советская культура, 1953 г., 21 ноября.

Что мы читали в пятьдесят пятом

Очень странно на взгляд нынешнего читателя выглядели плакаты, дополнявшие интерьер Публичной библиотеки в 1955 году:

«Увеличить общественное поголовье крупного рогатого скота и повысить его продуктивность!

Увеличить общественное поголовье свиней и повысить продуктивность свиноводства!

Развивать общественное птицеводство!».[1]

Время было такое, что литература понималась как органичная часть общественной жизни, сосредоточенной вокруг подъема промышленности, сельского хозяйства, строительства. Литература была призвана создавать образы положительных героев – честных самоотверженных людей, строителей нового общества, которые не боятся трудностей, во всем поступают по совести, полагаясь на заветы Ильича… Фигура Ленина в данной ситуации практически наделялась сакральными функциями, поскольку за отсутствием Бога кому-то нужно было оставаться высшей инстанцией в вопросах социалистической нравственности – иного критерия не существовало. Товарищ Сталин понимался скорее как карающий бог-Ярило, и все-таки литературная премия носила его имя. Сталинская премия – высший знак качества, которым отмечались произведения, воспевающий боевые и трудовые подвиги советского народа и конкретных его представителей.

В январе 1955 года в Публичной библиотеке Карелии состоялась встреча с лауреатом двух Сталинских премий Верой Кетлинской. Сейчас имя ее известно разве что самым любознательным читателям, а тогда было у всех на слуху. По данным библиотечного опроса, к январю 1955 года произведения Кетлинской во всех петрозаводских библиотеках в совокупности прочло 5126 читателей.[2] Вера Кетлинская – далеко не случайный гость в Петрозаводске. До войны она долгие годы была у нас на комсомольской работе, также в Мурманске и Ленинграде, где пережила блокаду от первого до последнего дня. В 1955 году ей не было и пятидесяти, однако она ощущала себя человеком солидного, едва ли не преклонного возраста, судя по выступлению перед

[1] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 8/95 а, л. 32.
[2] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 10/121, л. 14.

читателями. Вдобавок она была человеком по-настоящему советским, искренне верящим в правильность коммунистической идеи, как и миллионы ее читателей.

Вера Кетлинская получила Сталинские премии за романы «Мужество» и «В осаде». Первый вышел еще в 1937 году и посвящался комсомольцам-целинникам, второй – дням ленинградской блокады. Роман «Дни нашей жизни», написанный уже после войны, в материалах читательской конференции определялся как произведение о труде советских людей в период постепенного перехода к коммунизму. Сейчас мы бы назвали его производственным романом. Очевидно, это чисто советский литературный жанр, выскочить из которого не смог даже в конце 80-х прошлого века автор «Интердевочки», намеревавшийся создать произведение явно провокационное, а получился все равно рассказ на производственную тему…

Однако вернемся в 1955 год. Читатели на встречу пришли не случайные, а те, которые действительно прочли роман и даже написали отзывы. Вообще, в советское время было принято читать и обсуждать новое произведение всей страной, причем в процессе участвовали и профессиональные критики, и простые трудящиеся, и старшеклассники. На встрече с Верой Кетлинской слово взял инженер госзавода Куликов, начал он цитатой, с которой, очевидно, внутренне был согласен: «Коллектив у нас мудрый и выше отдельного человека». И далее развил близкую ему тему:

«Под влиянием коллектива делается человеком шестнадцатилетний сорванец Кешка Степанов, на правильный путь становится Аркадий Ступин. Коллектив сумел вовремя вернуть на верную дорогу директора завода Нестерова, который пытался единолично решать судьбы завода…».[3]

Инженер Куликов отметил, что под влиянием строгой критики со стороны товарищей в человеке выкристаллизовываются лучшие черты. Однако что касается романа, указал он и на существенные недостатки: герои во всех удобных и неудобных случаях начинают обсуждать производственные темы – во время катания на коньках и за шахматной доской, даже во время свидания с любимой девушкой и в минуту вспышки ревности. Последнее замечание вообще характеризует жанр производственного романа, в котором личная жизнь героев вертится вокруг трудовых будней, а производственные проблемы обсуждаются по воскресеньям в кругу семьи. Так именно было и не было, верней так бывало в семьях, члены которой трудились не только ради зарплаты (куска хлеба), но еще и потому, что им интересно было участвовать в строительстве нового общества, выражаясь штампом того времени. Люди, взгляды которых совпадали с общей парадигмой мышления советского народа, вовсе не чувствовали себя ущербными из-за того, что ежедневный паек их был довольно скуден по нынешним временам. Это все временные трудности,

[3] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 10/121, л. 25.

еще немного, и на наших прилавках грянет изобилие!.. Люди стремились к духовному самосовершенствованию, ничего не читать в те времена стеснялись даже простые рабочие. Еще характеристика существовала особая для безнадежно отсталого человека: «Он ничего не читает».

И все же Вера Кетлинская начала свое выступление довольно резко:

«Я буду ругаться. Мне очень обидно, что вас так мало. Разучились, что ли, вы спорить, убеждать? (...) Когда вышла моя первая книжка в Ленинграде, у меня было 100 встреч, и на двух чуть не дошло до рукопашной. Мы очень много спорили. Например, может ли комсомолка носить каблуки, галстук…».[4]

Первая книжка Веры Кетлинской вышла еще в начале тридцатых. В двадцать прошедших лет уместилась бездна времени, несколько эпох, в течение которых то самое поколение, сомневавшееся, может ли комсомолка ходить на каблуках, успело не то что состариться – основная масса комсомольцев тридцатых просто не выжила, осталась на полях сражений. К 1955 году советские люди уже успели кое-что понять, а ведь все равно верили в коммунизм. Они были наивны – и как читатели тоже, поэтому автору пришлось объяснять, почему ее герой Андрей Круглов, сознательный комсомолец, полюбил такую девушку как Дина – красивую, но с гнильцой:

«Я вам всем желаю счастья в личной жизни. Если бы можно было определить комсомольским уставом, кого и как любить. Но сердечные дела уставом не определяются. (...) Мы все, когда любим, бываем слепы. Нужны какие-то потрясения, чтобы розовые очки снять и увидеть человека».[5]

И в этом Кетлинская абсолютно права, как и в том, что идеальный герой, которого хотели бы найти на страницах произведений советских писателей партийные органы, читательской массе казался очень далеким, а это вызывало чувство раздражения и досады. А что касается замечания инженера Куликова по поводу производственных вопросов, которые решались на бытовом уровне, буквально забивая собой личную жизнь героев, Кетлинская полагала, что *«Сейчас жизнь человека настолько связана с жизнью общества, коллектива, что нельзя оторвать одно от другого. В наше время создается новый тип романа – социального романа, рисующего реальную связь человека с жизнью общества. «Дни нашей жизни» – это роман о влиянии партийной организации на всю жизнь людей. Семейные отношения, работу, быт»*.[6]

[4] Там же, л. 43.
[5] Там же, л. 44.
[6] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 10/121, л. 5.

Так же и о выборе темы, живописания неприглядных сторон действительности, которые (все еще!) наблюдаются в советском монолитном обществе наряду с паразитическими элементами, Вера Кетлинская высказала вполне справедливое суждение, что люди, которые живут в согласии и мире, умея любить и помогать друг другу во всем – это вообще-то не тема для литературы. О них буквально нечего сказать:

«Вот, например, семья Диденко. Мне с ней делать нечего. Здесь все на своем месте. Здесь все ясно. А вот трагедия Ангелины – это действительно тема для писателя».[7]

Права она и в том, что в контексте романа не развенчивает пошляков, намеренно не делает оргвыводов, как того требовали некоторые читатели. Жанр романа действительно не подразумевает дидактических суждений автора, тем и интересны романы, что каждое время трактует образ героя по-своему. То есть, перемещаясь вместе с нами по темпоральной прямой, персонажи романа видоизменяются, они сами живут, переходя из эпохи в эпоху. Наверное, герои Веры Кетлинской современному человеку покажутся людьми наивными, может быть, даже ходульными выдуманными типами, но в 1955 году некоторые читатели безусловно верили в реальность романных персонажей и даже просили у автора адрес того и иного героя, чтобы написать ему лично. Люди воспринимали миф о советском обществе, постепенно переходящему к коммунизму, как безусловную реальность, существуя по сути внутри этого мифологического пространства. Показательно письмо «строительницы» Л. Грановской, как отмечено в протоколе конференции:

«*Я приехала сюда с общего профсоюзного собрания нашего домостроительного комбината. На собрании обсуждался новый коллективный договор на 1955 год. Очень я довольна, что прочла книгу Веры Кетлинской «Дни нашей жизни». Это помогло мне правильно сформулировать свои мысли в своем выступлении при обсуждении нашего нового колдоговора.*

Наш директор комбината, как и один из героев романа – директор Немиров – все вопросы пытается решить один, иногда отрываясь от действительности, и не прислушивается к голосу рабочей массы и поэтому иногда плохо руководит. Так что ему, нашему директору комбината, нужно обязательно порекомендовать внимательно прочитать роман и стать таким, каким в конце концов стал Немиров. (…)

Еще хотелось бы мне отметить, что на нашем комбинате нет такого чуткого, внимательного отношения, такой помощи молодым рационализаторам, как в романе. (…) Например, помогли бы токарю Тойвонену разработать мысль о вертикальной головке к нашему фрезерному станку в механической мастерской, что позволило бы выполнить план работы непосредственно в цехе, а не заказывать на стороне (…) Понравилось мне еще как недисциплинированного, раз-

[7] Там же, л. 7.

бросанного мальчишку-ученика вывели на правильную дорогу жизни. Кешка мне напомнил ученика из нашей механической – пятнадцатилетнего Ваню Гудаевского, пришел он к нам год назад маленьким, растерянным, ничего не знавшим и не умевшим. А теперь наш Ваня в 16 лет строгальщик 3 разряда, готовится к пересдаче на 4 разряд. Ваня зарабатывает до 650 рублей в месяц и по вечерам играет в духовом оркестре клуба комбината.

Роман «Дни нашей жизни» правильно отражает нашу советскую действительность и поэтому с интересом читается».[8]

Интересно, что «строительница» Грановская пыталась строить собственную жизнь, которая, вероятно, действительно была неотделима от жизни коллектива, по модели производственного романа, героям которого безусловно верила.

На конференции обсудили вопрос, в чем же счастье и смысл жизни. Писательскому мнению в 1955 году люди еще доверяли, поэтому слова Веры Кетлинской прозвучали убедительно: «*По опыту своей жизни я могу вам ответить, что смысл жизни в максимальной отдаче своих сил. И что отрадно, оно создает у человека огромную сопротивляемость всем обстоятельствам и горестям. Комсомольцы, бросившие уютные условия и поехавшие на целину, наверное, самые счастливые комсомольцы*» (Там же, л. 50).

И комсомольцы, и Вера Кетлинская в 1955 году счастливы были еще тем, что не ведали, что станется с целинными землями, а заодно и плодами их самоотверженного труда через сорок с небольшим лет. Что степной ветер унесет слой плодородной почвы, и целину забросят за бесперспективностью разработки. Впрочем, такой финал можно было предполагать изначально, потому что природа, равно как и чувства, не подчиняется комсомольскому или партийному уставу. И наверняка были ученые, которые об этом предупреждали. Но кто бы их тогда услышал! Слушали «мечтателей», по выражению Веры Кетлинской, которые ратовали за глобальную переделку земли, рек и небес. *«Есть такой инженер Давыдов,* – поделилась на встрече Вера Кетлинская. – *Он разработал проект – поворот Сибирских рек на юг. Вот о таких мечтателях мой новый роман»* (Там же, л. 58) Скорее всего она его так и не написала.

* * *

1. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 8/95 а.
2. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 10/121.

[8] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 10/121, л. 37.

Оттепель как промежуточное состояние

В конце пятидесятых много внимания уделяли читательским конференциям. Считались они обычной библиотечной практикой, чуть ли не рутиной, но вот однажды проницательный читатель Елисеев обратил внимание, что проводятся они формально и даже написал об этом в газету «Советская культура». Заметка его появилась в прессе 21 июня 1956 года, а 27 июня по этому поводу собрали совещание работников Республиканской публичной библиотеки, на котором присутствовали зам. министра культуры тов. Моносов, главный редактор журнала «На рубеже» Д. А. Гусаров, а также сотрудники городских и районных библиотек Карелии.

Статья Елисеева, с одной стороны, вызвала большое недоумение, поскольку подготовка к конференции обычно включала в себя некоторые заранее составленные сообщения, с другой стороны, именно это обстоятельство превращало конференции в скучные формальные мероприятия для галочки. Интересную закономерность подметил Гусаров:

«Массовые мероприятия библиотеки проходит формально. Например, в Заонежском районе конференция готовилась шесть месяцев и, несмотря на длительную подготовку, прошла неинтересно. В том же районе в Типиницах конференция готовилась 2 дня, но прошла более оживленно и интересно. Еще дальше, где совсем не знали, что я туда приеду, встреча прошла еще интереснее, где в живой беседе с читателями выяснилось, что они даже не знали, что издается журнал «На рубеже», не знали и о том, что в журнале есть статьи на материале Заонежской жизни».[1]

На библиотечном совещании вспоминали 20-е годы, когда не существовало никаких методических рекомендаций по проведению конференций, однако читателей всегда собиралось достаточно, и люди открыто высказывали собственные суждения. Не будем забывать, что в первой половине двадцатых прошлого века еще можно было безнаказанно излагать свои мысли, однако впоследствии люди за это пострадали, и к 1956 году уж точно разучились свободно высказываться. Отсюда двойственность позиции руководящих органов, которые вроде бы должны были откликнуться на жалобу трудящихся, но и не могли допустить, чтобы люди высказывали все, что в голову пришло. Этого опасался, в частности, зам. министра культуры Моносов:

«Меня укололо то, что тов. Елисеев написал как недостаток то, что в читательской конференции принимали участие мастера леса и секретари партийных организаций. Сила конференции должна состоять в том, чтобы кроме подготовленных читателей выступали 10 непод-

[1] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 11/138, л. 36.

готовленных (...) Тех товарищей, которые предположительно выскажут свои мысли не так, как хотелось бы, нужно вовремя остановить и дать правильное направление».[2]

Оттепель – это ведь еще не настоящая весна, это промежуточное состояние природы и духа, небольшая передышка перед очередным заморозком… Очевидно, именно так и воспринимались хрущевские реформы руководящими работниками. Верили ли простые люди в близкое наступление коммунизма? Разве можно было не верить библиотечным плакатам, которые уверяли, что:

В СССР производится пшеницы в 2 с лишним раза больше, чем в США.
СССР превосходит США по урожайности хлопка-сырца.
Советский Союз производит картофеля на душу населения больше, чем США[3] (3, л.77)

А то, что в магазинах товаров было не густо, так в США, выходило, еще меньше. Потом, и безработных там в избытке… В своем мифологизированном мире люди жили и умели радоваться, потому что их счастье состояло не только в товарном изобилии. Они находили радость в творчестве, учебе, новых книгах, наверное.

«Наши читатели обижаются, что писатели мало пишут, – говорила на совещании работник Калевальской районной библиотеки Ахокас, – *писали бы больше стихов о лучших лесорубах, хочется читать и смотреть пьесы о жизни карельского народа»* (2, л. 32).

В те годы профессия писателя еще была востребованной, и к книге относились с особенным пиететом. Например, в филиале библиотеки на Онегзаводе был рукомойник, и рабочим выдавали старые газеты для обертки книг.[4] Для разных категорий читателей библиотека разрабатывала различные планы чтения. Например:

«Что читать шоферу»
«Алкоголизм – пережиток прошлого»
«Художественная литература в борьбе с прошлым»
«Нас книга учит Родину любить».[5]

Вскоре появилось и методическое пособие «Что читать о кукурузе», а также «Догоним США по производству мяса, молока и масла на душу населения». Не догнали. Многие современные читатели наверняка помнят фразу обкомовских лекторов: «Хватит денег на пушки – не хватит на масло», которой впоследствии объяснялась скудоба советских магазинов, то есть масла бы в СССР хватило всем, если б не гонка вооружений. Поражает безответственность, с которой руко-

[2] Там же, л. 77.
[3] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 20/240, л. 77.
[4] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 11/137, л. 5.
[5] Там же, л. 64.

водители советского государства раздавали заведомо невыполнимые обещания. Ведь большинство тех, кто в эти обещания верил (в основном это были очень молодые люди), дожили до того времени, когда новым партийцам пришлось оправдываться за слова предшественников и кивать на обстоятельства неодолимой силы вроде военной мощи стран НАТО. Но тогда, в конце пятидесятых, люди, наверное, были счастливы одной своей верой, что все плохое осталось позади, что они победили в страшной войне, остались живы и родили новых детей, во имя которых стоит жить и работать. В любые времена действительно счастливы люди, осознающие смысл и полезность своего труда.

Газетные заметки той поры создают весьма мажорную картину читательских конференций. Вот, например, в газете «Ленинское знамя» от 2 июля 1955 года опубликован отзыв зав. библиотекой поселка Верхние Важины Л. Корчажкиной:

«23 июня у нас в клубе состоялась читательская конференция по повести В. Бабич «Хозяйка леса». Зал был полон. Конференция прошла оживленно, с большой активностью. Обсуждение книги вылилось в большой откровенный разговор о делах лесопункта, об отношении к лесу, об усилении охраны зеленого друга. Читатели спорили, задавали вопросы, выступали. Говорили даже те, кто еще и не прочитал книгу. А говорить нашлось о чем. Лесничий А. Тихонов не только рассуждал о том, что охрана лесов является делом всего народа, как эта идея развивается в повести, он ответил и на многочисленные вопросы читателей, связанные с делом охраны лесов на территории лесничества…».[6]

Понятно, что люди обсуждали не художественные особенности повести, а проблемы лесоохраны, близкие им. Заметка так и называется: «Книга зажгла», то есть повесть В. Бабич заставила высказаться даже тех, кто ее не читал, что, конечно, курьезно. Активно обсуждались в районах Карелии, особенно в Беломорском, книги А. Линевского «Беломорье» и «Бушует Беломорье».

Публичная библиотека разработала специальный опросник для заочных высказываний по поводу прочитанного. Отпечатанный типографским способом, он, видимо, раздавался в ходе читательских конференций или предлагался самым активным читателям библиотеки:

Уважаемый читатель!

Союз писателей Карелии и Публичная библиотека КАССР просят Вас высказать свое искреннее мнение о прочитанных Вами книгах карельских писателей и поэтов. Не пересказывайте содержание книги. Стремитесь раскрыть основную тему и неразрывно связанную с ней идею произведения.[7]

[6] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 23/271, л. 2.
[7] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 23/280, л. 2.

Отзывов поступало очень много, интересно, что написаны они грамотно – в смысле соблюдения грамматических норм, хотя писали зачастую люди с начальным или семиклассным образованием. Есть и такие отзывы, что вполне отвечают требованиям профессиональной критики. Так, например, преподаватель музыкально-теоретического отделения 27 лет от роду (подпись неразборчиво) написал о сборнике стихов Владимира Морозова:

«Анастасия Фомина» и «Мальчишки» – это поэмы, которые представляют собой некоторую веху в развитии русской Карельской поэзии. Неслучайно они были отмечены критикой во всесоюзной печати, критикой весьма и весьма положительной.

В стихах Морозова поражает прежде всего простота и непосредственность, с которой поэт доносит до читателей свои мысли и чувства, такие качества присущи только высокоодаренному человеку (…) Стихи Морозова лаконичны и до невозможности человечны, столько теплоты и обаяния заключено в них. Поэт сумел смело и целенаправленно вторгнуться в жизнь, черпая из нее силу и вдохновение».[8]

Это неформальный отзыв, написанный интеллигентным человеком, глубоко понимающим и ценящим настоящую поэзию. Однако попадаются в архивной папке и откровенно критические отзывы:

«Мое суждение о стихах В. Морозова одностороннее, не берусь судить о художественных достоинствах стихов, оно, очевидно, есть, если издали сборник, но я скажу, почему мне не нравятся эти стихи. Не нравится повторение некоторых выражений, которые весьма неопределенны. Так, в стихотворении «Дочь лесничего» говорится:

И, конечно же, струны выдали
Нам душевный секрет его.
И, конечно же, мы все увидели,
Что и он, как и мы, того…

Навряд ли это слово будет удачным для выражения чувств влюбленности, любви, о которых автор, очевидно, хотел сказать.

Т. Н. Багрий, юрист, 32 года»[9]

[8] Там же, л. 26.
[9] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 23/280, л. 34.

Возможно, подобные придирки обусловлены тем, что многие читатели конца пятидесятых воспринимали литературу как часть общественного производства, следовательно, требовали от поэта такой же точной обточки деталей, как и от токаря. Художественное творчество официально считалось трудом, определение это для писателей лестное, но все же само по себе не совсем верное. Поэт в своем труде менее предсказуем, чем токарь. К сожалению, не каждый читатель это понимал. Критики в адрес местных поэтов поступало вообще очень много, причем критические суждения смело подписывались собственным именем. Вот студентка 3 курса библиотечного техникума А. И. Избякина пишет:

«Откровенно говоря, стихи о любви поэта Тарасова мне не нравятся. Не зажигают они меня как читателя. После них у меня не остается никакого впечатления».[10]

Встречались среди читателей и чрезвычайно наивные люди, которые воспринимали художественные тексты как документальное повествование. Именно эта категория читателей просила у авторов адреса персонажей, чтобы написать героям лично, дать дружеский совет, поделиться собственными соображениями по поводу той или иной жизненной ситуации. Вообще, безусловная вера в реальность персонажей свидетельствует о творческой удаче автора, о том, что он умело воссоздал действительность. Наивно-реалистическое сознание в той или иной степени вообще свойственно множеству читателей, которые отождествляют автора с главным героем произведения, особенно если оно написано от первого лица. Однако в 1959 году читатель был особенно придирчив, если речь шла о его родных местах. Вот Романов Иван Иванович, уроженец села Песчаное, пишет о романе А. Линевского «Бушует Беломорье» следующее:

«Никакого кулака Осипа Лукича в с. Песчаное и Пудож-горе не было, и никого из жителей этих мест не расстреливали и не ранили».[11]

А дизелист (подпись неразборчива) 32 лет от роду отметил в романе А. Линевского «неточность», по его собственному выражению, которая давала искаженную картину положения рабочего класса в царской России. Дизелист приводит следующую цитату:

«Какой дьявол помог мироедам так определить расценку – жаловались мы друг другу, – пробьешься день деньской, а заработаешь разве что на 2–3 дня».[12]

[10] Там же, л. 83.
[11] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 23/282, л. 3.
[12] Там же, л. 60.

Не так уж плохо жилось рабочему низкой квалификации при царе, – делает вывод дизелист, естественно, с иронией: мол, писатель ситуацию обрисовал неточно. Потому что заработать за один день на два-три дня вперед – это считалось очень даже неплохо в конце пятидесятых прошлого века. А по нынешним временам так и вообще шикарно, когда зарплата некоторых работников «великой армии труда» ниже прожиточного минимума, то есть ее не хватает и на хлеб насущный.

Активно обсуждался читателями также роман Г. Николаевой «Битва в пути», причем не только в ходе конференции, но и за пределами библиотеки, в быту. Судьбы персонажей воспринимались едва ли не как судьбы собственных родственников, поэтому и вызывали столь живой отклик:

«По нашему мнению, книга «Битва в Пути» Г. Николаевой незакончена. Интересно знать, как сложится судьба Тины, личная жизнь Бахирева. Мы поняли так, что Бахирев остался со своей семьей временно (...). Правдивы ли такие совпадения в судьбе Тины и Бахирева, как брак не по любви? Особенно у Бахирева: завязал роман с Тиной в серьезном возрасте, когда он был отцом троих детей. И считаем несолидным встречи на лестницах, подъездах и на квартире у старика в таком возрасте и служебном положении. И, самое главное, коммунисту. Мы возмущены тем, что Бахирев, серьезный человек, при встрече с молодой, красивой умной женщиной перестал видеть у своей подруги жизни хорошее. А стал видеть у жены одни недостатки, в которых больше всего повинен сам.

Кавчинская, Демичева, Кавчинский,
преподаватели физкультуры»[13]

А читатель Е. Е. Коршаков возмущался по этому поводу:

«Где же коллектив завода? Выпала и такая сила как профсоюз, о котором нет ни одного слова. А ведь профсоюз – школа коммунизма. В таком большом романе пропустить воспитательную роль профсоюза – это большая ошибка».[14]

Читаешь такие отзывы и думаешь: неужели люди писали это совершенно искренне, из одного желания поделиться мыслями по поводу прочитанного? Неужели у них возникали подобные мысли? И, главное, неужели профсоюз мог вмешаться в семейную жизнь человека?

А ведь все это было на самом деле. С нами. Каких-то пятьдесят лет назад.

[13] НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 23/274, л. 5.
[14] Там же, л. 12.

* * *

1. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 11/137.
2. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 11/138.
3. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 20/240.
4. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 23/271.
5. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 23/274.
6. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 23/280.
7. НА РК Ф. Р-381, оп. 2, д. 23/282.

Ициксон Елена Евгеньевна,
архитектор

История здания Карельской публичной библиотеки 1918–1941 гг.

Вначале было фото – открытка 1934 года с надписью «Петрозаводск. Публичная библиотека». На фотографии, разумеется, не то здание на улице Пушкинской, которые сегодня все хорошо знают, потому как оно было построено только в 1959 году. Публичная библиотека 30-х годов XX века располагалась в доме, известном как бывшая духовная консистория, на той же Пушкинской, но на самом углу площади Кирова. Само здание, которое было разрушено во время Великой Отечественной войны, оказалось с очень длинной биографией, о чем постепенно собрался довольно интересный материал.

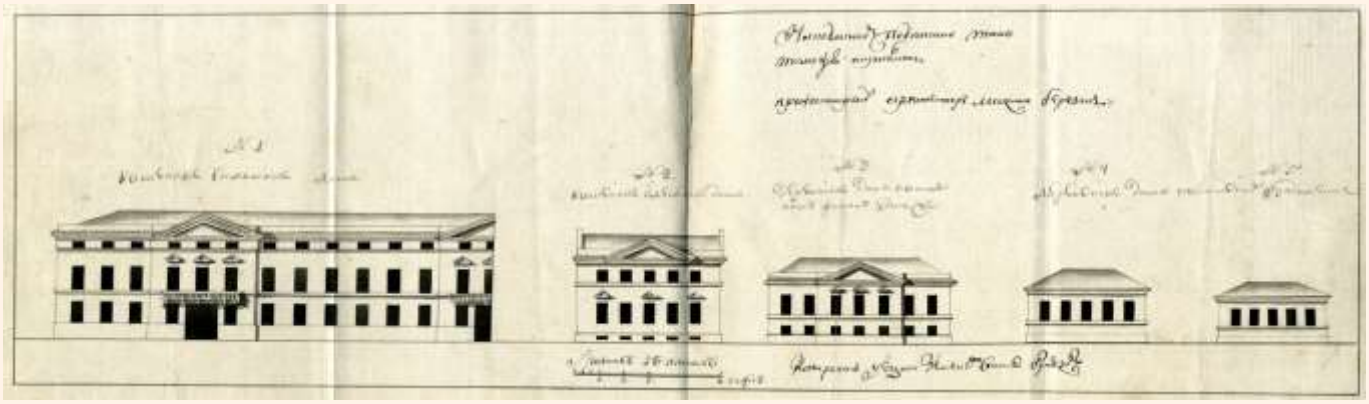

Публичная библиотека на открытке 1934 года

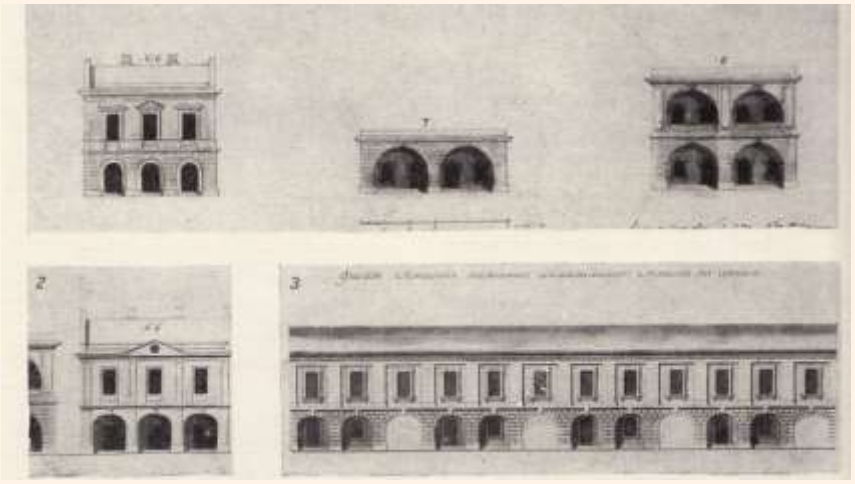
В 1785 году Петрозаводск, как и многие города России времен правления Екатерины II, получил свой первый, официально утвержденный генеральный план. Непременным сопровождением к конфирмованным планам городов были разработанные еще в 1770-х годах в Комиссии каменного строения архитектором Иваном Лемом (1738–1810) обязательные к применению типы так называемых «образцовых» фасадов. Наиболее употребительных было 5, они так и именовались под соответствующими номерами: № 1, № 2 и т. д. Хотя практически в каждом губернском городе, если там наличествовал губернский архитектор, выполнялись с некоторыми вариациями свои собственные «образцовые» фасады, применяемые в застройке всех городов губернии, а также учитывающие вкусы губернского начальства.

В Олонецкой губернии для нового строительства обывательских домов использовался вариант[1] тех же фасадов Лема, переработанный архангельским архитектором, академиком Михаилом Березиным (1758 – после 1830) для применения, по-видимому, во всем генерал-губернаторстве, так как фасады утверждены Т. Тутолминым (1740–1809). Причем первые два типа домов были каменными, а последние три – деревянными. Для купеческого сословия существовали еще три типа «образцовых» зданий с лавками: «№ 6 – каменным домам с лавками, № 7 – торговым лавкам на первый случай в один этаж и № 8 – со временем надстроить и другой этаж».[2]

В Петрозаводске самый большой частный каменный дом был выстроен в 1791 году Филиппом Бекренёвым, санкт-петербургским купцом 1-й гильдии и сыном Петрозаводского городского головы (1794–1796) Ефима Бекренёва.[3]

Образцовые фасады для Олонецкой губернии. Архитектор Михаил Березин. Чертеж из фондов НА РК

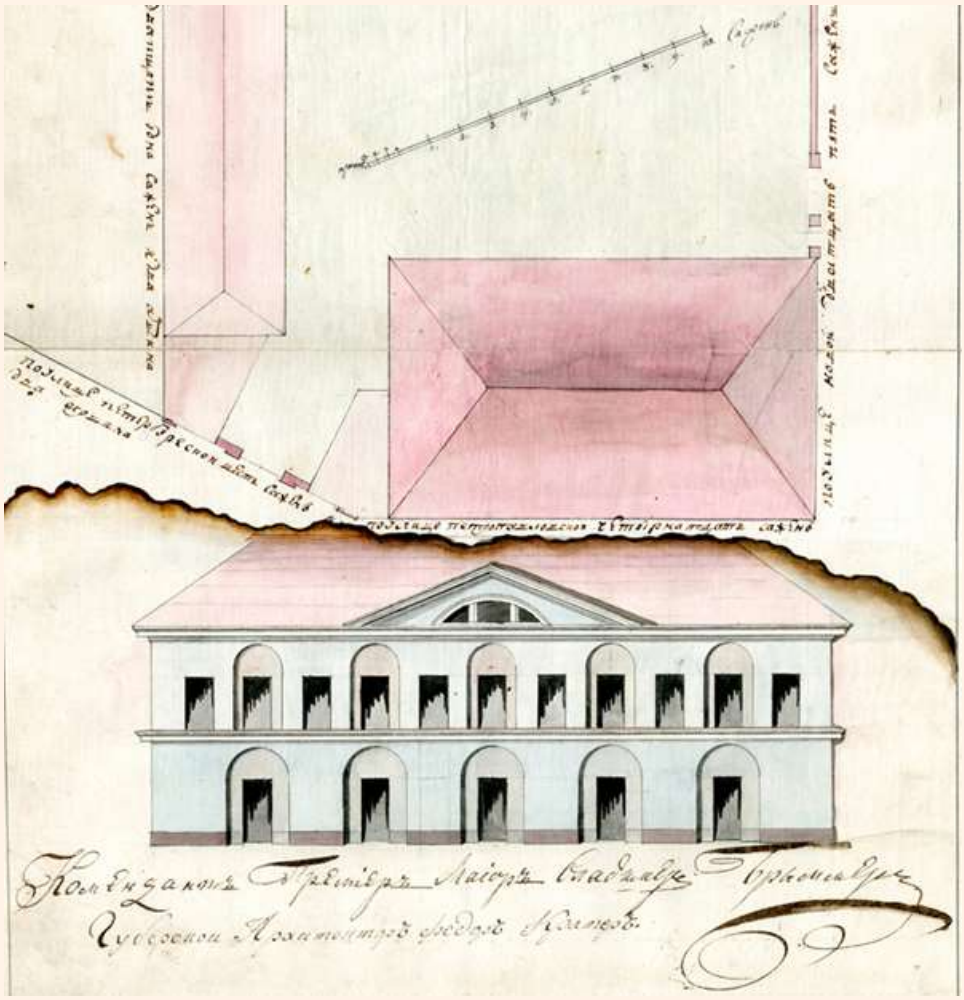
Образцовые фасады купеческим домам

[1] Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 2, оп. 6 1, д. 12/169, л. 72.

[2] Е. Белецкая, Н. Крашенинникова, Л. Чернозубова, И. Эрн. «Образцовые» проекты в жилой застройке русских городов XVIII – XIX веков. Москва, 1961. С. 80, 84.

[3] Н. А. Кораблев, Т. А. Мошина. Городские головы Петрозаводска. 1778–1918 гг. Петрозаводск, 2008. С. 18.

Двухэтажный дом расположился на угловом участке, ответственном в градостроительном отношении, так как формировал угол будущей Соборной площади и фиксировал направления главных улиц центральной части Петрозаводска – Петербургской (Мариинской, Карла Маркса), Петропавловской (Соборной, Карла Маркса) и Пушкинской. Проект дома выполнил губернский архитектор Федор Крамер. В Национальном архиве РК обнаружен чертеж фасада здания и план участка.[4]

Дом купца Филиппа Бекренёва. Архитектор Федор Крамер.
Чертеж из фондов НА РК

На плане участка прописаны все улицы, с которыми граничит территория домовладения. «По улице Петербургской 6 сажень 2 аршина (14,2 метра), по улице Петропавловской 14 сажень (29,8 метра), по улице Новой 25 сажень (53,3 метра)». План датирован временем постройки здания и регистрации его в городовом магистрате, подписан губернским архитектором Крамером и комендантом Петрозаводска Брыммером и документально фиксирует названия улиц, существовавшие в 1791 году. Интересно, что Пушкинская, когда-то носившая название Старополицейская, к этому времени еще не имела никакого названия, так как, по-видимому, только что начала за-

[4] НА РК, ф. 656, оп. 1, д. 97/1350, л. 54.

страиваться. Об этом свидетельствует ее имя на ту пору – Новая. Вообще «Новые» встречались довольно часто в такого рода документах, и это временное имя путешествовало с улицы на улицу Петрозаводска, пока за ними не закреплялось какое-нибудь «настоящее» название.

Судя по представленному проекту, Федор Крамер взял за основу дома Бекренёва «образцовый» фасад № 6 – двухэтажного каменного дома «с лавками». Однако от сквозных проходов образцового фасада на выстроенном доме Бекренёва остались только декоративные арки, по оси которых расположились дверные проемы. Возможно, эти двери вели и в лавки, так как среди первых шести петрозаводских гостинодворцев Бекренёвы не числились.[5]

Дом симметричен и основателен. Тема арок повторилась в уровне второго этажа, а по оси дома появился фронтон с полукруглым окном, за которым пристроился небольшой мезонин. Первый и второй этажи разделены междуэтажным карнизом, опоясывающим все здание, зрительно разделяющим функции торговую и жилую. Фасад по будущей Пушкинской обработан аналогичными арками; он отличается от главного отсутствием фронтона и меньшим количеством окон на каждом этаже – 5 против 11.

Можно было бы предположить (еще до обнаружения чертежа с фасадом), что когда-то у Бекренёва действительно была галерея со сквозными арками в первом этаже дома, позднее заложенная. Однако переписка Олонецкого наместника Ивана Боувера (1742–1822) с генерал-губернатором Тутолминым опровергает эту версию.[6] Боувер – Тутолмину: «*…Исполняя повеление Вашего высокопревосходительства, приказал я отвесть купцу Тимофееву для построения каменного двухэтажного дому с лавками место по набережной наугольное, но как здесь отыскать не мог планы и фасады каменным одно- и двухэтажным строениям, то всепокорнейшее прошу оные ко мне доставить… Мая 9 дня 1793 года».* На что Тутолмин отвечает: *«…фасады назначаемы построению каменным в Петрозаводске обывательским домам препровождены от меня в свое время вместе с Высочайше конфирмованным губернскому городу планом в наместническое правление, где искать их должны. На образец же* ***двухэтажному каменному дому с лавками внизу – сооружен таковой у купца Бекренёва,*** *по соображению с которым и другие строиться могут, причем предоставить волю хозяевам, если похотят* ***глухие в доме Бекренёва арки, не забирая кирпичом, сделать открытыми*** *с галереею по примеру гостиных дворов».*

В 1790 году в Петрозаводске были выстроены первые 15 двухэтажных каменных лавок Гостиного двора, занявшего впоследствии весь квартал у пересечения улиц Петербургской (Мариинской, пр. Карла Маркса) и Соломенской (Куйбышева). Бекренёвы потом имели там несколько лавок. Вероятно, поэтому торговые помещения в их собственном доме более не потребовались, и спустя некоторое время двери лавок в первом этаже дома были заложены и превращены в обыч-

[5] Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО), ф. 1367, д. 2946, л. 2. Цит. по: НА РК, ф. Р-3338, оп. 1, д. 8/110.

[6] ГААО, ф. 1367, д. 5123, л. 1,3. Цит. по: НА РК, ф. Р-3338, оп. 1, д. 8/110.

ные окна. Кроме этого, отец и сын Бекренёвы были крупными строительными подрядчиками, в основном, в Санкт-Петербурге – строительство Екатерингофского канала, набережных Фонтанки, участие в строительстве Казанского собора. При таких больших подрядах на освоение казенных денег требовался залог, которым, как правило, служили собственные каменные дома.

В 1804 году, после пожара на Круглой площади, когда сгорел корпус, в котором предположено было поселить губернатора и вице-губернатора, возникло высочайшее мнение приобрести в казну и переделать для жительства руководителей губернии существующие в Петрозаводске купеческие дома. В частности, дом Бекренёва планировалось купить за 25000 рублей и для окончательного превращения его в губернаторский дом провести там ремонт, смета которого составила более 10 тысяч рублей. Следует заметить, что губернатор и так квартировал в этом доме в связи с тем, что вдова умершего к тому времени Филиппа Бекренёва сдавала его в аренду.[7] Однако купить дом Бекренёва в казну не удалось, так как он в это время как раз и состоял в залоге при подряде на строительство Казанского собора, который продолжали наследники умершего купца. Более того, вдова Анна Бекренёва подала на высочайшее имя жалобу, в которой сетовала, что «губернаторы не платят денег и хозяйничают в ее доме».

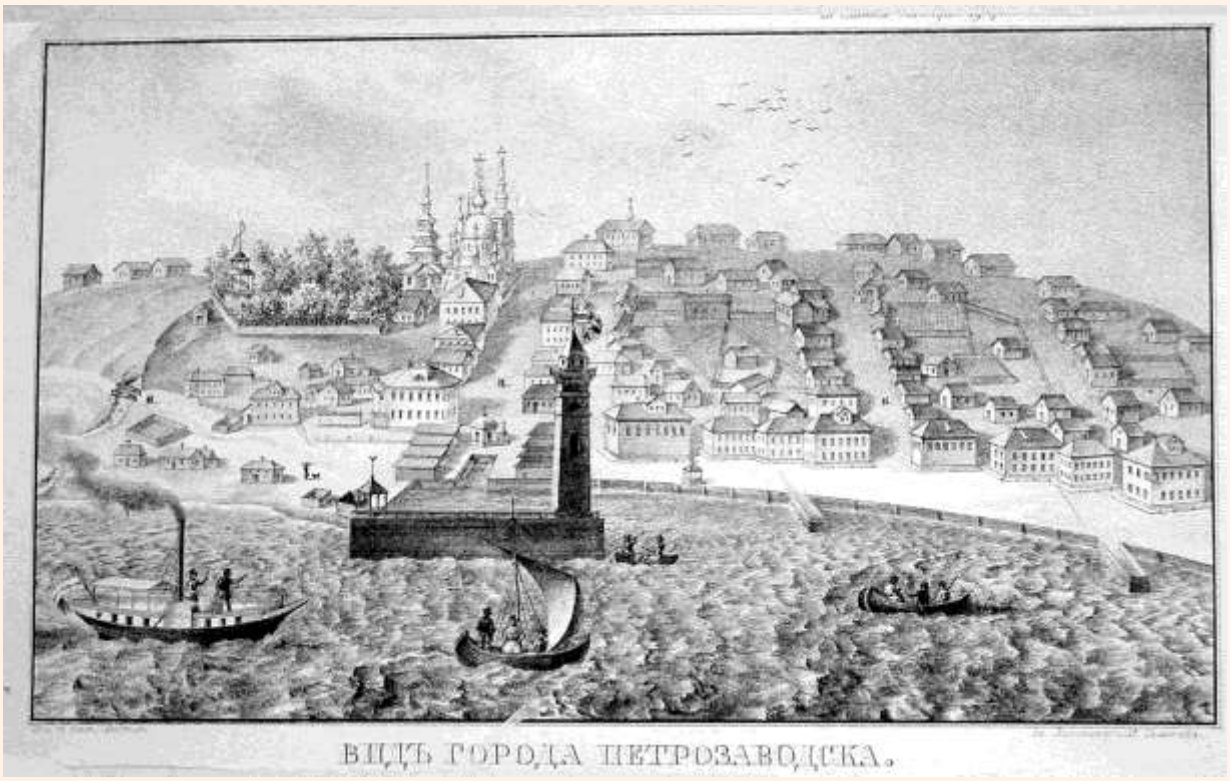
Тогдашнему Олонецкому губернатору Виллиму Мертенсу (1761–1839)[8] удалось отстоять свое предложение о восстановлении после пожара корпуса на Круглой площади именно для «жительства господ губернатора и вице-губернатора», а не «обращения его в казенные соляной, хлебный и винный магазейны». И после ремонта, проведенного по проекту академика Михаила Березина (уже Олонецкого губернского архитектора), губернатор переселился в казенный корпус, известный теперь как бывший губернаторский дом на Круглой площади, или просто Национальный музей.

В 1828 году была учреждена Олонецкая епархия. Вдова Анна Бекренёва и две ее дочери продали епархии свои два дома: один каменный двухэтажный, а другой деревянный на соседнем участке вместе с землей и дворовыми службами. Дел у них в Петрозаводске, по-видимому, не было, родственников тоже, а сами они давно уже жили в Санкт-Петербурге, в Адмиралтейской части в собственном доме на улице Галерной.

В бывшем доме Бекренёва поселился его Преосвященство епископ Олонецкий и Петрозаводский Игнатий (1791–1850), поэтому дом этот долгое время назывался архиерейским. Там же с 1828 до 1918 года размещалась духовная консистория (епархиальные присутственные места и канцелярия). Непременным атрибутом здания стала домовая церковь. Небольшую маковку с крестом на архиерейском доме, свидетельствующую о наличии здесь домовой церкви, можно видеть и на известной гравюре, на которой изображена панорама Петрозаводска со стороны озера.

[7] Б. Гнедовский. История Круглой площади // На рубеже, 1952, № 12, с. 61–67.

[8] Н. А. Кораблев, Т. А. Мошина. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы. Биографический справочник. Петрозаводск, 2012, с. 44–47.

Вид Петрозаводска с озера

После переезда архиерея в новый дом на Древлянской (Гоголевской), расположившийся неподалеку от нового здания духовной семинарии, построенной в 1872 году, здесь, при духовной консистории, осталась только квартира секретаря канцелярии.

В 1912–1915 годах здание духовной консистории подверглось большому капитальному ремонту. Для его осуществления консистория полностью переехала почти на 3 года в Братский дом, что размещался напротив, заплатив по окончании ремонта Александро-Свирскому братству за «временное помещение».

Ремонт здания[9] был связан с его перепланировкой и серьезной реконструкцией: была осуществлена пристройка шириной примерно 6 метров вглубь двора по всей длине здания. Была полностью переделана парадная лестница с несущими конструкциями и отделкой, выполнено новое крыльцо со стороны Пушкинской, построены на двух этажах пристройки новые помещения, заново переделана вся крыша, включая стропильную систему. Кроме того, здание оборудовалось водопроводом и канализацией, а также электроосвещением. По просьбе епископа Никанора (1858–1916) строительство вел губернский инженер Александр Безпальчев (1862 – 1941–43), опытный архитектор и инженер, хорошо зарекомендовавший себя, в том числе и при проектировании и строительстве церкви Рождества в деревне Вехручей.

[9] НА РК, ф. 2, оп. 50, д. 81/75.

Дом Бекренёва. Боковой фасад

Анализируя вид бокового фасада духовной консистории по одной из довоенных фотографий, можно сделать вывод, что пристройка запроектирована в полном контексте с первоначальным архитектурным обликом здания. Окна выполнены в точном соответствии с существующими, карнизы, венчающий и междуэтажный, того же профиля продлились по пристройке без каких-либо отклонений. На боковом фасаде прибавилось по 2 окна в каждом этаже, которые аналогично существующим были декорированы арочными нишами. Точно по оси симметрии этого фасада встало крыльцо главного входа в здание духовной консистории.

После 1917 года в здании бывшей духовной консистории разместилась публичная библиотека. Разыскания в материалах Национального архива РК о дате перемещения библиотеки в это здание привели к некоторым открытиям.

Одним из пунктов декрета Совета народных комиссаров РСФСР об отделении церкви от государства, принятого в январе 1918 года, являлся следующий: «Все имущества, существующих в России церковных и религиозных обществ объявлены народным достоянием». В числе этих имуществ – множество строений, зданий, носивших до декрета самые разнообразные функции. Кроме того, в августе 1918-го был принят декрет «Об отмене права частной собственности на недвижимости в городах», который предполагал муниципализацию всех строений.[10]

В Петрозаводске уже в феврале 1918-го были национализированы и переданы «в ведение Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов по Комиссариату

[10] НА РК, ф. Р-28, оп. 1, д. 15/94, л. 11–13.

Просвещения» здания Братского дома, Духовной семинарии и Духовного училища, Епархиального женского училища, Духовной консистории и «каменного 2-этажного дома по Пушкинской улице, принадлежащего свечному заводу».[11] К слову, все эти здания предполагалось использовать, в основном, в качестве учебных – школ, училищ, а в бывшей духовной семинарии новая власть мечтала разместить даже Народный университет с обсерваторией на крыше и педагогический институт. Однако здесь вмешался военный комиссариат Олонецкой губернии, и с 1918 года за семинарским комплексом укрепилось название «Красные казармы».

В бывшей духовной консистории на углу Пушкинской и пр. Карла Маркса расположился губернский отдел народного образования со своими многочисленными подотделами,[12] а епархиальный свечной завод по соседству поделили созданная в 1918 году при отделе народного образования губернская библиотека-читальня (на втором этаже) и типография Совдепа № 2, которая заняла 1 этаж.

Бывший свечной завод на Пушкинской

ГубОНО заботился о своей библиотеке-читальне. Фонды ее регулярно пополнялись библиотеками училищ и школ, занятых постоем красноармейцев, а также брошенными частными. Летом 1918-го был проведен ремонт помещений под руководством известного петрозаводского инженера-архитектора Вячеслава Лядинского (1882–1852).[13] Осенью в библиотеку-читальню были до-

[11] НА РК, ф. Р-28, оп. 1, д. 3/12, л. 16.
[12] Там же, л. 385.
[13] Там же, л. 303.

ставлены из духовной семинарии первые книжные шкафы и книги, полки из бывшего Общества изучения Олонецкого края.[14] 9 февраля 1919 года, в воскресенье, губернская библиотека-читальня открылась для первых посетителей в новом помещении с читальным залом и выдачей книг на дом.[15]

Об этом подробно изложено в докладе от 20 мая 1919 года заведующего внешкольным подотделом ГубОНО товарища Т. Леонтьева,[16] который хочется максимально здесь процитировать. … *«Ко времени перехода власти в руки трудящихся масс в губернии были только библиотеки-читальни в числе 70, несколько народных библиотек и велись кое-где чтения. За последние 1,5 года… число библиотек возросло вдвойне и стало 140, передвижных – 95…*

...в губернской библиотеке-читальне начало года ознаменовалось поступлением большого количества книг и книжных шкафов из бывшей духовной семинарии. Книжное богатство, исчислявшееся в 31 тысячу томов, сильно увеличилось, но… оказалось в крайне бедственном положении.

Перевозка книг производилась согласно постановлению губисполкома Коммунистическим полком. В результате явилась хаотическая куча книг в большом зале читальни. Такая же куча во дворе, а вокруг – частью с пробитыми стеклами, частью вдребезги разбитые книжные шкафы Семинарской библиотеки.

...удалось переписать часть книг и отремонтировать большинство шкафов. К началу февраля закончена систематизация учтенных книг и приведен в порядок каталог, таким образом, явилась возможность открыть для пользования публики часть библиотеки.

С начала февраля по 15 мая общее число посетителей составило 1743, число выданных книг: беллетристики – 3003, детской – 667.

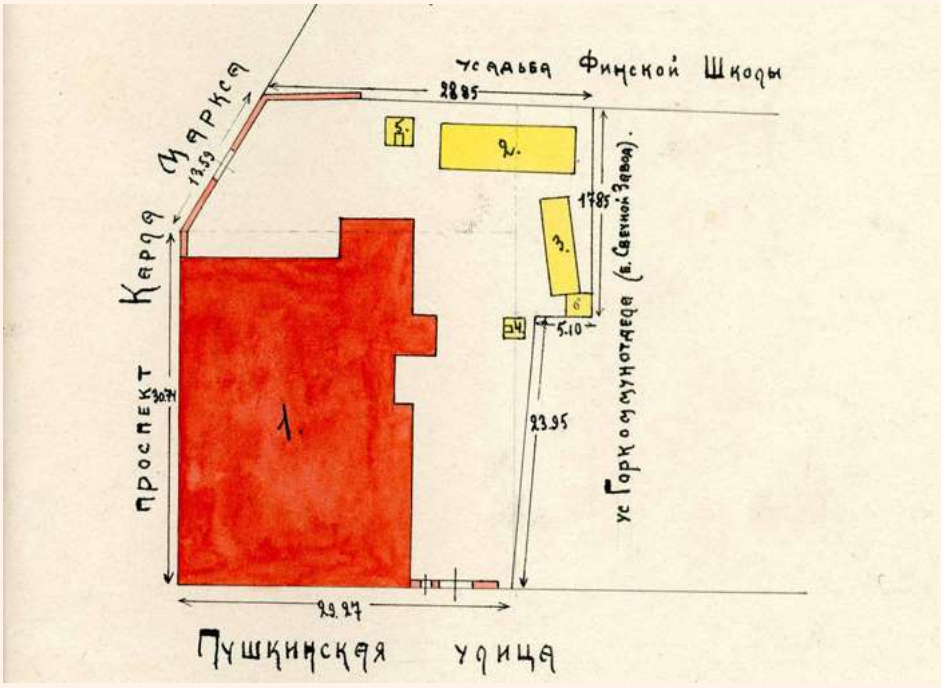
С открытием общего читального зала и особого отдела по краеведению с особым читальным залом повысится прилив читателей библиотеки».

В одном из заседаний коллегии Губернского отдела Народного образования, состоявшегося 22 декабря 1918 года,[17] решилась судьба бывшей Алексеевской библиотеки. Пункт 47 заседания назывался «О закрытии Общественной библиотеки-читальни (б. Алексеевской)», и гласил: *«Поручить заведующему подотделом внешкольного образования национализировать Общественную библиотеку-читальню и внести в смету подотдела на 1-е полугодие 1919 г. со штатом 1 библиотекарь и 2 помощника библиотекаря».* Это значило, что бывшая Алексеевская с 1919-го года вливалась в Губернскую библиотеку-читальню своими фондами, прекращала быть общественной и переходила на государственное финансирование.

[14] Там же, л. 323–325.
[15] НА РК, ф. Р-28, оп. 1, д. 22/170, л. 210.
[16] НА РК, ф. Р-28, оп. 1, д. 29/237, л. 24–27.
[17] НА РК, ф. Р-28, оп. 1, д. 22/170, л.86–87.

В конце лета 1919-го типография № 2 оставила помещение бывшего свечного завода: либо произошла реорганизация типографий в Петрозаводске (их было 4), либо она переехала в другое помещение. Губернская библиотека-читальня получила в свое распоряжение еще один этаж. Не обошлось без эксцессов. На очередном заседании коллегии ГубОНО рассматривалось заявление[18] заведующего библиотекой тов. Богданова с просьбой «о возврате типографией № 2 электрической арматуры в нижний этаж здания библиотеки, а также о возврате дров и очистке помещения типографии от разных ненужных предметов (старых бумаг, отчетов и пр.)». Коллегия приняла постановление о возврате типографией электроарматуры и дров, а уборкой помещений порекомендовала заняться самим библиотекарям.

В середине 1920-х губернская типография № 1, занимавшая половину бывшего губернаторского дома на площади имени 25 октября 1917 года (пл. Ленина), была переведена на Пушкинскую, в здание бывшего свечного завода.[19] По-видимому, именно тогда бывшая Губернская библиотека-читальня, а на тот момент уже Центральная республиканская библиотека переехала в здание бывшей духовной консистории. По-крайней мере, инвентаризационные планы здания библиотеки,[20] датируемые 1929 годом, составленные при обследовании муниципализированных домовладений Петрозаводска, указывают именно на этот дом на углу пр. Карла Маркса и Пушкинской.

План усадьбы Республиканской публичной библиотеки. 1929.

Чертеж из фондов НА РК

[18] НА РК, ф. Р-28, оп. 1, д. 29/137, л. 225.
[19] Н. Кутьков, В. Акуленко. Не боги печатают книги. Петрозаводск, 2000. С. 53–56.
[20] НА РК, ф. Р-1023, оп. 4, д. 16/398.

Планы этажей, план участка. Описание конструкций – фундаменты бутовые, стены кирпичные, 2 этажа с мезонином, крыша железная, печи голландские изразцовые… В графе «Год постройки» прочерк. Тогда еще не знали, что этот дом построен в 1791 году, но в следующей графе «Сколько лет служит» написано «75 лет», хотя дому к тому времени стукнуло уже 138. Хорошо был построен изначально, замечательно был проведен ремонт в 1912–1915 годах, и это послужило основанием к следующему выводу: «Общее состояние дома удовлетворительное, особых ремонтов не требует. Необходимо покрасить крышу и побелить первый этаж. Здание предположительно может прослужить при нормальных условиях 75 лет».

Здание публичной библиотеки не успело прослужить обещанные ему 75 лет. Оно было разрушено в начале Великой Отечественной войны.

Разрушенное здание публичной библиотеки в 1942. Из архива Н. Кутькова

Национальная библиотека РК. Фото 2005

Но возродилось в 1959 году почти на месте бывшего свечного завода по улице Пушкинской, где начала когда-то в 1919 году свою жизнь Губернская библиотека-читальня.

И. В. Кондратьева, *главный библиотекарь*
отдела читальных залов НБ РК

Библиотека в годы войны

Наша библиотека имеет давнюю историю, но многое потерялось во времени. Даже о годах, не совсем еще далеких, известно мало. Это в полной мере относится к истории библиотеки в годы Великой Отечественной войны. Есть архивные документы, есть упоминания на страницах книг, есть газетные заметки, но, в сущности, мы знаем очень немного.

Познакомившись с архивными справками, решила еще полистать газету «Ленинское знамя» за 1941 год. Вот оно, 22 июня. Война уже началась, а в газете еще мир – выпуск сверстали накануне. Да и в следующих номерах, несмотря на объявление всеобщей мобилизации и формирование отрядов ПВО, нет ощущения катастрофы. 29 июня. Финляндия объявила войну Советскому Союзу. Но ведь не дойдут же они до Петрозаводска! Сводки с передовой бодры, письма бойцов и трудящихся полны оптимизма. Все происходящее воспринимается еще как пограничный конфликт. Июль – август. В Театре музыкальной комедии играют «Сильву», «Роз-Мари». В саду отдыха «сегодня и ежедневно народные гуляния. Играет духовой оркестр и джаз». Конечно, это не значит, что люди только развлекаются. Они и работают, работают на износ, вносят свой вклад в победу, которая, в этом не сомневаются, скоро будет. Ведь и финнов, и немцев мы уже били. Выставка в Карело-Финском государственном музее, которую намереваются открыть в июле, так и называется: «Как мы били немцев». Представлены документы, «относящиеся к разгрому немецких полчищ в годы гражданской войны и интервенции».

А что же библиотеки? Они тоже не остались в стороне. «Ленинское знамя» за 16 августа: «Республиканская библиотека – в дни войны». Читаю с особым волнением: ведь это своя, родная библиотека, даже находилась она тогда почти там же, где и сейчас – на Пушкинской, 1, сегодня – на Пушкинской, 5. Конечно, библиотека работает! Узнаю, что ежедневно ее посещают 150–200 человек, что читатель ее, инженер Смурыгин, прочитал за последнее время 41 книгу, военнослужащий – комсомолец Соколовский – 35 книг, а артист филармонии Штофф – 48 книг. Наибольшим спросом пользуется «военно-оборонная литература»: о войне 1812 года, о Чапаеве, Щорсе, книги по военному делу. «Очень многие читатели требуют произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина». Организованы выставки на патриотические темы. В те дни библиотека работала без выходных, по 12 и более часов в день. «И это несмотря на то, что ряд работников библиотеки призваны в ряды Красной армии, а другие заняты на спецработах». Автор заметки хвалит работу передвижных библиотек и «передвижниц» – товарищей Лягину и Блюмину. Работники библиотеки создали и группу самозащиты с пожарным, санитарным и другими звеньями.

«Если и налетит на нас враг, – говорят они, – и себя в обиду не дадим, и социалистическую собственность сохраним. А потребуется, все, как один, выступим на защиту Родины!» – закачивается заметка.

Они еще не знают, что враг налетит очень скоро. 2 октября 1941 года город будет оставлен, и в него войдут финны. Петрозаводск будет поделен ими на несколько зон – концлагерей, где будут содержаться те, кто не смог эвакуироваться, около 25 тысяч человек. От многих зданий, в том числе, и от библиотеки, останутся одни руины. Только 29 июня 1944 года Петрозаводск будет освобожден. Но все это еще впереди.

Эвакуация людей и материально-культурных ценностей из города началась в конце августа. Вывозился и фонд республиканской библиотеки, во всяком случае, – рукописи, уникальная и ценная литература. Эвакуация шла, в основном, на баржах. При бомбежке погибли в водах Онежского озера библиотекари Серафима Николаевна Погарская и Зинаида Ивановна Суханова. Часть фонда была уничтожена во время оккупации, часть вывезена в Финляндию. Но что-то сохранилось. Наиболее редкие книги, фонд читального зала, фонд кабинета по краеведению, в том числе дореволюционная периодика, «Памятные книжки Олонецкой губернии», – все это, около 10 тысяч экземпляров, во время войны хранилось на станции Вонгуда Кировской железной дороги. Весь же фонд нашей библиотеки перед войной составлял более 134 тысяч документов. «В 1943 году уполномоченным Совнаркома т. Пименовой ящики с литературой были сданы представителю Наркомпроса т. Митруковой и после освобождения г. Петрозаводска от немецко-финских оккупантов должны были поступить как основное ядро для пополнения Публичной библиотеки» – это из архивных документов. К слову сказать, Наркомпрос так и не вернул этих книг библиотеке, тяжба с ним достойна отдельной главы.

18 марта 1944 года, еще до освобождения Петрозаводска, было принято постановление Совета Народных Комиссаров республики «О восстановлении Государственной Публичной Библиотеки Карело-Финской ССР». В нем говорится:

«1. С 1 июня с. г. восстановить "Государственную Публичную Библиотеку Карело-Финской ССР с временным ее размещением в г. Кеми.

2. Предложить Народному Комиссару Просвещения Карело-Финской ССР тов. Пятунину: ...

в) к 10 июня с. г. разработать и представить на утверждение СНК КФССР "Положение о Государственной Публичной Библиотеке Карело-Финской ССР" и смету расходов на 1944 год;

г) передать Государственной Публичной Библиотеке КФССР уникальную литературу, принадлежавшую Центральной Республиканской Библиотеке и вывезенную из г. Петрозаводска.

3. Разрешить НКПросу К-ФССР изъять из существующих на территории Республики библиотек книги-уникумы, научные произведения на иностранных языках и справочную, и научную литературу на русском языке по отдельным отраслям науки, народного хозяйства и техники.

4. Просить Книжную Палату СССР с 1 июля с. г. высылать Государственной Публичной библиотеке Карело-Финской ССР по одному экземпляру всей выпускаемой литературы в Союзе ССР…

9. НКФину КФССР (тов. Ракчееву) принять в 1944 г. к финансированию Государственную Публичную библиотеку за счет неиспользованных ассигнований по Республиканскому бюджету на просвещение».

Государственная Публичная библиотека КФССР была открыта в Петрозаводске 1 декабря 1944 года. В библиотеку вернулось «очень незначительное количество книг», поэтому после освобождения города «небольшим коллективом в 5 человек работников библиотеки был произведен отбор книг в подвале Университета, Центрального архива и в других складах». В 1945 году поступили 14 вагонов книг, возвращенных из Финляндии. Из них «был отобран один экземпляр как обязательный и дублетные экземпляры более необходимых книг». В то же время из Ленинградского отделения Госфонда безвозмездно было передано Публичной библиотеке 12 тысяч книг. Поступили в фонд такие редкие издания, как «Калевала» на финском языке в тисненом кожаном переплете, изданная в 1935 году, «Арифметика» Магницкого.

На 1 апреля 1945 года библиотека имела книжный фонд в 80 тысяч экземпляров, из которых было обработано и заинвентаризовано 30 тысяч. К разбору литературы, возвращенной из Финляндии, привлекалась общественность города. Все это я узнала из докладной записки директора Государственной Публичной библиотеки КФССР того времени Т. Ф. Мартьяновой председателю СНК КФССР П. С. Прокконену. Только факты и цифры. Но какая за ними стояла огромная работа! В мае 1959 года было торжественно открыто новое, красивое, специально построенное здание Публичной библиотеки на Пушкинской, 5. Книжный фонд к этому времени насчитывал уже более 900 тысяч документов. Но это уже другая, послевоенная, более близкая нам история.

С. Н. Исакова,
главный библиотекарь отдела
Книжная палата РК НБ РК

Книжная палата Республики Карелия: даты, фонды, люди

В 2014 году исполняется 55 лет зданию на улице Пушкинской, 5, в котором располагается наша Национальная библиотека Республики Карелия. В это здание, построенное по проекту архитектора К. Я. Гуткина, библиотека переехала в 1959 году. С этого же года библиотека стала выполнять функции республиканской книжной палаты, после того как постановлением Совета Министров СССР от 15.03.1959 года на республиканские библиотеки автономных республик, не имеющих книжных палат, было возложено осуществление государственной библиографической регистрации издаваемых книг, журналов, а также издание ежегодных «Летописей печати». Первая «Летопись печати Карелии» в нашей республике вышла в 1960 году, но включала в себя сведения уже за 1959 год.

Так началась государственная библиография в нашей республике, а Елена Ивановна Такала стала ее родоначальницей. Она же стояла у истоков создания Книжной палаты Республики Карелия, которая находится сегодня на пороге своего 55-летия.

Книжная палата РК является одним из главных гарантов сохранения книжной и печатной памяти нашей республики, поскольку призвана в максимально полной степени собирать и хранить всю выходящую в республике печатную продукцию. Фондохранилище Книжной палаты рассчитано на постоянное хранение поступающей издательской продукции в виде обязательных экземпляров. Значение обязательного бесплатного экземпляра документов трудно переоценить. Так, в 2012 г. в фонд Национальной библиотеки РК поступило почти 16000 документов. Из них покупка книг и подписка на периодические издания на средства республиканского бюджета составили 23 %, а поступления по обязательному экземпляру документов РК 18 %.

Но пока 1959 год. За первый год формирования фонда Книжной палаты в нее поступило 225 документов с тиражами от 200 до 200 тыс. экземпляров. Все книги были напечатаны в основном в двух типографиях – Типографии им. П. Ф. Анохина в Петрозаводске и Сортавальской книжной типографии, а издано практически все было в издательстве «Госиздат КАССР».

Просто перелистывая инвентарные книги, видишь, что в 50–70-е гг. работали активно только «Госиздат КАССР», позднее преобразованное в «Карельское книжное издательство», и издательство «Карелия», встречаются издания РИО Петрозаводского университета и Карельского научного центра РАН. Из типографий работали – типография им. П. Ф. Анохина, городская типография № 1 г. Петрозаводска, типография Совнархоза, Бланочная типография г. Петрозаводска. Все, что поступало в Книжную палату в эти годы, отражалось в «Летописи печати Карельской АССР».

В 70-е – начале 80-х годов фонд Книжной палаты формировался под началом Алмы Матвеевны Липкиной. В эти годы активно создаются типографии во всех районах республики и средний годовой рост фонда Книжной палаты составляет 200–250 документов. 70–80-е годы отличаются небольшим количеством названий выходящих книг, но большими тиражами.

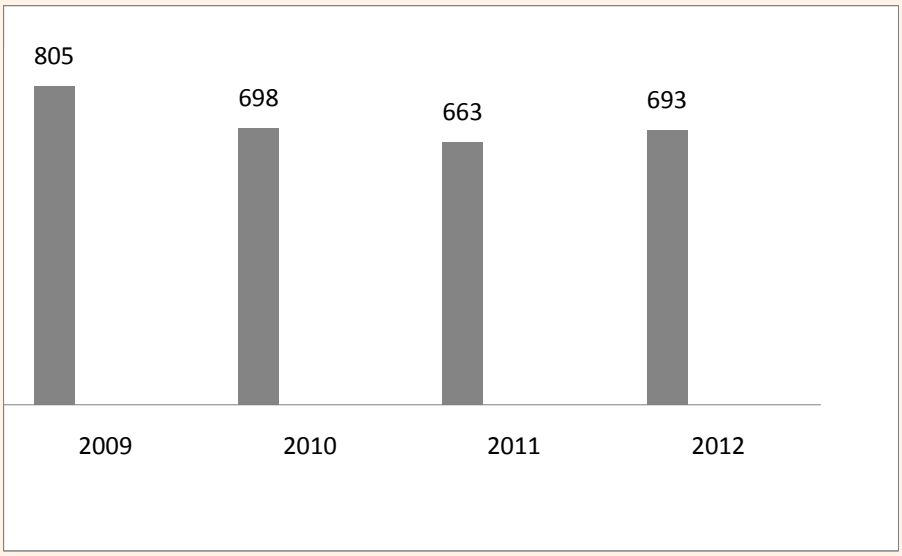
В начале 90-х годов в Петрозаводске и по всей республике возникло много частных издательств и типографий, которые выпускали востребованную на тот момент литературу – детективы, фантастику, женские романы, детские книги. Например, в Петрозаводске работали следующие издательства: «Соломон», «Петрополь», «ДФП», «Амитье», «Петроком», «Барс», «Бизнес-Наука-Производство», «Дрофа и Карелия», «Филателист», «Кругозор», «Барс-Афган», «Карэко», «Аверс», «Файн-Лайн», «Святой остров», «Карпован сизаркесет», «Волшебник» и др. Тогда же начали работать издательства «ПетроПресс», «Периодика», «Версо», «ИнтелТек». В других городах Карелии работали издательства – «Приз» (г. Пудож), «Стимул», «Вяйнола», «Баско», «Лаулу» (г. Костомукша), «Медиа-плюс» (г. Медвежьегорск) и др. При этом многие издательства игнорировали обязательную отправку Книжной палате контрольного экземпляра. Такая ситуация 90-х негативно отразилась на пополнении нашего фонда.

В 1995 году Книжная Палата РК из сектора государственной библиографии была преобразована в отдел, первым руководителем которого стала Вера Александровна Ягодкина. Фонд отдела на 01.01.1996 года составил 9585 документов.

С конца 1997 года и по сей день работу заведующей отделом Книжная палата выполняет Инна Валентиновна Шегина. На начало нового тысячелетия

01.01.2000 года фонд отдела составлял 15050 документов. Статистика карельского книгоиздания по числу названий показывала поступательный рост количества книг из года в год, и каждый год нового тысячелетия побивал рекорд предыдущего. Пик книгоиздания пришелся на 2008 год, когда в Книжную палату поступило 897 названий документов. В конце двухтысячных в стране начался экономический кризис, и это сразу же отразилось на издательском деле нашей республики. С 2009 г. началось снижение поступлений документов.

Так в 2009 г. поступило 805 документов, в 2010 г. – 698 документов, 2011 г. – 663 документа, 2012 г. – 693 документа. На 01.04.2013 года фонд отдела составляет около 28 тыс. документов. Отдел занимается и докомплектованием (восполнением лакун), а по обязательному экземпляру старается получать по максимуму все, что издается сегодня в нашей республике.

В 2000 году работа Книжной палаты РК вошла составной частью в программу «Национальная библиография Республики Карелия». Палата не имеет аналогов по широте и разнообразию своих функций, потому что является органом не только национальной библиографии, но и статистики печати, ведет научную деятельность по созданию государственной библиографии. Книжная палата не только формирует свои фонды, но и с момента создания занимается их раскрытием и популяризацией.

Результаты работы Книжной палаты Карелии отражены в информационных источниках – государственном библиографическом указателе «Летопись печати Республики Карелия» (выходит ежеквартально, издается с 1960 г), информационно-статистическом бюллетене «Печать Карелии в … году» (издается с 2000 г.).

С 2000 года фонды Книжной палаты представлены на ежегодной выставке «Книга года Республики Карелия в … году».

На сайте Национальной библиотеки РК ежемесячно публикуются списки поступлений новых документов в фонд Книжной палаты. Появилась у нас и виртуальная книжная выставка текущих поступлений. Издатели видят объем доставки обязательных экземпляров, читатели – новые книги карельских авторов и издательств, а наши коллеги из районных библиотек пользуются списками и выставкой, чтобы познакомиться с новой краеведческой литературой для комплектования фондов своих библиотек. В 2009 году статья о Книжной палате РК наравне со статьей о Национальной библиотеке РК вошла во второй том энциклопедии «Карелия».

Н. С. Петропавловская,
ведущий библиотекарь отдела
Книжная палата НБ РК

Книжная палата Национальной библиотеки Республики Карелия страницы истории

Книжной палате Национальной библиотеки Республики Карелия чуть больше пятидесяти лет. Не юбилей, конечно, но серьезный повод оглянуться назад в прошлое, перелистать страницы своей истории.

Процесс возникновения в России книжных палат берет свое начало с постановления Временного правительства «Об учреждениях по делам печати» от 27 апреля (10 мая) 1917 года. Взамен Главного управления по делам печати было создано иное учреждение, которое получило название «Книжная палата».

В большинстве областных и республиканских библиотек СССР Книжные палаты появились в конце 1950-х – начале 1960-х годов, хотя принципы их организации закладывались значительно раньше. К примеру, в документе Отдела народного образования Карельской Трудовой Коммуны от 14 апреля 1921 года, хранящемся в Национальном архиве Республики Карелия, содержатся сведения о решении «передавать в библиотеку (Пушкинская ул.) один экземпляр каждого издания, имеющего то или иное отношение к Олонецкому краю». Директор же Карельской Публичной библиотеки Иван Михайлович Никольский писал в одной из своих статей, опубликованной в журнале «Карело-Мурманский край» (№ 22 1926 г.): «1 января 1924 года краеведческое отделение было порадовано Карлитом, вынесшим постановление – каждую карельскую печатную строчку, после выхода ее из типографии, передавать в 1-м экземпляре на хранение в отделение. Наша заветная мечта осуществилась – мы стали «карельской книжной палатой».

Официальный факт организации палаты растянулся еще более чем на 30 лет. В статьях о государственной библиографии 1930-х и 1940-х годов на этот факт не раз обращалось внимание. Например, в журнале «Советская библиография» (№ 5 1948 г.) в статье Н. Т. Толкачева читаем: «Лишь 2 союзные республики – Карело-Финская и Молдавская – не имеют еще книжных палат. Надо полагать, что вопрос об организации книжных палат в этих республиках будет вскоре решен».

Решился этот вопрос в 1958 году, когда вышел приказ Министерства культуры СССР № 15 от 7 января, по которому на республиканские библиотеки автономных республик, в которых не было книжных палат, возлагалось осуществление государственной библиографической регистрации произведений печати. Вслед за ним в этом же году для этой цели на основании приказа Главлита № 589 от 19 июня республиканским библиотекам предоставлялось право получения от ти-

пографий по одному обязательному бесплатному экземпляру всех видов произведений печати, выходящих на территории автономной республики.

С 1 января 1959 года на основании приказа карельского Министерства культуры за № 25 от 10 января на Публичную библиотеку Карельской АССР были возложены «обязанности книжной палаты, т. е. осуществление государственной библиографической регистрации произведений печати, выходящих в республике». Этот день можно считать днем рождения нашей Книжной палаты.

В приказе отмечено, что все типографии республики должны регулярно высылать в адрес библиотеки свои издания, ведь «на основании обязательного экземпляра в Публичной библиотеке будет создаваться архив печати республики, издаваться книжная и газетно-журнальная летопись».

Осуществлять государственную библиографическую регистрацию литературы и издание «Летописей печати», как сказано в обзорной статье ежегодника «Библиография советской библиографии» за 1960 год, начали «республиканские библиотеки под общим методическим руководством Всесоюзной книжной палаты». Отличительная особенность нашей палаты состояла в том, что работа велась с печатными изданиями на финском и русском языках.

Первоначально функции Книжной палаты в Петрозаводске выполнялись сотрудниками отдела краеведения и местной печати, позже она выделилась в структуре как сектор государственной библиографии. Поэтому неудивительно, что в историю палаты вписаны имена библиотекарей-краеведов: Такала Елены Ивановны, Горячевой Нины Ивановны, Липкиной Алмы Матвеевны, Суомалайнен Лилии Степановны, Туренковой Марины Ивановны и многих других. Благодаря их стараниям создавался печатный архив республики, а государственное библиографическое издание «Летопись печати Карельской АССР» получило высокую оценку у специалистов не только в Карелии, но и на всесоюзном уровне.

Первый выпуск «Летописи печати» увидел свет в 1960 году и содержал сведения о печатных изданиях за 1959 г. Выходила «Летопись» (до 1995 г.) два раза в год. Помещенный в издании материал был классифицирован по системе классификации литературы, принятой в органах государственной регистрационно-учетной библиографии Советского Союза. Состояла «Летопись печати» из трех разделов:

- описание книг, изданных в Карельской АССР;

- изложение содержания журналов, издающихся в республике;

- содержание республиканских газет «Ленинская правда», «Советская Карелия» и «Комсомолец».

Все разделы «Летописи» имели именные вспомогательные указатели.

При знакомстве с первым выпуском карельского органа государственной библиографии обращает на себя внимание книжный раздел. В нем отражена издательская продукция республики.

К примеру, были изданы весьма характерные для тех лет книги: Писаренко Е. И. «Как мы выращиваем кормовую капусту» или Нефедов Е. В. «Познавай недра родного края». Встречаются на страницах указателя труды Карельского филиала Академии наук СССР - «Материалы по гидрологии (лимнологии) Карелии», «Некоторые итоги исследований по мелиорации земель в Карельской АССР» и другие. Вышли из печати в тот год немало полезных и нужных изданий. Среди них - книга Родионовой Н. «Карельская вышивка», справочник автора-составителя Иванова А. А. «Писатели Советской Карелии». На страницах «книжной летописи» присутствуют и методические издания Государственной Публичной библиотеки. Среди них можно увидеть материалы в помощь районным и сельским библиотекам для проведения читательских конференций по книге А. Тимонена «Родными тропами». Издание так и называется, а составителем его являлась П. Я. Левина. Другой материал для библиотек разрабатывала А. И. Грязева. Он посвящен карело-финскому эпосу «Калевала».

В статье И. И. Михлиной и И. Б. Чишейко, посвященной государственной библиографии автономных республик, в т. ч. и Карельской АССР («Советская библиография», № 4 1974 г.), приводится следующий анализ: « …среди книг и брошюр, отраженных в «Летописях печати» автономных республик, краеведческие материалы составляют 60-70 проц., среди статей из газет – более 90 проц., среди статей их журналов и сборников – более 70 проц., если в республике не издаются периодические и продолжающиеся издания по естественным и техническим наукам, или 15-25 проц., если издаются».

Таким образом, именно «Летописи печати» можно считать одним из основных источников краеведческой информации. Неслучайно, в своей статье, опубликованной в газете «Ленинская правда» за 21 июля 1965 г., Ю. Курсков пишет: «Летопись» помогает проследить творческий путь наших карельских писателей, поэтов, журналистов, ученых, развитие движения рационализаторов, зарождение и распространение новых починов и творческих методов в работе, рост культуры городов и самых отдаленных сел карельского края». В этой же статье дальше читаем: «В выпусках за 1965 год в «Летопись» будет введен дополнительный раздел «Карелия в печати Советского Союза». В результате этого «Летопись» явится сочетанием библиографии местной печати и библиографии всей издаваемой в Союзе литературы о республике».

Итак, с 1965 года к «Летописи печати» второго полугодия стал формироваться специальный указатель. Сбор информации был регламентирован «Типовым положением о составлении библиографии «Республика в печати СССР и зарубежных социалистических стран», разработанным Всесоюзной книжной палатой. В положении было указано, что эта «библиография составляет особый раздел «Летописи печати» или выпускается как самостоятельное издание, дополняя органы государственной библиографии». В нем также предусматривался отбор произведений в целом, отдельных разделов или глав книг, если они посвящены республике. Для полноты сбора сведений книжные палаты союзных республик совместно с государственными и научными биб-

лиотеками обменивались материалами. Указатель отражал произведения печати, изданные за пределами республики, но связанные с ней по своему содержанию, языку текста и деятельности автора. Иначе этот раздел соотносился с понятием «экстериорика» (от лат. exterior – внешний, иностранный). О работе над этим изданием содержатся сведения в той же статье И. И. Михлиной и И. Б. Чишейко («Советская библиография», № 4 1974 г.): «Тщательный отбор подобной литературы характерен для указателей, выпущенных в Карельской АССР».

В таблице 1 статьи библиографа-краеведа Г. М. Вольберг, посвященной «Летописям печати» автономных республик, содержатся любопытные сведения. О «Летописи печати Карельской АССР» по данным на 01.01.1990 г. приводится такая статистика:

Общий объем лит. назв. за год	Кол-во названий	Книги	Статьи из журналов	Статьи из газет	Ноты	Рецензии	Республика. в печати СССР
6021	5691	200	424	4554	4	36	473

Стоит подчеркнуть одно достоинство «Летописей» – они издавались типографским способом. Критика же в их адрес чаще всего звучала по аналитическому учету. Например, в ежегоднике за 1993 год «Краеведческие библиографические издания библиотек Российской Федерации» читаем, что «по-прежнему в летописях печати Карелии … отражено содержание лишь республиканских газет».

Ситуация в корне изменилась, когда Книжная палата из сектора государственной библиографии в 1995 году превратилась в самостоятельное структурное подразделение. Возглавила его Ягодкина Вера Александровна. При ее непосредственном участии была разработана правовая основа деятельности отдела – Закон Республики Карелия «Об обязательном экземпляре документов».

С 1995 года «Летопись» стала создаваться в автоматизированном режиме. Расширился круг библиографических источников, в указатель вошли статьи из районной печати, издания на национальных языках – карельском и вепсском, появились новые вспомогательные указатели.

Сведения о книгах, поступающих в Книжную палату, отражаются в электронном каталоге Национальной библиотеки РК и доступны всем пользователям Интернет. Кроме того, составной частью каталога библиотеки стали также библиографические записи на статьи из журналов и газет, созданные карельской палатой.

К концу 20 века архив местной печати Книжной палаты насчитывал около 15 тысяч единиц хранения. Среди них - книги, журналы, газеты, авторефераты диссертаций, ноты, картографические издания, открытки, издания на нетрадиционных носителях. Архив палаты стал самым полным библиотечно-информационным фондом документов, издававшихся в Карелии. Архив под-

лежит вечному хранению как часть национального культурного наследия. На 1 октября 2013 года его объем составляет 28107 единиц хранения.

Список использованной литературы

Библиотеки Карелии. XX век: библиографический указатель литературы / Национальная библиотека Республики Карелия; [отв. ред. Т. В. Терпугова]. – Петрозаводск : Периодика, 2008. – 1024 с. – 500 экз. – ISBN 878-5-88170-187-1.

Вольберг Г. М. Летописи печати автономных республик РСФСР – источник текущей информации о литературе, посвященной республикам / Г. М. Вольберг // Вопросы теории и методики краеведческой библиографии и подготовки библиографических пособий в РСФСР: сборник научных трудов. - Ленинград, 1991. – Вып. 2. – С. 8-20.

Курсков Ю. Еще одна лоция книжного моря / Ю. Курсков // Ленинская правда. – 1965. – 21 июля.

Михлина И. И. О соотношении текущих пособий государственной и краеведческой библиографии в автономных республиках / И. И. Михлина, И. Б. Чишейко // Советская библиография. – 1974. - № 4. – С. 25-32.

Никольский И. М. Карельская «книжная палата» / Никольский // Карело-Мурманский край. – 1926. - № 22. – С. – 22-23. (27-28)

Петропавловская Н. Летопись печати уже 40 лет ведет Книжная палата национальной библиотеки // Режим доступа : http://www.dizzaster.ru/dizzaster.php?id=4874

Толкачев Н. Т. Государственная библиография в союзных республиках / Н. Т. Толкачев // Советская библиография. – 1948. – Вып. 5. – С. 58-72.

Эйхенгольц А. Д. Общая библиография / А. Д. Эйхенгольц // Библиография советской библиографии, 1960. – Москва, 1962. – С. III-VII.

Ягодкина В. А. «Летопись печати Республики Карелия» в системе национальной библиографии Республики Карелия / В. А. Ягодкина // Вопросы библиографоведения. – Москва, 2010. – Вып. 18 : Создание и использование национальных библиографий. – С. 94-97.

М. Ю. Ванчурова,
гл. библиограф отдела национальной и краеведческой литературы и библиографии НБ РК

Коллекция Бориса Шмидта

В 2013 году исполняется 100 лет со дня рождения карельского поэта Бориса Шмидта и 180 лет Национальной библиотеке Республики Карелия. Эти юбилейные даты послужили поводом для появления данной статьи.

Фонды Национальной библиотеки формируются из различных источников, в том числе за счет даров. Это могут быть единичные издания, а могут быть и коллекции. Дары проходят библиотечную обработку и поступают в соответствующие подразделения библиотеки. Если даритель ставит особое условие, то коллекция хранится целиком в одном подразделении библиотеки.

Так фонд Сектора редкой книги Национальной библиотеки Республики Карелия пополнился коллекциями карельского композитора Э. Патлаенко и карельского поэта Б. Шмидта. О коллекции последнего, поступившей в ноябре 1988 года, и пойдет речь. Это подарок жены поэта Александры Андреевны Шмидт. Коллекция состоит из 97 экземпляров, в основном это художественная литература.

Борис Андреевич Шмидт (1913–1988) считал г. Ленинград своей поэтической родиной. Здесь прошло его детство, были опубликованы первые стихи. Годы, прожитые в Ленинграде, связали крепкой дружбой Бориса Шмидта и ленинградских писателей, прежде всего участников Литературного объединения при газете «Смена», это В. Шефнер, С. Ботвинник, И. Михайлов, В. Лившиц.

Бориса Шмидта вспоминает поэт Вадим Шефнер в книге «Бархатный путь»: «Я не помню поименно всех молодых поэтов, которые посещали собрания Молодого объединения, и перечислю здесь только те, которых я знал лично и которых и поныне хорошо помню. Это Эрик Горлин, Владимир Зуккау-Невский. Анатолий Клещенко, Алексей Лебедев, Владимир Лившиц, Елена Рывина, Иван Федоров, Глеб Чайкин, Анатолий Чивилихин, Борис Шмидт, Павел Шубин».[1]

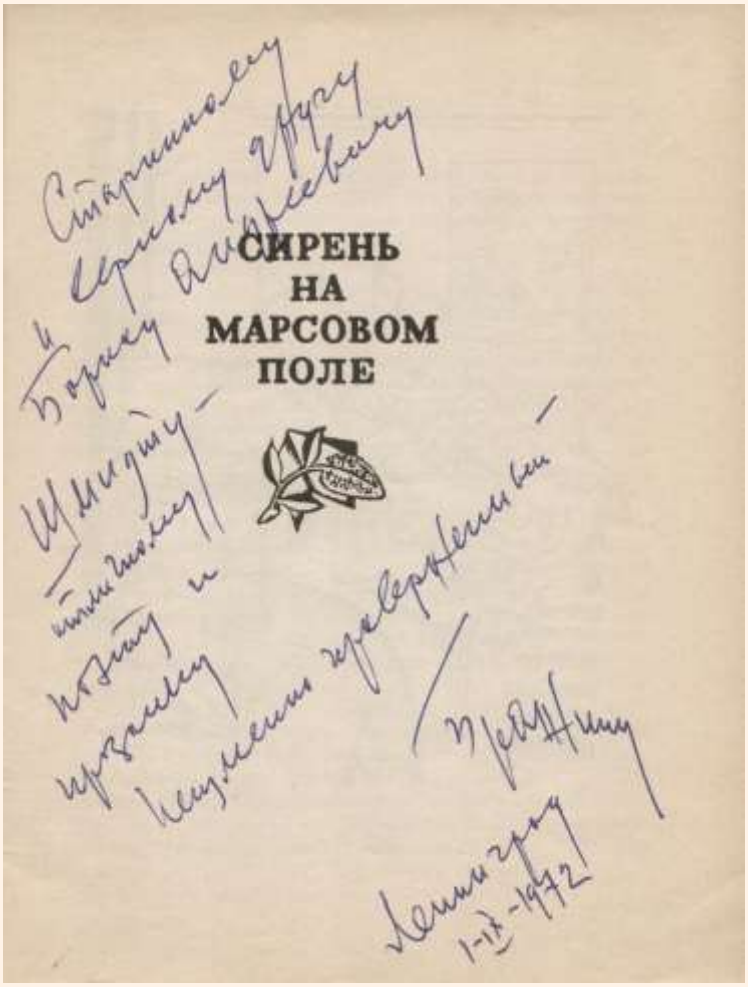
В коллекции Национальной библиотеки есть книги этих авторов:

Вадима Шефнера. «Северный склон» (Ленинград, 1980), с дарственной надписью:

«Дорогому питерцу-петрозаводцу Борису Андреевичу Шмидту – с давней и нержавеющей приязнью. Вадим Шефнер. 15.XII.80».

Ильи Бражнина «Сирень на Марсовом поле» (Ленинград, 1972), с дарственной надписью:

[1] Звезда. – 1995. – № 4. – С. 63, 74

«*Старинному и верному другу Борису Андреевичу Шмидту – отличному поэту и прозаику неизменно приверженный Бражнин. Ленинград, 1.IX.197»2.*

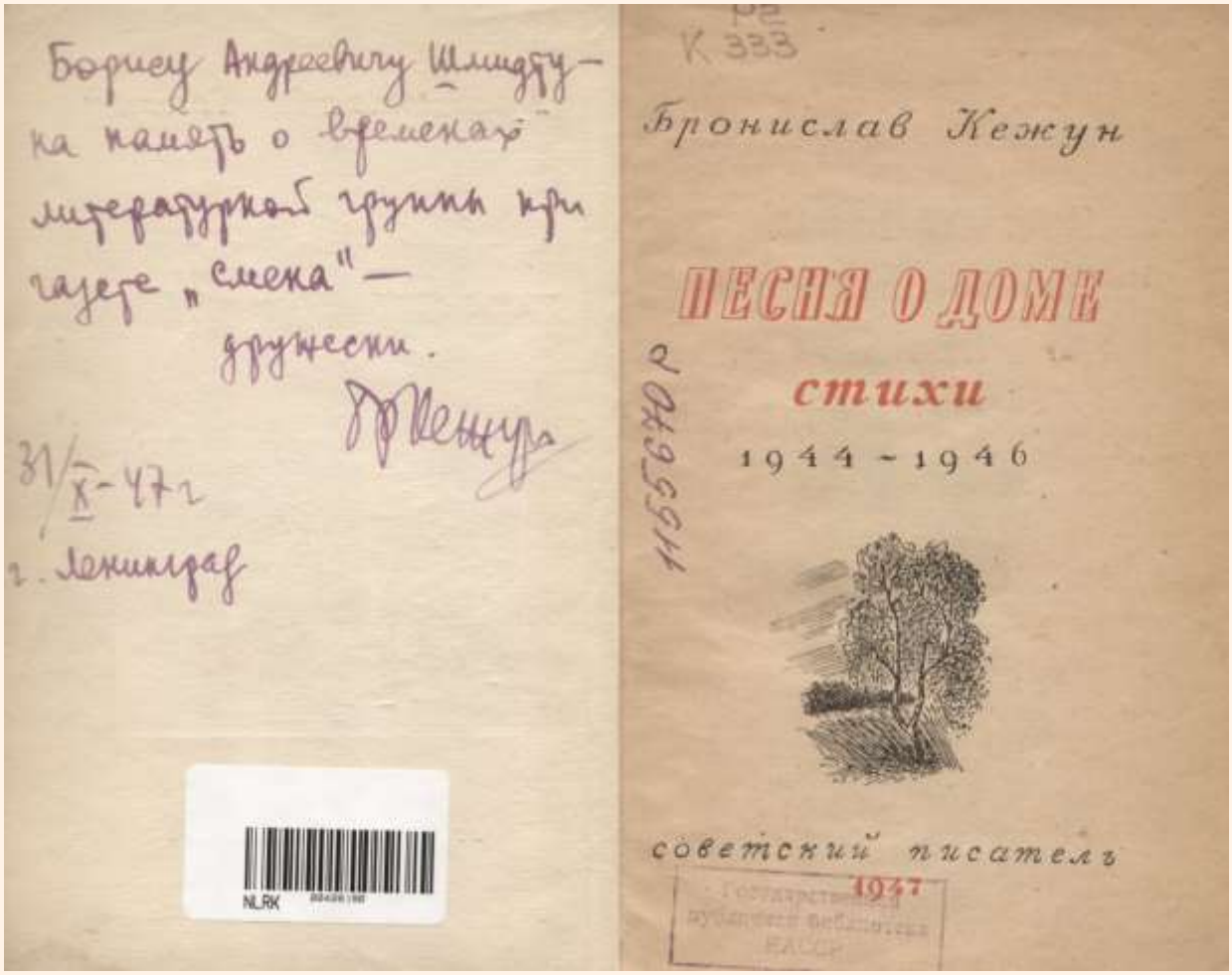
Есть и другие книги **Ильи Бражнина** (1898–1982), прозаика, журналиста, с дарственными надписями Борису Шмидту: «Недавние были» (Архангельск, 1972), «Как мимолетное виденье» (Ленинград, 1965); «Крылатые воины» (Петрозаводск, 1942).

В коллекции имеются также книги известных ленинградских и московских писателей: **Александра Прокофьева** с надписью:

«Дорогому Боре Шмидту, старому дружку – от хорошего сердца. А. Прокофьев. 25.7.55 г. Ленинград» – на книге «Заречье» (Ленинград, 1955);

Всеволода Азарова с надписью: «*Дорогому другу юности Боре Шмидту на память о вечерах на Васильевском, Охте, Надеждинской, о боге войны, который казался нам тогда веселым... Твой Азаров [подпись]. 31 дек. 1973»* – на книге «Поздний мед» (Ленинград, 1971);

Бронислава Кежуна с надписью: «*Борису Андреевичу Шмидту – на память о временах литературной группы при газете "Смена" – дружески. Бр. Кежун. 31.X.47 г., г. Ленинград»* – на книге «Песня о доме» (Ленинград, 1947);

Сергея Викулова с надписью: «*Уважаемый Борис Андреевич! Спасибо Вам за прекрасный томик стихов "И жизнь, и слезы, и любовь". С удовольствием прочитал. Рад за Вас! Ваш Сергей Викулов. 27.III.74*» – на книге «Одна навек» (Москва. 1973);

Михаила Дудина с надписью:

«*На память милым Шмидтам*

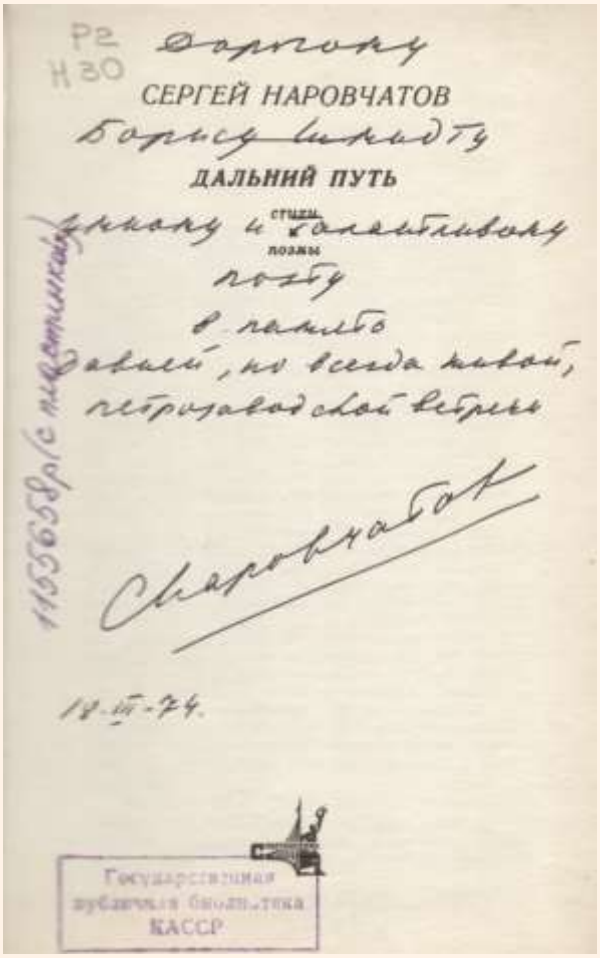
На творческом разбеге

Пиши, кричи, шуми там

На Онеге.

С любовью. М. Дудин. 25.XII.46». – на книге «Переправа» (Ленинград, 1945);

Сергея Наровчатова с надписью: «*Дорогому Борису Шмидту, умному и талантливому поэту, в память давней, но всегда живой, петрозаводской встречи. С. Наровчатов. 18.III.74*». – на книге «Дальний путь» (Москва, 1973)

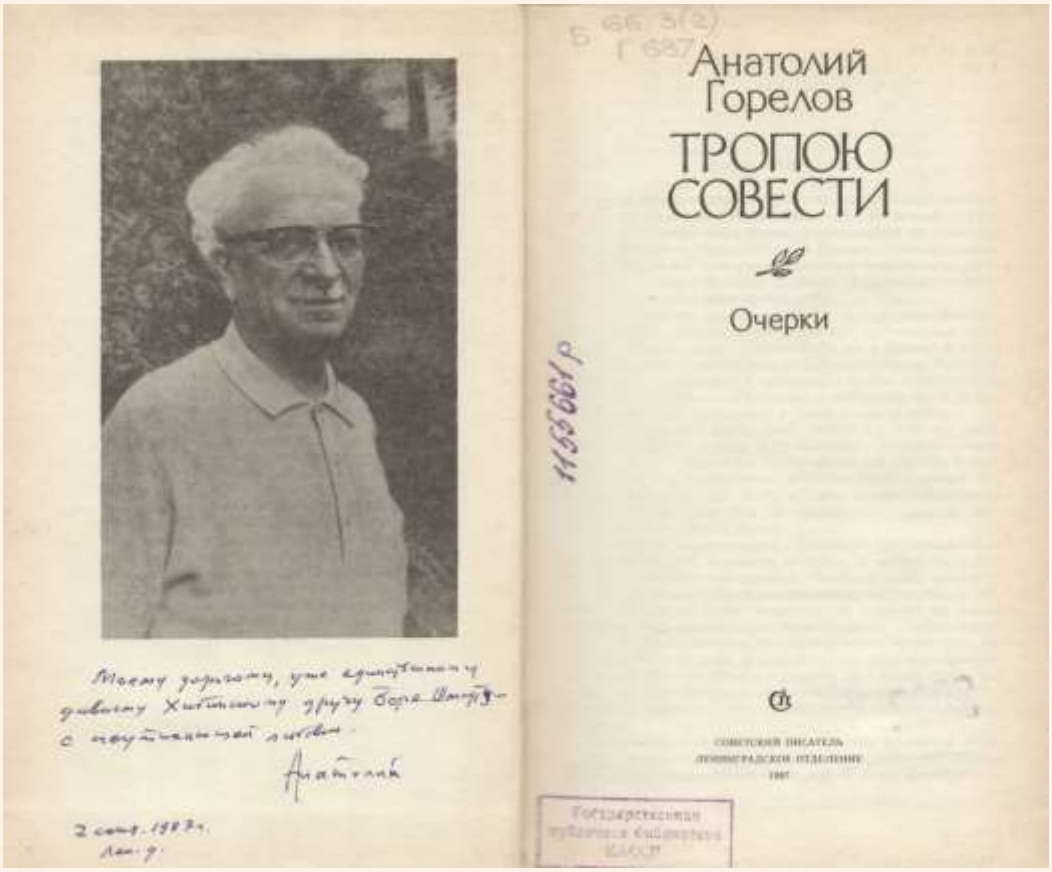

В свою очередь книга Шмидта «Заповедь» (Москва; Ленинград, 1963) посвящена Александру Прокофьеву; «Походная сумка» (Петрозаводск, 1962) – Николаю Тихонову. К сборникам «Душа любить осуждена» (Петрозаводск, 1983) и «Более полувека» (Ленинград, 1989) написал предисловие Михаил Дудин.

Был в биографии Бориса Шмидта эпизод, когда в 1931 году по комсомольской путевке он уехал на строительство города Хибиногорска (ныне Кировск) на Кольском полуострове. Приветом из этих далеких дней книга **Анатолия Горелова** «Тропою совести» (Ленинград, 1987) со словами: «*Моему дорогому, уже единственному давнему Хибинскому другу Боре Шмидту – с неутихающей любовью. Анатолий. 2 сент. 1987 г. Лен-д [Ленинград]».* Анатолий Ефимович Горелов (1904–1991) – литературовед, критик.

Анатолий
Горелов

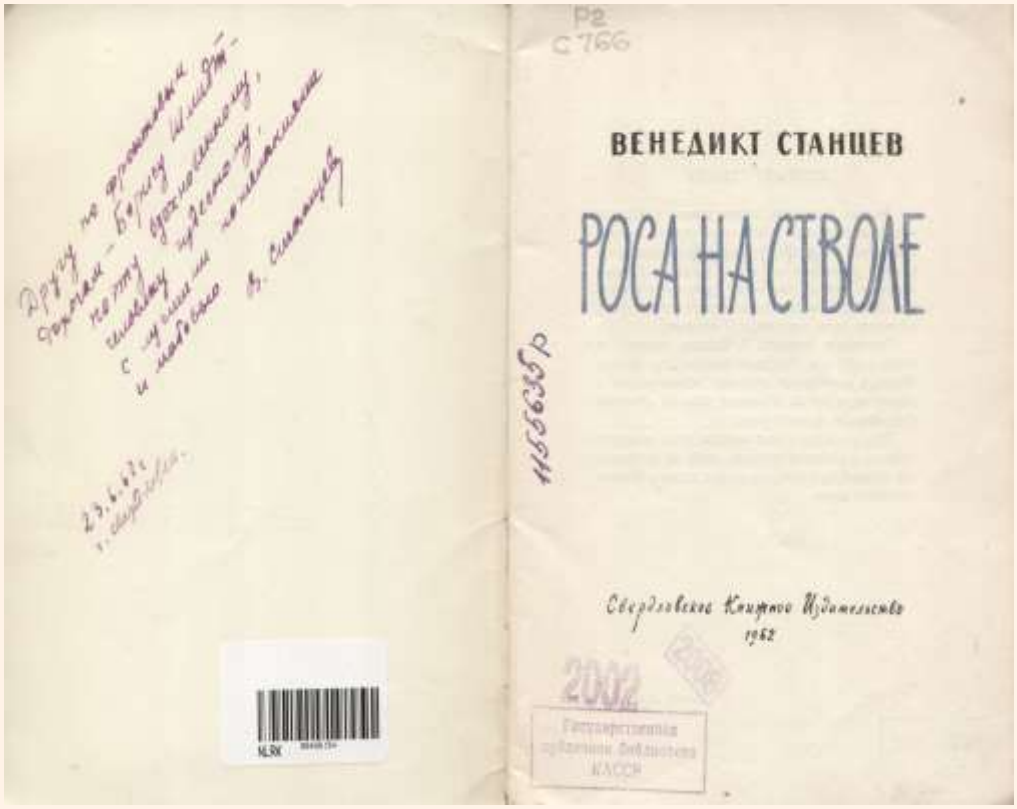
ТРОПОЮ
СОВЕСТИ

Очерки

Венедикт Станцев

РОСА НА СТВОЛЕ

В годы Великой отечественной войны Борис Шмидт был призван в армию и стал литературным сотрудником дивизионной газеты. Война свела его со многими писателями, связь с которыми он не терял и после войны.

«Другу по фронтовым дорогам – Борису Шмидту – поэту вдохновенному, человеку чудесному, с лучшими пожеланиями и любовью. В. Станцев. 23.6.62 г., г. Свердловск», – такова надпись на книге Станцева Венедикта Тимофеевича (1922–2009, поэт) «Роса на стволе» (Свердловск, 1962).

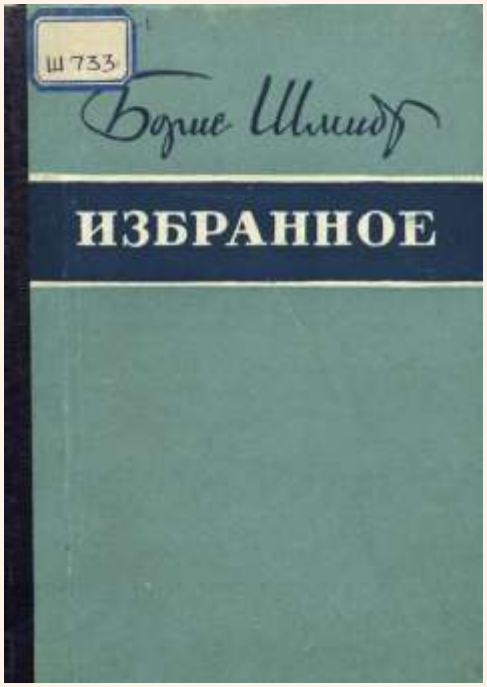
После войны Борис Шмидт переехал в Карелию. Многие карельские писатели – ровесники Шмидта и более молодые коллеги дарили свои новые книги – Яакко Ругоев, Александр Иванов, Тобиас Гуттари, Михаил Сысойков, Тайсто Сумманен, Николай Лайне, Армас Мишин, Федор Трофимов, Виктор Пулькин, Алексей Авдышев. Дарственные надписи пронизаны глубоким уважением к Борису Андреевичу Шмидту:

«Дорогому Борису Андреевичу, Доброму Человеку, первому приветившему меня в этом славном городе. 26 марта 68 г. А. Гордиенко» – на книге «Минута жизни» (Петрозаводск, 1967).

«Борису Андреевичу Шмидту – моему первому учителю с благодарностью. Марат. 15.II.58 г.» – на книге Тарасова М. «На север» (Петрозаводск, 1957).

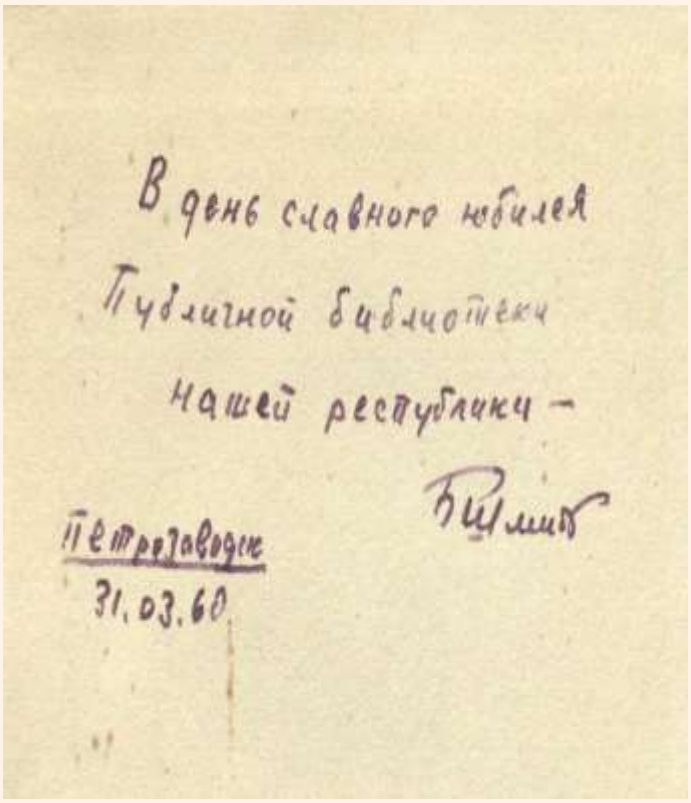
«Дорогому Борису Андреевичу Шмидту, поэту с теплым, живым словом, поэту по большому счету и добрейшему человеку, научившему меня написать эти мои первые строки, с глубочайшим уважением и любовью дарю мою первую скромную книжицу. И жене и подруге Бориса Андреевича – Александре Андреевне. В. Потиевский. 8.12.65 г., г. Петрозаводск» – на книге «На грани» (Петрозаводск, 1965).

Дополняют коллекцию книги с автографами самого Б. Шмидта к юбилею Публичной библиотеки в 1960 году:

Книги данной коллекции отмечены особой аурой присутствия талантливого человека Бориса Андреевича Шмидта.

Н. И. Берникова,
вед. библиотекарь к отдела международных связей
и литературы на иностранных языках НБ РК

Оглядываясь назад

Становление и развитие отдела литературы на иностранных языках было неразрывно связано с историей нашей страны.

По-видимому, ни на один отдел библиотеки политика советской власти не оказывала такого сильного влияния, как на отдел иностранной литературы. В период сталинизма было особенно характерно настороженное отношение к людям, владеющим иностранными языками, и подозрительное – к читающим книги на иностранных языках. И именно в этот период в Россию стали приезжать иностранные граждане – энтузиасты строительства социализма. В связи с этим ВЦСПС предложил Государственной библиотеке иностранной литературы (ГБИЛ) через Наркомпрос взяться за организацию передвижных библиотек, или, как их сокращенно называли, передвижек, для обслуживания иностранных рабочих и одновременно для обучения советских граждан элементарной иностранной разговорной речи, чтобы они могли общаться с иностранными рабочими.

ГБИЛ создавала такие передвижки на стройках «первой пятилетки» в Кузбассе, Донбассе, Магнитогорске и других городах страны. В отчёте нашей библиотеки за 1933 год упоминается такой «передвижной библиотечный пункт», его снабжение книгами осуществлялось централизованно, чтобы в фонды, а, значит, и к читателям не попало что-нибудь недозволенное. Как следует из отчета, читателями англо-финского отдела передвижного пункта были 860 американцев, но не было ни одного немца или француза, и что показательно – ни одного русского.

Скорее всего, в число американцев попали американские и канадские финны, которые в начале 30-х годов 20 века приехали в Советскую Карелию из далекой Америки и Канады строить социализм и стали постоянными читателями нашей библиотеки. История финских реэмигрантов подробно и глубоко изложена в книгах Мейми Оскаровны Севандер. В течение многих лет она была деканом факультета иностранных языков Карельского государственного педагогического института. Человек талантливый, яркий, Мейми Оскаровна была кумиром многих поколений студентов. Именно благодаря ее появлению в КГПИ, ее целеустремленности и настойчивости в институте открылся факультет иностранных языков.

Тогда же приехала в Карелию и семья Ахти Карловича Коски, первого заведующего отделом литературы на иностранных языках. Ахти Карлович сделал отдел местом общения тех самых финнов, которые хотели читать книги на родном языке, даже если это были переводы произведений советских писателей.

В послевоенные годы появились другие источники поступлений литературы на иностранных языках. Книги поступали из частных библиотек, библиотек различных организаций. Во время эвакуации фонда библиотеки в 1941 году часть книг погибла, а часть была вывезена финнами. После подписания мира книги стали возвращаться, но проделывали очень длительный путь: через Ленинград, органы НКВД, что-то осело в других библиотеках России и Петрозаводска. В нашей библиотеке далеко не все книги на иностранных языках поступали в фонд отдела, часть книг попадала в спецхран. Теперь начинаешь понимать, что может быть и хорошо, что в библиотеке было специальное хранение, потому что в других областях России многие такие издания просто уничтожались.

Вот некоторые пункты из плана работы библиотеки на 1945 год: «Добиться передачи литературы на финском языке из архива НКВД (отв. Т. В. Хеглунд); обработать полученную литературу из Выборга; обработать литературу, привезенную из Финляндии». В документах можно найти и любопытные факты, быть может, не очень понятные современному молодому библиотекарю. Например, из акта от 20 августа 1945 г.: «Мы, нижеподписавшиеся работники ГПБ КФССР Кренева, Будник и Грошникова составили настоящий акт в том, что при разборе ящиков с литературой, возвращенной из Финляндии, был найден партийный билет № 2537458 тов. Оброскова Ф. Ф.» Кто этот человек, и какова его судьба?

На протяжении всей истории существования библиотеки ее название и название отдела менялись несколько раз. Это был и отдел финской литературы, и отдел национальной и иностранной литературы, и отдел карело-финской литературы, и отдел краеведения и иностранной литературы…

В фонде отдела было много книг по общественно-политическим наукам, переведенные на иностранные языки произведения советских писателей, книги советских политических деятелей. Но и при таком составе книги проходили тщательную проверку. Оригинальных изданий было мало.

Из текстового отчета отдела карело-финской литературы за 1955 год: «…перед отделом иностранной литературы поставлены новые задачи по пропаганде научной и технической литературы и перестройке работы отдела краеведения. Необходимо решить следующий вопрос: отделить кабинет краеведения от отдела иностранной литературы и создать из них два самостоятельных отдела, т. к: а) принципиально совершенно неверно объединение краеведческой литературы с иностранной; б) кабинет краеведения должен иметь право работать как самостоятельный отдел. Продолжение работы кабинета краеведения с отделом иностранной литературы считаю грубой ошибкой (А. Коски)».

Шло время, появлялись новые задачи, библиотека продолжала выполнять роль проводника политики КПСС, помогала строить социализм, да и коммунизм виделся вдали. От отдела требовались выставки, выступления по темам, которые считались важными. В отчете библиотеки за

1954 год находим такие выставки: «30 лет со дня смерти Ленина», «Умер Сталин», «Родился Ленин», «Родился Сталин» и т. д.

Сложно было работать заведующему таким отделом. Прежде всего, руководителем любого отдела библиотеки не мог быть не член КПСС. Коммунист Ахти Карлович систематически отчитывался на партийном бюро о работе отдела, постоянно докладывал о выполнении решений пленумов и съездов КПСС.

За политические ошибки следовало административное наказание. Об этом свидетельствует, например, такой факт. Специальный приказ Министерства Культуры Карело-Финской АССР от 4.05.1955 был издан в связи с таким «ЧП» в библиотеке: «В Государственной публичной библиотеке на книжной выставке, посвященной 50-летию 1-й русской революции 1905–1907 гг., среди другой литературы была выставлена книга, изъятая из общего пользования. Впоследствии эта книга была передана на выставку в Свердловский агитпункт. Этот факт свидетельствует о безответственном отношении некоторых работников ГПБ к подбору литературы при организации выставок. В связи с этим приказываю:

1. Зам. директора тов. Ривлину З. И. и зав. абонементом Щербаковой Е. В. Поставить на вид и предупредить о необходимости более серьезного отношения к делу организации книжных выставок;

2. Директору ГПБ тов. Синицыной А. М. принять меры к недопущению повторных подобных случаев…».

В пятидесятые годы специалисты разных отраслей стали проявлять большой интерес к зарубежному опыту и, как следствие, к иностранным языкам, в отдел начали поступать технические, медицинские и др. журналы на иностранных языках. В отчетах библиотеки за 1957 и 1962 годы находим такую информацию: «Среди специалистов активными читателями являются преподаватели английского и немецкого языков Карельского педагогического института Раевский, Севандер, Раутио, Амосенкова, медицинскую литературу читают такие врачи как Кацнельсон, Лившиц, Зильбер, Приблуда».

С 1961 года в отделе по воскресеньям преподаватели университета и педагогического института проводили консультации для читателей, самостоятельно изучающих английский и немецкий языки. При библиотеке стали работать кружки по изучению иностранных языков (английский, немецкий), и руководителями этих кружков были преподаватели педагогического института, причем делали они это бесплатно.

Настали семидесятые. В отдел пришла новая заведующая отделом Валентина Михайловна Левина, а вместе с ней и новые формы работы, и, прежде всего замечательные литературные вечера. До сих пор многие читатели и сотрудники нашей библиотеки помнят вечер французской поэзии, вечер, посвящённый творчеству Бертольда Брехта, и многие другие. В эти же годы в отдел стала поступать оригинальная литература на иностранных языках, значительно расширился

ее репертуар. Появились и настоящие иностранцы, завязались новые контакты. Правда, с книгами и с периодикой по-прежнему было непросто. Чаще всего книги дарились читателями или гостями Карелии или приобретались во время специальных командировок в Москву и Ленинград.

В начале 80-х годов в Петрозаводске были организованы выставки известных книгоиздательских фирм Финляндии. После окончания их работы все представленные энциклопедии, альбомы, художественная литература современных авторов Финляндии и др. были переданы в дар библиотеке и до сих пор составляют важную часть нашей коллекции и пользуются спросом. Можно сказать, что с этих выставок и началась история международных контактов, зарубежных стажировок, обмен делегациями, командировок сотрудников отдела за рубеж, международный книгообмен.

Все эти годы сотрудники отдела старались сохранять и передавать от поколения к поколению стиль работы, который сложился еще при Ахти Карловиче Коски: внимательное, доброжелательное отношение к читателю, стремление к расширению качества получаемой литературы, установление партнерских отношений со всеми учреждениями, занимающимися продвижением иностранных языков и литературы на иностранных языках. Много сил, увлеченности, сердечного тепла вкладывали в работу отдела Ирья Ивановна Арола, Паула Карловна Олконен, Александра Константиновна Манякина, Марита Сакалаускене, Алла Вичурина и другие.

Хотелось бы, чтобы все традиции нашего отдела бережно хранились и развивались.

Е. Н. Вознесенская, *гл. библиотекарь сектора редкой книги НБ РК*

Итоги обследования фонда периодических изданий Сектора редких книг Национальной библиотеки Республики Карелия

В начале 2011 г. на сайте Национальной библиотеки Республики Карелия (далее по тексту НБ РК) в рамках Интернет-проекта «Книжные памятники» появился новый раздел – «Галерея экслибрисов». Мы не были в ряду пионеров этого направления, общего для российских библиотек, имеющих в своих фондах издания прошлых веков. Так, уже к марту 2004 г. силами сотрудников Сектора редкой книги Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета был подготовлен и выставлен на сайте университета новый электронный ресурс – виртуальная коллекция экслибрисов и суперэкслибрисов.

Наша библиотека решила не отставать от коллег. «Галерея экслибрисов» НБ РК начиналась как авторский проект специалиста Отдела информационных технологий Елены Константиновой и имела в своей основе базу данных, создававшуюся в течение многих лет сотрудниками Сектора редких книг. Изначально непременным элементом электронных библиографических записей на экземпляры старых и редких непериодических изданий, хранящихся в Секторе редких книг НБ РК, стало описание всех признаков бытования экземпляра – приводились тексты владельческих, вкладных и прочих записей, тексты штампов, свидетельствующие о былой принадлежности книги другому владельцу, а также штампов нашей же библиотеки, отражающих изменения в ее названии. Суперэкслибрисы и любые литерные тиснения на переплетах также по мере сил атрибутировались.

Понятно, что при достаточно большом корпусе подобных библиографических описаний предоставить исчерпывающие сведения обо всех книжных знаках на экземплярах НБ РК оказалось бы задачей непосильной для одного человека, к тому же не являющегося сотрудником Сектора редких книг. Форма, выбранная Е.С. Константиновой для представления информации о книжных знаках, оказалась вполне традиционной и от того не менее удачной. Во-первых, как явствует из самого названия проекта, главное внимание уделялось экслибрисам и суперэкслибрисам. Владельческие штампы и записи изначально лишь приписывались к имеющемуся в коллекции экслибрису бывшего владельца. Во-вторых, раздел был удачно структурирован: все книжные знаки делились на две большие группы в зависимости от их принадлежности частному лицу или организации. Несколько позднее из обоих разделов были выделены книжные знаки Олонецкой губернии (Олонецкого губернского статистического комитета, Олонецкой духовной семинарии, мужской и женской гимназий, Повенецкой и Толвуйской земских библиотек, шкиперских курсов в Кеми и т.д.), а также старые штампы нашей библиотеки, в разное время носившей название Ка-

рельской областной центральной, Карельской публичной, Государственной публичной библиотеки Карело-Финской ССР. Описания экслибрисов, принадлежность которых установить не удалось, были размещены в разделе «Неизвестные».

Сами описания строились по определенной схеме. Каждый экслибрис был оцифрован, текст его дублировался соответственно в дореформенной или постреформенной орфографии. Обязательно указывались автор, заглавие и выходные данные книги, в экземпляре которой был обнаружен тот или иной знак. Если удавалось установить имя художника-автора экслибриса или время его создания, указанные сведения также сообщались в статье. При наличии в экземпляре книги двух или более владельческих знаков, делались перекрестные ссылки от описания одного из них к другому. Наконец, каждое описание экслибриса содержало сведения о его бывшем владельце, о личном собрании или библиотеке организации. Статья заканчивалась библиографическими отсылками к различным каталогам книжных знаков. Иллюстративный материал был представлен не только оцифрованными изображениями самих знаков, но и портретами владельцев, фотографиями зданий, в которых размещалась та или иная организация.

При том, что новый проект оказался безусловно полезным и интересным для самой широкой аудитории посетителей сайта НБ РК, именно избирательность в подборе материала была и остается самым уязвимым его местом. Создателя «Галереи» в первую очередь привлекали книжные знаки Императорского дома, и это понятно: каждому интересно взглянуть на вензельные экслибрисы императоров Александра II и Николая II, великих князей Николая Николаевича Старшего и Михаила Николаевича (сыновей императора Николая I), на экслибрис библиотеки принадлежавшего Михаилу Николаевичу Ново-Михайловского дворца. Экслибрис Александра Ланского на одном из томов «Древностей иудейских» Иосифа Флавия (СПб., 1781) трогает грустной историей своего владельца, фаворита Екатерины II, сделавшего блистательную по тем временам карьеру и скоропостижно скончавшегося в Царском Селе в возрасте 26-ти лет (кстати, его книги императрица оставила себе и разместила их в Царскосельской и Эрмитажной библиотеках, и на нашем экземпляре «Древностей иудейских», кроме владельческого знака Ланского, имеется экслибрис Императорской Эрмитажной русской библиотеки). Не случайно, презентуя новый проект НБ РК в региональном журнале «Север»1, мы сами обращали внимание читателей именно на эти книжные знаки.

С окончанием личного проекта Е.С. Константиновой в 2012-2013 гг. наполнение раздела «Галерея экслибрисов» было передано сотрудникам Сектора редких книг НБ РК. Мы придерживались ранее принятой схемы представления книжных знаков, хотя сами описания несколько изменились. Статьи перестали снабжаться иллюстрациями (кроме изображений знаков и фотографий

[1] Вознесенская Е.Н. Виртуальная коллекция экслибрисов (о новом проекте Национальной библиотеки Республики Карелия) // Север. – 2011. – № 5/6. – С. 200-202. Статья также доступна на сайте НБ РК (http://library.karelia.ru) в разделе «Книжные памятники Карелии», подраздел «Публикации».

переплетов или обложек изданий), биографические сведения о владельцах сокращались, внимание акцентировалось не столько на фактах личной жизни и общественной деятельности, сколько на собственно книжных коллекциях бывших владельцев изданий. Раздел «Галерея экслибрисов» постоянно пополнялся новыми статьями.

В эти годы были атрибутированы и описаны экслибрис Николая Максимилиановича Гамильтона, рисунок для которого сделал Сергей Чехонин в 1923 г., суперэкслибрис примаса польского королевства Яна Габриэля Подоского (1719-1777) на экземпляре исторического атласа Франции Г. Рицци-Заннони (Париж, 1765), экслибрис и оттиск штампа конгревного тиснения советского искусствоведа и коллекционера Эриха Голлербаха, наконец-то прочитан смазанный штамп казанского купца и библиофила Дмитрия Илариевича Образцова на одном из томов «Истории Российской» М. Щербатова (СПб., 1783), атрибутирован по курсу лекций Т.В. Гребенюк суперэкслибрис князя Ивана Андреевича Вяземского, деда поэта Петра Андреевича Вяземского, на другом томе того же сочинения М. Щербатова (СПб., 1770).

В ходе работы над этим проектом нам приходилось неоднократно обращаться к фонду периодических изданий, составляющих наряду с книгами едва ли не треть общего фонда Сектора редких книг НБ РК. Более 13 тысяч номеров наших дореволюционных журналов и газетных подшивок учтены лишь в топографическом каталоге Сектора редких книг, причем учет журналов ведется не потомно, а по номерам, т.е. на владельческий конволют из нескольких номеров, например, за один год будет составлено столько учетных записей, сколько номеров содержится в конволюте. В электронном каталоге и журналы, и газеты редкого фонда отражены в двух общих для всей библиотеки базах данных «Журналы НБ РК» и «Газеты НБ РК», но обе эти базы рассчитаны в первую очередь на читателей, и главная их функция – предоставить сведения о наличии в фонде комплектов тех или иных периодических изданий. Информацию о дефектности номеров, соединении их в конволюты, а тем более о наличии в них каких бы то ни было владельческих знаков из электронного каталога НБ РК почерпнуть нельзя, чем и объясняется первоначальное наполнение «Галереи экслибрисов» сведениями о владельческих знаках, обнаруженных именно в книгах. Между тем даже при самом поверхностном обследовании собрания периодических изданий Сектора редких книг становилось очевидным, что томов с пометами бывших владельцев в нем гораздо больше, чем тех, на которых стоят только штампы нашей библиотеки.

Стремясь изменить существующее положение вещей, в ноябре 2012 г. мы начали работу над новым масштабным проектом, получившим рабочее название «Источники периодики». Главной нашей целью было проследить пути поступления дореволюционной периодики в фонд НБ РК. На первом этапе предполагалось провести тотальное обследование журнального и газетного фонда Сектора редких книг, систематизируя и описывая все выявленные пометы бывших владельцев – экслибрисы и суперэкслибрисы, владельческие штампы (как старые, дореформенные, так и советского времени), литерные и другие тиснения на корешках томов. Впоследствии планировалась

работа в архивах, в частности с фондом документов Национальной библиотеки, ныне хранящимся в Национальном архиве РК. На этом этапе представлялось возможным выяснить, когда и при каких обстоятельствах в предвоенные и послевоенные годы передавались в фонд будущей Национальной библиотеки более или менее крупные партии старой периодики.

Начиная работу по изучению владельческих знаков в старых периодических изданиях, мы также имели в виду и более конкретную задачу.

15 октября 1833 г. на квартире Олонецкого гражданского губернатора прошло совещание, посвященное открытию публичной библиотеки в Петрозаводске. Это первое упоминание в архивных документах общественной библиотеки – как традиционно считалось, предшественницы главного книжного хранилища нашей республики – и стало точкой отсчета в истории Национальной библиотеки РК. Таким образом, в 2013 г. библиотека отмечает свое 180-летие. Она закрывалась и открывалась вновь несколько раз, и так продолжалось до 1870 г., когда Петрозаводск посетил великий князь Алексей Александрович. Узнав, что в губернском городе нет общественной библиотеки, великий князь пожертвовал на ее учреждение 300 руб., остальные деньги собрали по подписке, и вновь открывшаяся городская читальня в честь главного жертвователя была торжественно названа Алексеевской.

В течение двух последних десятилетий сотрудников Сектора редких книг НБ РК волновал вопрос о том, каким образом были помечены издания, некогда принадлежавшие Петрозаводской публичной библиотеке. В самом раннем из систематических каталогов Алексеевской общественной библиотеки с цензурным разрешением от 7 июня 1872 г.2 приведены заглавия всех 1047-ми книг, составивших на 1 мая этого года ее собрание, и сотрудниками Сектора редких книг неоднократно предпринимались попытки отыскать перечисленные издания в фонде НБ РК. Экземпляры ряда изданий на самом деле были обнаружены, но, к великому сожалению, ни на одном из них владельческих штампов или других знаков Олонецкой публичной или Алексеевской общественной библиотеки не было. Работа по описанию всех непериодических изданий Сектора для создания корпуса записей на редкую книгу в электронном каталоге НБ РК также не принесла ожидаемого результата. На самых ранних из обнаруженных владельческих штампов наша библиотека названа Карельской областной центральной, но известно, что это название она получила лишь в 1920-х гг. Приходилось признать, что либо до советского времени публичные библиотеки Петрозаводска вовсе никак не маркировали своих изданий (что было бы маловероятно), либо согласиться с тем, что преемственности между фондами петрозаводских дореволюционных общественных книжных собраний и нынешней Национальной библиотеки РК просто нет.

[2] Систематический каталог Алексеевской Петрозаводской общественной библиотеки по 1 мая 1872 года. – Петрозаводск: Губерн. тип., [ценз. 1872]. – [2], 37 с.

Первое из этих предположений было развеяно в 2010 г. переизданием каталога С.И. Богомолова «Российский книжный знак, 1700-1918»3. В каталоге под рубрикой «Петрозаводская общественная библиотека» были описаны два штампа Петрозаводской общественной библиотеки и Петрозаводской Алексеевской общественной библиотеки4 из собрания БАН. Обратившись в Библиотеку Российской академии наук, мы получили оцифрованные изображения указанных штампов, которые тогда же были размещены в «Галерее экслибрисов» в качестве снимков с самых ранних известных владельческих знаков публичной библиотеки Петрозаводска.

Оставалось единственная возможность найти экземпляр издания (или изданий), некогда принадлежавший Петрозаводской общественной библиотеке – обследование фонда периодических изданий Сектора редких книг НБ РК, и это стало второй, более частной, целью проекта «Источники периодики».

Предметом нашего исследования явились следующие владельческие знаки: экслибрисы и владельческие штампы, тексты которых набраны как в дореформенной, так и в постреформенной орфографии, суперэкслибрисы и тиснения на переплетах журнальных томов и газетных подшивок, так или иначе указывающие на принадлежность экземпляров до НБ РК иным владельцам. В результате работы было описано 1346 подобных знаков. Особо хочу отметить, что владельческие записи изначально были исключены нами из числа несомненных владельческих признаков. Наряду с такими бесспорными приметами былой принадлежности, как, например, полистные записи библиотеки Валаамского монастыря (к слову сказать, ни на книгах, ни на периодических изданиях из нашего фонда нам ни разу не встретился оттиск владельческого штампа этой обители5, хотя с образчиками записей монастырских библиотекарей пришлось столкнуться не раз) или Выборгского Преображенского собора целый ряд записей, в частности представляющих собой имена или фамилии возможных владельцев, по нашему мнению, не могут быть признаны знаками принадлежности, не вызывающими сомнений, не допускающими иных толкований и не требующими дополнительного исследования.

В отличие от уже упоминавшегося топографического каталога периодики Сектора редких книг наше исследование ориентировано на другой учет – по томам. Понятно, что владелец конволюта, состоящего из собранных под одним переплетом двух или нескольких номеров журнала, помечал подборку только своим владельческим знаком. С другой стороны, изредка нам встречались конволюты, собранные, во всей видимости, уже в стенах нашей библиотеки, во всяком случае, на образующих их отдельных номерах журналов или газет имелись владельческие пометы (в основном штампы) различных бывших владельцев. В последнем случае весь конволют учитывал-

[3] Богомолов С.И. Российский книжный знак, 1700-1918. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Минувшее, 2010. – 959 с.
[4] См.: Богомолов, №№ 12337 и 12338.
[5] Ср.: Богомолов, №№ 2061 и 2062.

ся, как правило, под хронологически более ранним знаком, а от описаний остальных делались отсылки к основной записи.

Окончательные результаты обследования 6578-ми томов, составляющих журнальный и газетный фонд Сектора редких книг, были представлены в виде текстового файла, точнее двух файлов, в одном из которых потомно учтены периодические издания, экземпляры которых помечены только штампами НБ РК (с учетом изменения названия нашей библиотеки, которая в разные годы именовалась Карельской областной центральной, Карельской публичной и Государственной публичной библиотекой Карело-Финской ССР) и потому предположительно изначально находятся в ее фонде6. Из всех отсмотренных изданий в этом разделе было зарегистрировано 2608 томов, т.е. около 40% фонда периодических изданий Сектора редких книг.

Во втором текстовом файле учтены тома журналов и газетные подшивки, маркированные иными, кроме штампов НБ РК, владельческими знаками. Основой его структуры является алфавитный перечень городов или других населенных пунктов, в которых находилась та или иная организация или проживал человек, некогда владевшие, судя по книжным знакам, отдельными томами периодических изданий. При этом нужно иметь в виду, что названия городов расположены в алфавитном порядке без учета расположения соответствующего населенного пункта на территории какой-либо страны, губернии или области.

По нашим данным, старые журналы и газеты поступали в фонд НБ РК из 52-х городов, не считая Петрозаводска, причем всего один том – из Центральной Европы (швейцарского Берна), 4 – из г. Сортавала (Финляндия) и еще 15 томов – с окраин Российской империи: в основном из финляндского Гельсингфорса (9 томов), а также Варшавы, Ревеля и трех украинских городов (Житомир, Ромны, Кировоград). Вполне понятно, что в первую очередь книгообмен шел с ближайшими соседями, для Петрозаводска это были другие города Северо-Запада России: Архангельск, Вологда, Вытегра, Череповец, Усть-Сысольск (нынешний Сыктывкар, из которого в наш фонд было передано 136 томов), Выборг (238 томов), Кронштадт, Царское село, Гатчина, Павловск, Петергоф, Новая Ладога, Колпино, Сестрорецк, Мурманск, Малая Вишера, Великие Луки, Псков, Гдов, Порхов. Но безусловно главным источником для пополнения в разное время фонда периодики НБ РК стали книжные собрания С.-Петербурга: всего из северной столицы в нашу библиотеку поступило 2378 томов, а если учитывать и другие города современной Ленинградской области – 2713 томов.

Из Карелии в НБ РК поступили 180 томов, из которых абсолютное большинство (177 томов) – из других организаций и личных собраний Петрозаводска: Республиканской медицинской библиотеки КАССР (оттуда к нам пришли 80 томов, т.е. практически все дореволюционные перио-

[6] Это предположение носит чисто гипотетический характер, имея в виду дефектность экземпляров (зачастую утраты титульного листа или обложки номера, корешка тома не позволяют сделать иной вывод о былой принадлежности нашего экземпляра журнала).

дические медицинские издания НБ РК), Государственного учительского института, Союза советских художников КФССР, Карельской научно-исследовательской рыбохозяйственной станции, личной библиотеки преподавателя М.М. Гина, Карело-Финской базы АН СССР, Петрозаводского государственного университета и др. Кроме Петрозаводска, еще 4 тома пришли из библиотеки Финской православной церковной общины г. Сортавала, 2 – из Пудожской земской больницы (стоит упомянуть, что в частности за счет поступлений из Пудожа формировался фонд Республиканской медицинской библиотеки в Петрозаводске), 1 – из Медвежьегорска, где находилась библиотека Культурно-воспитательного отдела Беломорско-Балтийского канала.

Если докомплектование за счет резервных фондов ближайших соседей не вызывает вопросов, то неожиданным для нас стало обнаружение в журнальном фонде достаточно большого количества томов с владельческими пометами уральских библиотек Нижнего Тагила (55 томов) и Свердловска (122 тома, и нужно иметь в виду, что эта цифра может быть увеличена при иной, чем принято у нас, системе подсчета, так как целый ряд томов, отмеченных штампами Уральского института марксизма-ленинизма в Свердловске или областных партийных курсов при Свердловском обкоме ВКП(б), изначально также принадлежали библиотекам Нижнего Тагила (Нижнетагильских заводов, Нижнетагильского реального училища и др.) и соответственно были учтены нами под именем первого владельца). Журналы и газеты поступали также из Челябинска, Уфы, городов бывшей Вятской губернии – Малмыжа, Воткинского завода, Сарапуля, даже из Западной Сибири (из Омска). Не остались в стороне и города Центральной России, Поволжья: так в нашем фонде имеются владельческие пометы библиотек Твери, Тулы, Самары, Чебоксар, Сергиева Посада, Переславля-Залесского, Пензы, Энгельса (до 1931 г. Покровск), Казани, Рыбинска и, конечно, Москвы. Поступления из московских собраний в наш фонд достаточно случайны: 32 тома периодических изданий были переданы из двенадцати разных источников. Самое большое наше московское приобретение – 8 томов журналов из личной библиотеки правоведа, почетного члена Публичного и Румянцевского музеев Андрея Евдокимовича Носа. Заметим, что книжная коллекция А.Е. Носа, включающая 423 экземпляра книг и брошюр, ныне находится в Российской государственной библиотеке и описана в Общероссийском своде книжных памятников в реестре «Книжные памятники-коллекции».

Таким образом, к настоящему моменту нами было учтено 3474 тома периодических изданий, поступивших в наш фонд из разных собраний России и бывшей Российской империи, т.е. почти на 870 томов больше, чем экземпляров, отмеченных только штампами нашей библиотеки и предположительно изначально находившихся в фонде НБ РК. При этом понятно, что доля первых могла быть еще существеннее: тома ветшали, многие из них заново переплетались, утрачивая старые переплеты, на которых порой инициалы бывшего владельца были единственными свидетельствами того, что журнал или газетная подшивка ранее находились в другом книжном собрании.

Иногда нам не удавалось точно определить место, откуда поступил в наш фонд тот или иной том, и причины тому могли быть самые разные. Во-первых, зачастую на владельческом знаке указывалось лишь имя лица, о котором никакой биографической информации нам отыскать не удалось. Случалось и наоборот: так, на экслибрисе Ивана Александровича Всеволожского нет имени владельца, но указано местоположение имения Всеволожских – село Большая Алешня Ряжского уезда Рязанской губернии. Однако проживали Всеволожские в столицах (И.А. Всеволожский в 1881-1886 гг. был директором Московской конторы Императорских театров, в 1886-1899 гг. – Санкт-Петербургской, а с 1899 г. – директором Императорского Эрмитажа), известно также, что после революции книжное собрание Большой Алешни было передано в библиотеку издательства «Всемирная литература» в Петрограде, откуда часть книг поступила в Книжный фонд. В связи с вышеизложенным трудно утверждать, что комплекты журналов за 1886 и 1892 годы, находящиеся ныне в фонде НБ РК и помеченные указанным экслибрисом, поступили в наш фонд непосредственного из самого имения, а не из Ленинграда.

То же самое можно сказать и об организациях-бывших владельцах. С одной стороны, трудно со всей определенностью установить, где находилась «12-я советская школа», «Клуб коммуны имени товарища Вермишева» или «21-я советская трудовая школа 1-й и 2-й ступени 2-го городского района» (в Ленинграде?), так как собрать информацию об этих организациях не просто, а в ряде случаев практически невозможно. А с другой стороны, при различных лейб-гвардейских полках, о которых известно, казалось бы, всё, существовали собственные полковые библиотеки, местоположение которых мы не решились прямо приписать к месту дислокации полка. Так, в нашем фонде есть издания с владельческими пометами Измайловского, Московского, Павловского и Финляндского полков, дислоцированных в С.-Петербурге, Литовского полка и Лейб-гвардии резервного пехотного полка, размещенных соответственно в Варшаве и в Царском селе, и почти все эти тома журналов, принадлежавших некогда полковым библиотекам, нам пришлось также учесть в числе тех 253 томов, город-источник поступления которых мы не можем точно указать (впрочем, за исключением Московского лейб-гвардейского полка, все издания из библиотеки которого, судя по имеющимся штампам, поступили после его расформирования в Центральную библиотеку Выборгского района Ленинграда и были нами учтены под именем этого последнего владельца).

Наконец, нами выделен еще один раздел неизвестных или неразборчивых владельческих помет, который пополнялся в основном за счет литерных тиснений на переплетах томов периодических изданий. Если владельческий штамп или экслибрис, имеющийся в экземпляре, дает возможность раскрыть вытисненные на корешке инициалы владельца, сложности с атрибуцией литерного тиснения не возникает (например, тиснение «Б. О. П. З.» или «О. П. З.» означает, что журнал принадлежал библиотеке Охтенского порохового завода в С.-Петербурге). То же можно сказать и о ряде других случаев: так, буквы «И. Б.» под изображением двуглавого орла на корешке тома

несомненно свидетельствует о прежней принадлежности последнего Императорской публичной библиотеке в С.-Петербурге (при том, что каким-либо другим владельческим знаком этой библиотеки подобное тиснение бывает продублировано далеко не всегда), а изображение двух скрещенных якорей – Кронштадтской Морской библиотеке. Но если том маркирован только литерным тиснением на корешке, атрибуция такого тиснения становится весьма затруднительной. В единичных случаях даже наличие личного штампа, дополненное инициалами владельца на корешке, не может помочь в атрибуции обоих владельческих знаков. Так, нам 19 раз встретился штамп с изображением дворянского герба, часто сопровождаемый инициалами «Д. К.» на корешке тома, но при всем нашем старании обе владельческие пометы так остались в числе неизвестных. Всего нами было учтено 228 томов с подобными неатрибутированными литерными тиснениями и штампами, текст которых не поддается прочтению.

Во всех трех разделах файла экслибрисы и владельческие штампы описываются нами по единой схеме, отчасти позаимствованной из указанного каталога С.И. Богомолова, причем сообщаются следующие сведения: орфография, в которой набран текст владельческого знака (до или после реформы 1918 г.); способ печати (для экслибрисов – типографский, литографированный и т.д., также особо отмечается конгревное тиснение штампов); форма знака; размеры в миллиметрах по вертикали и горизонтали; наличие и самое общее определение формы рамки (линейная, двойная линейная, фигурная); отмечаются случаи использования в тексте знака любого другого языка кроме русского (нам встретились штампы на немецком, французском, идиш, коми-зырянском, латышском, украинском, финском и эстонском языках). Приводится текст знака в упрощенной орфографии (т.е. буквы «ять», «і», «фита» заменяются соответственно на «е», «и» и «ф», опускается «ер» на конце слова, но сохраняются устаревшие флексии типа «-аго» для прилагательных в форме мужского рода, родительного падежа, единственного числа и т.п.) и/или описание изображения на знаке. В случае, если дореформенный знак описан в каталоге С.И. Богомолова, делается ссылка на порядковый номер этого описания (указанный каталог был выбран нами как наиболее полный на сегодняшний день перечень российских владельческих штампов и экслибрисов до 1918 г., ни на какие другие каталоги книжных знаков мы не ссылаемся), в противном же случае отмечается, что данный знак в каталоге не описан (и таких штампов и экслибрисов нам встретилось не менее 285-ти). Далее перечисляются заглавия, годы выхода и номера журналов или газет, в экземплярах которых нам встретился описываемый знак, и указывается общее количество томов, этим знаком маркированных. Каждый том может быть учтен лишь один раз, поэтому если в нем встретились два или более владельческих знака разных организаций или частных лиц, том учитывается под именем хронологически более раннего владельца, а от описания последующих знаков делаются отсылки к основной записи. С другой стороны, если место расположения более ранней организации установить не удалось (как это было уже показано выше на примере Московского лейб-гвардейского полка), а положение более поздней, напротив, не вызы-

вает сомнений, основной учетной записью в качестве исключения становится описание хронологически более позднего владельческого знака.

Как явствует из вышесказанного, каждое подобное описание помещается под названием организации или именем частного лица, которым некогда принадлежал экземпляр того или иного периодического издания. Внутри алфавитного списка городов и названия организаций, и личные имена владельцев также располагаются в алфавитном порядке, причем частные лица особо не выделяются. При этом обычно выбирается та форма наименования организации, которая предлагается в тексте владельческого знака, либо наиболее употребительная форма. Наибольшие трудности вызывают случаи изменения названия организации, происходящие, например, при реорганизации учреждений или их слиянии. Если удавалось установить, что организация, как это часто случалось, например, с городскими библиотеками, поменяла название, но преемственность фонда при этом сохранилась, то описания ее владельческих знаков помещаются под одной рубрикой, к которой даются отсылки от всех остальных (например, предыдущих) вариантов ее наименований. Так, например, описания владельческих штампов Усть-Сысольской общественной библиотеки, Областной центральной библиотеки Автономной области Коми в Усть-Сысольске, Республиканской библиотеки Коми АССР, Коми республиканской библиотеки имени В.И. Ленина были размещены под одним из этих названий, а именно под рубрикой «Областная центральная библиотека Автономной области Коми». С другой стороны, благодаря указанию заведующей Сектором редкой книги Национальной библиотеки Республики Коми О.В. Кырнышевой штамп Усть-Сысольской народной библиотеки-читальни был описан отдельно под названием этой последней организации. Другой пример: в Ленинграде в 1925 г. Николаевская инженерная академия, получившая в советское время новое название – Военно-инженерная академия РККА, слилась с бывшей Михайловской артиллерийской академией (т.е. Артиллерийской академией РККА), образовав Военно-техническую академию РККА. Описания владельческих знаков каждой из участвовавших в слиянии дореволюционных военных академий, а также вновь образованного учебного заведения помещены нами под разными рубриками, а именно «Николаевская инженерная академия и училище», «Михайловская артиллерийская академия» и «Военно-техническая академия Рабоче-крестьянской Красной Армии».

Объединение под одной рубрикой разнообразных владельческих помет позволяет не только уточнить время изменения названия организации (поскольку речь идет о периодических изданиях, время поступления которых в фонд того или иного учреждения как правило совпадало с годом их выхода из печати) или приблизительно определить время появления конкретного экслибриса или штампа. Нами были обнаружены ранее не описанные владельческие знаки, представляющие несомненный интерес для других областных библиотек. Так, на сайте Уральского регионального центра «Книжные памятники» в реестре «Книжные памятники-коллекции» описаны в частности признаки принадлежности изданий библиотеке Нижнетагильских заводов. Однако

среди описанных штампов, экслибрисов и владельческих записей нет упоминания о штампе конгревного тиснения, часто дублирующего на томах нашего журнального фонда обычный оттиск «Библиотека Нижне-Тагильских заводов». Штамп конгревного тиснения примечателен ошибкой в тексте – «Нижнэтагильской библіотеки» и, вероятно, является наиболее ранней из владельческих помет Нижнетагильской заводской библиотеки.

Наряду с бывшими владельцами, помечавшими принадлежащие им периодические издания лишь одним знаком (так, все 146 томов, находившиеся ранее в библиотеке Выборгского русского реального училища, если не принимать во внимание наклейки с написанным от руки библиотечным шифром на корешках, маркированы лишь одним штампом), разнообразие владельческих знаков некоторых организаций поражает. В экземплярах, находившихся в журнальном фонде Императорской публичной библиотеки, нам встретились 27 различных книжных знака (14 из них – дореформенные), а на экземплярах Николаевского кавалерийского училища и находящегося при нем кадетского корпуса – 15 знаков. Последний пример важен для нас еще и потому, что в каталог С.И. Богомолова не вошли книжные знаки организаций военного ведомства – воинских подразделений, военных училищ и других военно-учебных заведений (в т.ч. Пажеского корпуса или Николаевской академии Генерального штаба).

Наше исследование дало возможность получить интересующие нас статистические сведения, касающиеся организаций, пополнивших фонд НБ РК не единичными экземплярами журналов или газет, но, вольно или невольно, передавших главной библиотеке Карелии действительно существенные собрания периодики. Так, из расформированной библиотеки служащих Министерства финансов (С.-Петербург) мы получили 308 томов журналов, из Императорской публичной библиотеки (С.-Петербург) – 207, из Императорского Русского технического общества (С.-Петербург) – 190, из библиотеки Выборгского русского реального училища (Выборг) – 146, из библиотеки Государственной думы (С.-Петербург) – 122, из библиотеки Уральского института марксизма-ленинизма (Свердловск) – 114, из Республиканской медицинской библиотеки КАССР (Петрозаводск) – 80, из библиотеки С.-Петербургской духовной академии (С.-Петербург) – 72 тома. В числе других более или менее крупных источников поступлений можно назвать Летучую библиотеку Екатерины Семенченко (С.-Петербург), библиотеку Усть-Сысольского земства и Областную центральную библиотеку Автономной области Коми (обе в Усть-Сысольске), библиотеки Выборгской русской народной школы (Выборг), Охтинского порохового завода (С.-Петербург), Череповецкую общественную публичную библиотеку (Череповец), библиотеку 1-го кадетского корпуса (С.-Петербург), Центральную библиотеку Выборгского района (Ленинград), библиотеки С.-Петербургского учительского института, Института инженеров путей сообщения и Технологического института (все три – в С.-Петербурге), Выборгскую русскую библиотеку-читальню (Выборг), частную библиотеку Александра Черкесова и наследовавших ему Ольги Поповой и Николая Ломковского (С.-Петербург), Кронштадтскую Морскую библиотеку (Крон-

штадт) и многие другие. Личные собрания членов Императорского Дома представлены экземплярами из библиотек великого князя Михаила Николаевича (18 томов) и Ново-Михайловского дворца, императора Александра II (4 тома) и Императорской Эрмитажной библиотеки, великих князей Николая Николаевича Старшего и Николая Николаевича Младшего (по одному тому). Особо хотелось бы обратить внимание на чрезвычайно похожие друг на друга владельческие знаки (штампы и экслибрисы) петербургских городских читален, открытых, очевидно, в одно и то же время в память о русских писателях, поэтах, критиках и ученых – В.Г. Белинского, Н.В. Гоголя, А.С. Грибоедова, Д.В. Григоровича, В.А. Жуковского, В.О. Ключевского, А.В. Кольцова, М.Ю. Лермонтова, М.В. Ломоносова и др.

К сожалению, среди 1346-ти владельческих знаков министерств и департаментов, комитетов политических партий, академий, институтов, гимназий, училищ и школ, кадетских корпусов и лейб-гвардейских полков, частных, земских и общественных библиотек нам ни разу не встретились разыскиваемые нами штампы или другие владельческие пометы Петрозаводской общественной библиотеки. С огорчением приходится констатировать отсутствие преемственности фонда Национальной библиотеки Республики Карелия и Алексеевской общественной библиотеки в Петрозаводске. Очевидно, что в гигантском водовороте довоенного и послевоенного перераспределений книжного фонда достаточно крупные партии экземпляров изданий, принадлежащих одним владельцам, перемещались (возможно, не всегда на добровольных началах) к другим, причем иногда на достаточно большие расстояния (так, например, к нам попали экземпляры из собраний Южного Урала или Автономной области Коми). Остается надеяться, что впоследствии благодаря архивным изысканиям эти хаотичные на первый взгляд перемещения, эти потоки перераспределений в общероссийском масштабе будут наконец отслежены. Возможно, в фондах одной из российских библиотек и сейчас хранятся экземпляры со штампами Петрозаводской Алексеевской библиотеки, спасенные таким образом от пожара 1918 года, и мы будем благодарны всем исследователям и хранителям, чьи труды прольют свет на этот чрезвычайно важный для нас факт истории нашего собрания.

Н. И. Кипнис,
зав. сектором редких книг НБ РК

Книги немецких авторов в фондах дореволюционных библиотек Петрозаводска

Первая общественная библиотека в Карелии была основана в 1833 году. Она существовала до 1918 года, и Национальная библиотека Республики Карелия считается ее правопреемницей. Посетивший в 1870 году Петрозаводск Великий князь Алексей Александрович пожертвовал тогдашней общественной библиотеке очень крупную сумму, в его честь библиотека стала называться Алексеевской.

Единственный печатный каталог Петрозаводской общественной библиотеки издан в 1872 году.[1] Его изучение показало, что из 1047 экземпляров книг, составлявших тогдашний фонд библиотеки, около 7 процентов – книги, переведенные с немецкого языка.

Среди немецких книг встречались и произведения художественной литературы, и научные издания. Вряд ли стоит упоминать, что в фонде Алексеевской библиотеки были собрания сочинений Гете, Шиллера и Гейне, чья популярность среди русских читателей 19 века общеизвестна, а влияние на развитие русской литературы было и остается предметом пристального внимания ученых. Интересней взглянуть на немецких писателей, так сказать, «второго» и «третьего» ряда, чьи имена ныне в России совершенно забыты, а о степени их популярности в 19 веке приходится судить лишь по статьям в энциклопедиях и каталогам провинциальных библиотек.

Бертольд Ауэрбах, основатель нового жанра «Шварцвальдские деревенские рассказы», был переведен на многие языки мира, высоко оценивался И. С. Тургеневым. В Алексеевской библиотеке числились четыре тома его повестей и рассказов.

Фридриха Гаклендера современники сравнивали с Диккенсом и Теккереем, а **Фридрих Герштеккер** был чрезвычайно популярен среди немецкой молодежи как путешественник и автор этнографических романов об Америке. Его романы «Живая сила» и «Голубые и желтые» (СПб: Изд. Н. А. Шигина, 1871) были переведены на русский почти сразу после выхода в свет оригиналов и пополнили фонды нашей общественной библиотеки. Естественно, были в фонде и произведения хорошо известного русским читателям **Карла Гуцкова**, главы литературного движения «Молодая Германия».

Наиболее читаемым сочинителем в 60-е годы 19 века считался **Фридрих Шпильгаген**, имевший славу одного из первых романистов Германии и пользовавшийся большим успехом в России, особенно в народнической среде. Заметим, что, судя по нашему каталогу, библиотека

[1] Систематический каталог Алексеевской Петрозаводской общественной библиотеки. – Петрозаводск: Губ. Тип., 1872. – 37 с.

комплектовалась литературой народнического направления, поэтому в ее фонды приобретались в основном книги писателей, так или иначе тяготевших к младогерманцам.

В разделе естественнонаучной литературы немецкие авторы представлены довольно широко, это и понятно: их сочинения в этой области, начиная с 18 века, считались наиболее авторитетными в научном мире. В 1861 году выдающийся немецкий естествоиспытатель **Карл Фогт** принял участие в экспедиции, материалы которой живо описаны им в книге «Путешествие на север Норвегии» (СПб.: Тип. Куколь-Яснопольского, 1867.). Замечательно, что русский перевод появился уже в 1867 году, причем издание прекрасно иллюстрировано (в фондах НБ РК есть это же издание, но другой экземпляр). Сейчас мы можем познакомиться и с монографией **Эмиля Адольфа Росмеслера** «Вода: изложение для образованных читателей и читательниц. – СПб.: Изд. книгопродавца и тип. М. О. Вольфа, 1862». Замечательный немецкий ботаник и зоолог увлекался также и литографией, книга иллюстрирована им же.

Были в фонде Алексеевской библиотеки и «Руководство по практическому земледелию» (СПб.: Иждивением Вольного экономического о-ва, 1834) – главный труд **Иоганна Непомука Шверца**, и сочинение одного из крупнейших ботаников 19 века **Матиаса Шлейдена** «Растение и его жизнь» (СПб.: Изд. М. О. Вольфа, 1861). В общественной библиотеке Петрозаводска были широко представлены труды немецких ученых по медицине и истории. Так, перу известного анатома **Карла Эрнста Бока** принадлежит книжка «Будьте здоровы: популярные медицинские беседы» (СПб.: Изд. В. Е. Генкель, 1869) – одно из первых сочинений подобного рода.

Как известно, источником информации об истории книжного фонда являются библиотечные штампы и ярлыки. Книги со штампами Петрозаводской общественной Алексеевской библиотеки в нашем хранилище отсутствуют. Возможно, это еще одно свидетельство того, что весь фонд Алексеевской библиотеки погиб во время пожара 1918 года и перечисленные выше экземпляры в фондах НБ РК не обнаружены.

Самый давний из имеющихся на книгах штампов нашей библиотеки – «Карельская областная центральная библиотека». (В ряде изданий – это ярлык, т. е. наклеенный кусочек бумаги с названием библиотеки.). Согласно архивным данным, это название и, вероятно, штамп и библиотечный ярлык появились в 1922 году. Карельская областная центральная библиотека была создана на базе книжных фондов учебных библиотек – духовной и учительской семинарии, мужской и женской гимназий, библиотек губернских и земских учреждений – Олонецкой губернской земской управы, Олонецкого управления земледелия и государственных имуществ и, возможно, остатков фонда Петрозаводской общественной библиотеки.

Из изученных нами около восьми тысяч дореволюционных изданий 110 книг помечены штампом, а иногда – ярлыком «Карельская областная центральная библиотека». Большинство этих книг имеют и другие – более ранние – владельческие пометы: это или литеры на корешке:

Б.О.Д.С. – Библиотека Олонецкой Духовной семинарии,

Б.О.Гим. – Библиотека Олонецкой гимназии,

Пет.Гим. – Петрозаводская гимназия,

или штампы библиотек уездных или губернских заведений и учреждений:

- Библиотека Петрозаводского уездного комитета попечительства о народной трезвости,
- Олонецкого епархиального женского училища,
- Олонецкого губернского статистического комитета,
- Петрозаводской уездной и земской управы.

Эти пометы позволяют сделать вывод о том, что и специальные библиотеки (учебные и библиотеки учреждений) имели в своих фондах книги немецких авторов. Так, сочинение профессора **Карла Бецольда** «Ассирия и Вавилония» (Спб.: Тип. Акц. О-ва Брокгауз-Ефрон, 1904) украшает штамп «Библиотека Петрозаводской учительской семинарии».

Интересно, что одна из наших рукописей, а именно «Historia eruditionis» («История просвещения») середины – второй половины 1770-х годов является конспектом лекций на латыни, озаглавленным «История просвещения, в императорском Московском университете господином **Иоганном Готфридом Рейхелем**, публичным ординарным профессором, первым библиотекарем, Академической Конференции секретарем, в публичных лекциях 13 августа 1773–23 июня 1774 года изложенная». Между прочим, эти лекции немецкого историка не переведены на русский язык и не опубликованы, в отличие от других его лекций и речей, также написанных или произнесенных на латыни и законспектированных, переведенных и затем опубликованных его учениками. На ряде листов нашей рукописи имеется штамп «Библиотеки Олонецкой духовной семинарии» и владельческая надпись «Pertinet ad studiosum Ignatium Ivanov» («Принадлежит студенту Игнатию Иванову»).

На корешке «Гамбургской драматургии» **Лессинга (**1883 год издания) находим литеры О.М.Г. – Олонецкая мужская гимназия. Ярлык переплетчика «Северная скоропечатня. Переплетная Р. Г. Каца. Петрозаводск» свидетельствует о том, что и «Руководство к глазным болезням» немецкого профессора офтальмологии **Эрнста Фукса** (Спб.: Изд. журн. «Практическая медицина», 1897) издавна служило петрозаводским докторам.

Дореволюционные издания, помеченные штампами «Карельская областная центральная библиотека» и «Карельская публичная библиотека», видимо, поступили из разнообразных учебных, служебных и частных библиотек Петрозаводска, т. к. нет оснований считать, что фонды публичной библиотеки пополнялись в то время за счет обменно-резервных фондов столичных библиотек.

Таким образом, можно считать доказанным, что такие жемчужины нашего фонда, как «Свет зримый в лицах» (книга Георга Вилля, переведенная с немецкого Иваном Хмельницким и изданная Императорской академией Наук в 1789 году) или «Начальные основания естественной исто-

рии», изданные академиком Николаем Озерецковским и переведенные им с немецкого в 1791 году, находились в библиотеках Петрозаводска и до того, как поступили в наши фонды.

В большинстве своем книги немецких авторов в дореволюционных фондах касались естественных наук, например, «Жизнь бабочек, их ловля, воспитание и сохранение» **М. Штандфусса** (СПб.: Изд. Т-ва Просвещение, 1901), «Наши домашние животные» **Клетта и Гольтгофа** (Спб.: Изд. Брокгауз-Ефрон, 1911) и др. Подчеркнем, что большая часть дореволюционных изданий поступила в нашу библиотеку после Великой Отечественной войны из обменно-резервных фондов ленинградских библиотек.

Из изученных 10 тысяч названий книг на русском языке в фонде отдела редких книг около 600 названий являются переводом с немецкого языка. Уже отмечалась оперативность русских книгоиздателей: популярные в Германии сочинители немедленно издавались в оригинале, а следом появлялись русские переводы.

Интересно, что и английские и французские книги часто, особенно в 18 веке, становились доступными русскому читателю в переводе с немецкого языка, а не с оригинала: так, исследование английского писателя **Джона Мейсона** «Познание самого себя» перевел с немецкого Иван Петрович Тургенев в 1783 году; великого француза Расина в 1802 году издали в губернской типографии Решетникова в Москве также не по оригиналу, а с немецкого перевода, роман французского писателя **Гена де Монтаньяка** «Способ быть добродетельным» появился в 1776 году также в переводе с «немецкого на российской язык».

Все это свидетельствует о той огромной роли, которую играли немецкий язык и немецкая культура в России вообще и в жизни российской провинции в частности.

Ольга Владимировна Семенова,
учитель английского языка
(г. Россошь Воронежская обл.)

Обыкновенное письмо о необыкновенных открытиях, связанных со старинными книгами, сохранившимися в удивительной Национальной библиотеке Республики Карелия

Я всегда мечтала побывать в Голландии, родине самых изумительных тюльпанов. Вот уж такие ассоциации. Но как же я была поражена простой до гениальности мысли: кроме тюльпанов прекрасных, страна богата неповторимой историей, как, впрочем, любое государство мира. И я побывала в стране моей мечты, хоть и не исходила ее благословенную землю.

Национальная библиотека Республики Карелия пригласила меня окунуться в литературный мир Голландии, мир книг и манускриптов. Мне предложили полюбить эту страну как родину замечательных печатников и книготорговцев, страну удивительных изданий.

Мысленно вхожу в эпоху «Эльзевиров». Фамилия этих типографов, в течение полутора веков царящих на книжных рынках Европы, стала нарицательной. Их книги были богато иллюстрированы, сопровождались гравированными титульными листами, украшенными узорами, с изображением мифологических фигур, архитектурными деталями. Для 16–17 веков книжная гравюра на меди и офорт – это было впервые! Современники называли Нидерланды писательской Меккой, но определение «Мекка книгопечатников и книготорговцев» подошло бы лучше.

Я впервые вижу перед собой реальные раритеты… Квинт Гораций Флакк. Сочинения.

Horatius, Quintus Flaccus. Q. Horati Flacci Opera. Cum nimarduerfionibus&NotisDanielis Heinsi; longeauctioribus. Idem librum «De Satyra» praefixit + – LugduniBatavorum: ApudLudouicum Elzeuirium, 1612. – [16] l., 317, 120, 174 p.

Гораций – древнеримский поэт Золотого века древнеримской литературы… Он любил греческую поэзию, интересовался философией, писал стихи, сатиры, оды. Цитаты Горация, встречающиеся в русской литературе, нам кажутся непреложной истиной. Знаю о великолепных переводах Горация на русский язык: М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, А. А. Фет и др.

И вдруг у меня в руках книга, изданная в 1612 году в типографии Лодевейка Эльзевира! Перелистываю аккуратно странички, и мне кажется, что я ощущаю тепло рук человеческих, прикасавшихся к ним на протяжении четырехсот лет. Комментарий к «Сочинениям» написан Даниэлем Хейнсиусом, крупнейшим специалистом по античной литературе своего времени. Хейнсиус,

преподаватель Лейденского университета, ученый эпохи Возрождения, писал стихи на латинском языке, на голландском. Даниэль был не только переводчиком и поэтом (а переводчику поэзии нельзя не быть и самому поэтом), он был известен как блестящий комментатор сочинений многих великих античных поэтов и философов. Советы Д. Хейнсиуса определяли политику издательской фирмы Эльзевиров. С трепетом прикасаюсь я к страничкам: мелкий, но четкий и изящный шрифт, изысканные фронтисписы и титульные листы, удобный формат…

Элегантный переплет еще одного творения эпохи Эльзевиров… и с поклоном принимаю, прижимая к сердцу небольшое по размеру, я бы сказала, камерное издание.

Ovidius, PubliusNaso.Operum P. Ovidii Nasonis: [In 3 vol. Vol. 1] /P. OvidiusNaso; Nic. Heinsius Dan. f.recenfuit ac notasaddidit. – Editio nova. – Amstelodami: Ex officinaElzeviriana,1661. – 7, [8–12] l., 234, 537, [1] p.

Я, выпускница филологического факультета, совсем-совсем мало знаю о нем… Овидий! Римский поэт, живший на рубеже двух эр летоисчисления. Писал любовные послания и стихи грустного содержания: бренность мира сего, одиночество. Знакомые чувства! На фронтисписе, едва прикасаясь пальцами, ощущаю круг с гравированным профилем поэта и латинской надписью «Овидий Назон». Комментарии к этому изданию выполнил сын Даниэля Хейнсиуса, Николас. На форзаце запись владельца на немецком языке, по-видимому, библиография сочинений Овидия, опубликованная в конце 18 в. А вот и бывший владелец: изящный томик украшает декоративный экслибрис с надписью: «Ex bibl. Joh. Herm. Schnobel C. L.» Как считают библиотекари, экслибрис принадлежит Иоганну Герману Шнобелю (1756–1802), кантору из ганзейского Любека.

Недаром славу типографии Эльзевиров составили издания классиков, стоившие довольно дешево, отлично прокомментированные, продававшиеся во всех главных городах Европы. 17 век – век развития университетов в Европе, потому не дорогие, но содержательные книги имели большой успех.

Беру в руки, аккуратно переворачивая странички, следующую предложенную книгу.

[Desfontaines, Pierre-Francois Guyot, 1685–1745] Le nouveau Gulliver, ou Voyage de Jean Gulliver, fils du capitaine Gulliver. T. 1 / Trad. d'unmanuscritanglois par Mr. l'Abbe D. F. – Amsterdam: Aux depens de la Compagnie, 1730. – [14], 204 p.

Пьер-Франсуа Дефонтен, французский писатель и литературный критик, переводчик Джонатана Свифта. Оказывается, именно Дефонтен под псевдонимом Аббат Д. Ф., создал продолжение «Гулливера» – «Новый Гулливер», в котором героем становится сын капитана Гулливера. До 1838 года французы читали Свифта в Дефонтеновском переводе, весьма вольном и, как считает

французская критика, весьма пресном. Кстати, в 1791 году приключения сына Гулливера были переведены на русский язык Михаилом Копьевым.

Следующий шедевр, не менее экзотический с точки зрения современности. Его корешок сохранил позолоту на великолепном орнаменте, повторяющемся в шести «гнездах».

Diodati, Giovanni. Isacri Salmi di David: Messi in Rime/ Volgari Italiane. Da Giovanni Diodati di nation Lucchese et Compostin Musicada A. G. – Appreffo Jacob Albertz Libraro. – In Haerlemme: Nella Scamperia di Isaac van Wesbusch, 1664. – 372 p.

Как «знаток» старинных книг, смотрю на год издания. 1664! В руках у меня Псалмы Давида, переведенные с древнееврейского Джованни Диодати, итальянцем швейцарского происхождения. Диодати был протестантом, теологом и переводчиком. Он был первым, кто перевел Библию на итальянский язык, а напечатана Библия была в Нидерландах. Вот как шагала слава о типографиях Голландии! Издатель Якоб Альбертц (работал в Гарлеме в 1662–1665 годах). Псалмы сопровождаются нотными строчками, до сих пор не разгадано имя композитора, скрывающегося под инициалами A. G. Рассматриваю экслибрис на нижнем форзаце: Б. Клочков. Государственная публичная библиотека. Петербург и штамп Лавки писателей!

Теперь я верю, что нигде в мире не было таких искусных печатников, как в Голландии. Мне позволили просмотреть ин-фолио форматом 39 см х 25 см х 8 см… Ну и размер книги! Не держала в руках таких. Шрифты различных размеров, четкие и изящные. Географические карты – до мельчайших населенных пунктов. Гравюры морских сражений. Неожиданное чудо из Чудес!

Meteren, Emanuel von. (1535–1612) Miteranus Novus, das ist: Warhafftige Beschreibung aller den denckwurdigsten Geschichten. (в 2-х т.) [Vol. 1] – Amsterdam: Wilhelm Blaeu, 1633. – [8], 726, [27] p., [7] p., maps, plans,ill.

Один перевод названия фолианта заставляет сладко замереть сердце романтика: Метеранус Новус: «Правдивое описание всех мыслимых историй, как в Нидерландах, так и в других землях, от начала правления Филиппи Аудасис, герцога Бургундского, и по 1612-й год от рождества Христова. Написано в 32 книгах. Расширенное и восстановленное издание, заново переведенное на литературный немецкий язык, и продолженное наистарательнейшим образом до года 1633-го. Знатнейшие битвы и осады, отображенные в манере географической и геометрической, а также множество новых битв, выгравированных по меди наиизящнейшим образом, выходят в свет заново».

Действительно, хроника известного историка Эммануэля Метерена, вышедшая в свет в 1633 году после его смерти, продолжена до 1633 года, драматичнейший период в жизни Нидерландов расписан подробно, а, главное, как изумительно иллюстрирован! Гравюра на титуле взята из прижизненного немецкого издания Э. фон Метерена и опубликована известным голландским

книгопечатником Виллемом Блау. Гравюра та же самая, которую мы можем увидеть в одном из томов легендарного Большого атласа Блау. На гравюре изображены рыцарь в доспехах и монахиня. В верхней части две девушки демонстрируют гербы, здесь же аллегорическая фигура Марса со своими свирепыми собаками. Текст титульного листа гравирован вместе с этой сюжетной рамкой, это один из первых цельногравированных титулов. О Боже! А карты! Недаром в 16–17 веке голландцы прославились картографическими изданиями.

А это что за любопытная прелесть из «лавки древностей»? Осторожно беру очередной «привет» из 17 века. Снова глаза ищут год издания – 1670. Снова Амстердам блистает умением преподнести очередной сюрприз!

Kirchere, Athanase. (1602–1680) La Chine d'Athanase Kirchere de la companie de Jesus, illustree de plusieurs monuments tantsacresque profanes, et de quantite de recherches de la nature & de l'art+/ Trad. par F. S. Dalquie. – Amsterdam: Chez Jean Jansson a Waesberge& les Heritiersd'Elizee Weyerstraet, 1670. – 382, [2] p.: ill.

Атанас Кирхер. Название очень сложное. Разбираю латиницу по частям… China monumentis, qua sacris profanes… Я бы величала этого весьма образованного человека, жившего в эпоху Эльзевиров, настоящим энциклопедистом. Он писал книги по физике, лингвистике, теологии, математике, географии. Оказывается, не только русские купцы и исследователи интересовались землями, лежащими за «тремя морями». Кирхер проявил интерес к Китаю в 1629 году! Переворачиваю страницы, и снова мною овладевают философские мысли: сколько читателей различных вкусов, взглядов просматривали эти иллюстрации с таким же трепетом и уважением к автору! И вот я в 21 веке с переполняющими меня чувствами от сознания величия МОМЕНТА могу свободно пользоваться энциклопедией по Китаю того времени. Какая тщательная картография! Привычные нашему взору китайские драконы, видимо, тем, первым читателям, казавшиеся чем-то фантастическим, мистическим…

Книга Кирхера вышла в свет в 1667 году на латинском языке. А уже в 1670 году ее перевели на французский. Интересная ступенька языков: латинский оригинал, голландский перевод, английский и вот – французский. И все это издано в Амстердаме, тем же издателем Яном Янсоном ван Весбергом! Общепризнанно, что «Китай в иллюстрациях» как никакое другое исследование этой страны, повлияло на восприятие европейцами Китая на многие годы.

La Fontaine, Jean de Contes et nouvelles en vers par Mr. de La Fontaine. T. 1. – Nouv. ed., corrigee, augm. & enrichie de figures. – Amsterdam: S.n., 1747. – 198 p.

Лафонтен, «Истории и новеллы». Источники сюжетов «Историй и новелл» — рассказчики всех времен и народов, причем автор и не думает скрывать этого и даже указывает, у кого позаимствован тот или иной сюжет. Лафонтен использовал некоторые работы французских и итальянских авторов 15–16 вв. Среди них «Декамерон» Джованни Боккаччо, «Неистовый Орландо» Людовика Ариосто, сборник «Сто новых новелл» Антуана де ла Саля, и работы Деперье Бонавентура.

Книга иллюстрирована 7 гравюрами, фронтиспис украшен аллегорическим изображением Купидона, смотрящего на Евтерпу, которая наклонилась к скульптуре, представляющей из себя сцену охоты собаки, атакующей дикого оленя на вершине постамента. На его фронтоне просматривается сцена из древнегреческого мифа о похищении Зевсом, превратившимся в белоснежного быка, красавицы Европы. На горизонте, на вершине скалы, стоит Пегас. Купидон роняет стрелы на трофеи богини охоты Артемиды. Вновь поражаюсь необыкновенным искусством голландской книжной графики!

Неужели меня вновь удивят доброжелательные сотрудницы отдела редких книг?

Neuer Sachsischer Atlas, enthaltend die siebenKreise des Kuhrfurstenthums Sachsen+. – Amsterdam; Leipzig: Peter Schenk, 1753. – [70] p., [35] k.

Новый Саксонский атлас, середины 18 века. С огромным любопытством разглядываю представление о континентах и водах мирового океана глазами географа 18 века. Питер Шенк младший – знаменитый голландский издатель (1693–1775), 2 карты – работы выдающегося саксонского картографа Адама Фридриха Цюрнера (1679–1742). Действительно, «книгоиздательская Мекка» – картографы, писатели, переводчики, художники – разных стран Европы, а издавать предпочитают в Голландии! На нахзаце надпись: «всего 36 карт», (скорописью 18 в.), по-видимому, бывший владелец расстроился, что Атлас достался ему уже с утратами листов.

Уважаемые труженики Национальной библиотеки! От всего переполненного гордостью сердца своего за сохранение огромного богатства, ни с чем несоизмеримого, благодарю вас.

Низкий вам поклон.

О. Д. Семенова

июль 2013 г., г. Петрозаводск

Яна Жемойтелите

Недалеко от рая
Повесть

03.11.1927

Егерский батальон, исправдом, пожарная команда, артель ломовых извозчиков, столярная мастерская, спиртоводочный завод, лесозавод «Октябрьская революция»… Кто куда с книжками ходил в сумеречных буднях раннего ноября, а она, Машенька Мещерская, по средам носила книжки в столярку Онегзавода. Огромная сумка оттягивала плечо, ремень натирал даже через пальтишко, и на теле ее возле хрупкой шейки обретались багровые полосы, будто следы бичевых ударов. Их никто не видел под платьицем, а даже жаль немного: она была мученицей-книгоношей, которая каждое утро пускалась странствовать по известным адресам: Егерский батальон, исправдом… Исправдом вообще был каким-то страшным словом. Вовсе не потому, что это тюрьма. То есть тюрьма – очень даже неплохое слово, в ней при царе революционеры сидели. А вот «исправдом» означал заведение для столь нехороших людей, что их действительно приходилось отгораживать до тех пор, пока они не выправятся. Не зря же исправдомом детей пугали: будешь так себя вести – попадешь в исправдом, туда тебе и дорожка. Нет, этим словом просто очень плохих ребят пугали. Непонятно только, как они могли появляться на свет при советской власти. Ладно там, кто при царе воспитывался, тех надо исправлять… Люди вообще бывают дурными, потому что правды не знают. А правда – в книжках, надо просто уметь читать.

Вот в Егерском батальоне есть один читатель, очень обходительный человек, почти как Владимир Александрович, заведующий библиотекой, и такой же старый, опять жаль. Потому что этот читатель, майор Пейпонен, всякие красивые обороты знает вроде: милая барышня, не откажите в любезности, тут пары страниц недостает, вот досада… Книжки обстоятельно выбирает, и усы у него пушистые, цвета выгоревшей травы, аккуратно расчесанные. А то ведь иной раз придешь на спиртозавод, а там как вывалят землистые такие люди, будто в самом деле из глины вылепленные, сырые еще, зырят белесыми глазами… И Машеньке перед ними немного стыдно. Потому что они – пролетарии. Некоторые читать едва умеют, а все знают что-то такое, что ей неизвестно. Изначально знают, по природе своей, потому что пролетарии – самые передовые. Так Ленин сказал. Она ведь Ленина помнит, хотя не видела никогда. Ей всего пятнадцать лет было, когда он умер. Но это не важно. Потому что Ленина вообще мало кто видел, а все только читали. И сейчас точно так же читать книжки его можно, хотя он умер. И вообще он не до конца умер, не как обычные люди… Вон он гипсовый стоит в окне библиотеке, красными полотнами задрапирован, а вокруг головы лампочки горят. Красота ненаглядная! А над ним большими фанерными

буквами написано: 1917–1927. Это к юбилею Октября так библиотеку украсили. И под аркой огромную, в сажень, модель книги Джона Рида поставили: «Десять дней, которые потрясли мир» и еще лозунг на фасаде растянули: «Книгами закрепим завоевания Октября». В столярной мастерской изготовили такие буквы и замечательную модель книги. За это тоже можно было уважать рабочих, что они умеют такие вещи делать, Машенька сама только читать умеет и пересказывать, что прочла. Железнодорожные рабочие вообще в тряпье одеты, угрюмые какие-то, говорят, зарплату им задерживают то и дело, а в столовой щи с лосиной вошью. Ну так хоть книжки берите почитать, это ж бесплатно, а они: книжками сыт не будешь. Зато пожарные веселые. Наверное, работа у них такая, что сиди и жди, пока загорится. Не каждый день ведь горит, слава богу, вот у них и время на книжки есть…

Шел снег. Крупитчатый, острый, ветер озлобленно швырял его в лицо. Машенька заслонялась уголком клетчатого платка, который ей не нравился совершенно, но в беретике далеко не уйдешь по такой погоде. Шею, потом, платок прикрывает, да и вообще важна внутренняя красота. А у нее она, наверное, есть. Конечно. В библиотечном училище на выпускном говорили, что Мария Мещерская – отличный товарищ, активный культармеец и воинствующий безбожник… А еще у нее густые русые волосы, стриженые по линейке, и блестят, когда она поворачивают голову. И глаза — серые, стальные, как вода в озере глубокой осенью, в ноябре. И вовсе не важно, что на ней штопаные шерстяные чулки. Кто сейчас обращает внимание на эти чулки, если всего через три дня годовщина Великого Октября? Наверняка будет парад Егерского батальона, а на спортплощадке устроят конные выступления и показательные химические занятия со стрельбой и дымовой завесой… Здорово. И вообще, еще немного осталось потерпеть – и жизнь наладится. И тогда у нее в комоде будет целых три пары чулок, причем без дырок. Не для праздника, а на каждый день. Может ли такое случиться? Конечно, может. Ей ведь только восемнадцать лет. А вот пройдет еще лет десять... колоссально много времени, нет, это просто невозможно представить. Конечно, у нее обязательно будут толстые ноги, вот как у тети Гали, с округлыми гладкими коленками. Когда тетя Галя сидит, попивая чай, коленки играют под юбкой, как шары… Машенька невольно ощутила под пальто собственные худенькие ножки и подумала, что не стоит забивать голову глупостями, потому что книжки для рабочих столярной мастерской гораздо важнее и что с прошлого раза там остается еще двое задолжников.

Она миновала четырехугольную площадь Свободы, застроенную по периметру двухэтажными зданиями и раскрывавшуюся на пойму реки и самое сердце города – громаду завода, внушавшую странный, почти суеверный страх. Машенька, конечно, понимала, что бояться совершенно нечего, потому что на заводе работают пролетарии. Правда, некоторые из них до сих пор так и не поняли, что на самом деле они лучшие люди, поэтому пьют водку и вообще прозябают в темноте, но это только потому, что по темноте именно они ничего и не понимают, а стоит им объяснить… Машеньке как-то поручили громкую читку газеты в литейном цехе, но голос у нее слабый, по-

этому ей так и не удалось докричаться до трудящихся. А библиотекарь Георгий Федорович, который теперь проводит эти читки, говорит слишком витиевато, по-старорежимному, и рабочие наверняка ничего не постигают из того, что он пытается им объяснить.

Заморозок прихватил осеннюю грязь, стылая земля была уже чуть присыпана снегом. На пустыре, небрежно закиданном шлаком, возились агатовые галки, похожие на ожившие комья угля. Вокруг было неприглядно и поэтому тоже жутковато, но разве может быть вокруг завода красиво? Индустрия совсем не для красоты существует… Галка, неожиданно выпорхнув прямо у нее из-под ног, заорала истошно, будто ругаясь. Так отвратительно хрипло, широко разевая рот до красного зева, орут пьяные в дым женщины: дура-а-а, дура-а-а… И Машеньке показалось, что агатовая галка ругается на нее. Глупости! Галка – это ведь просто птица. Причем тут вообще птица, если там, впереди, завод, проходная, украшенная портиком с колоннами. Но ей нужно не на проходную, а во флигель, в столярку. Рабочие любят Горького, меньше – Толстого, кроме разве что плотника Винокура, этот читает все подряд без разбору. Виктора Гюго хорошо берут. Пару раз приходил инженер Игнатьев, спрашивал Ларису Рейснер и Сологуба, но этих книг в библиотеке не оказалось. Сологуба сейчас вообще чудно читать, хотя его недавно переиздали. Чудно в том смысле, что все эти гнусности остались в окаянном прошлом, зачем только их заново ворошить, как потухшие угли? Все эти мелкие страсти, мещанская пошлость, которая подспудно оседает в душе сусальной позолотой… Искусство должно открывать путь в прекрасное, которое, наверное, где-то осязаемо существует. Не здесь, понятно. Но где-то же оно есть! Машенька еще ни с кем не делилась сходными раздумьями, даже с заведующим библиотекой Владимиром Александровичем. А вдруг это все глупости, досужие домыслы? Вдруг не существует ничего другого, кроме пустыря, заваленного черным шлаком, агатовых галок с красным зевом и злого крупитчатого снега, который колет лицо под напористым ветром? И все это знают и только делают вид, что в мире есть что-то еще другое. Вот бабушка покойная говорила, что истинная красота живет в раю, что есть там у бога какая-то особая обитель, в которой он держит эту красоту и позволяет ей просачиваться в мир только по каплям. Но если бога нет, выходит, и красоты этой не существует. Вот что обидно. А как же Ленин в окне библиотеки? Ведь это безусловно красиво…

– Эй, книгоноша! Заплутала, я чаю… – густой насмешливый голос пробился сквозь напористый снег, и слесарь Винокур, похожий на светлокудрого чумазого черта, неслышно подхватил ее сумку с книгами. Она не успела даже испугаться.

– Чего новенького на сей раз принесла?

– Да вас разве удивишь? Ваш формуляр хоть на выставку помещай. Заведующий даже в годовой отчет велел внести слесаря Винокура.

– В го-довой от-чет?.. – Винокур как будто пробовал на вкус чужие библиотечные слова.

– Да. Как лучшего читателя из рабочих.

– Иди ты! – Винокур расхохотался. Смех его был раскатистым, щедрым и чем-то напоминал рассыпчатую пшенную кашу. – Заведывающий у вас мужик толковый, хотя из бывших. Винокур остановился возле дверей столярки и, легко перекинув сумку с книгами из руки в руку, произнес: – Слышь, девонька. Сумка у тебя тяжелая, а набита поди брошюрками про Маркса с Энгельсом…

– Н-ну… да, – Машенька смешалась.

– Ты нам лучше Пушкина принеси в двойном экземпляре, все читать приятней. А то прошлый раз чего подсунула?

– «Десятилетие революции и культуры»? – растерялась Машенька, прекрасно памятуя, как в прошлую среду рекомендовала почитать Луначарского. – Это же статья наркома!..

Винокур с усмешкой отмахнулся и, толкнув плечом тяжелую дверь столярки, придержал ее, чтобы Машенька могла проскользнуть внутрь. В мастерской облупившиеся темно-серые стены и пепельные комбинезоны рабочих создавали особый одноцветный мир, в котором, правда, замечательно пахло свежим деревом, а пол застилали желтые завитки стружек. Машенька как правило пристраивалась за столом под окном, до половины замазанным серой краской, и раскладывала свои книжки. До обеда оставалось еще десять минут – она по обыкновению пришла чуть загодя, но в столярке были чужие – кузнецы и литейщики с завода. В обрывках реплик Машенька различила «план по выработке» и «вот времечко наступило».

– Нефти нет, цеха три часа как без крови, – Винокур аккуратно водрузил сумку с книгами на стол. – Эх, малярам-то скоро морока: на улицах таблички замазывать!

– Это вы к чему? – не поняла Машенька.

– Будто не знаешь. Троцкого скоро на Соловки отправят, а сколько улиц Троцкого по стране! Вот и смекай, девонька…

– Но ведь даже Луначарский говорит, что Троцкий – вредный элемент…

– Ага. Троцкого партии не надо только до тех пор, покуда нет войны. А начнется война, так они ухватятся руками за Троцкого, без него трудновато будет!..

– Какая война? – Машенька даже забыла про книжки.

Винокур, поплевав на пальцы, перелистал «Социалистический катехизис», который только на днях прислали из Наробраза, и продолжил совершенно спокойно:

– Через месяц наступление со стороны Финляндии.

– А вы откуда знаете?

– Да у нас все только об этом и говорят.

– А вы зачем сплетни всякие слушаете? Как вам не стыдно? — Машенькин голосок раздался нежданно звонко, и тут же сотня колючих глаз вперилась в нее. И ей сразу сделалось неприятно, как будто они глядели исключительно на ее штопаные чулки и худенькое пальтишко, полуприкрытое клетчатым платком. Ну и пусть! Приосанившись, она продолжила так же напористо-

звонко: – А вы еще не хотите политические брошюры читать. Мол, напрасно я вам их приношу, да? А вы хоть знаете взгляды Троцкого?

– Мы знаем, девонька, – так же спокойно продолжил Винокур, не выпуская из рук «Социалистичекий катехизис», – что в столовой за капусту с водой дерут с нашего брата 36 копеек. А рабочий за смену получает не больше рубля…

– Ага, – подхватил чернявый парень, которого Машенька раньше не видела. – А еще ходят по цехам уговаривают, чтоб мы не волновались из-за того, что жрать нечего.

– Кто?

– Да партийцы, – мотнув головой, чернявый убрал со лба упавшую прядь. Взгляд у него был острый, упрямый. – Ладно, есть у вас приключения?

– Что? – Машенька даже не сообразила, что он спрашивает о книжках.

– Майн Рид, например.

– Ой… – Машенька растерялась совершенно. Майн Рида еще никто не спрашивал из рабочих. Хотя Владимир Александрович рассказывал, что до революции в мужской семинарии, где он преподавал риторику, все только и читали Майн Рида. Как это – семинарист да Майн Рида не читал?..

– Ну так есть?

– Майн Рид в библиотеке, конечно, есть. Если закажете, я в следующий раз принесу…

– Да я из механосборочного. В обед не больно-то набегаешься в столярку. Это сегодня мы стоим.

– А вы тогда в библиотеку приходите. Это же недалеко, на Пушкинской-8. И работаем мы до одиннадцати вечера.

– И как же вы потом ночью непроглядной домой бежите? Жутко поди.

– И ничего не жутко. Потом, я на Бородинской улице живу, рукой подать.

Машенька еще подумала, что парень говорит довольно складно, четко, не глотает окончания, как большинство местных, да и какие точно книжки ему нужны, объяснить умеет. Неужели культурная революция приносит свои плоды, и лет через десять все рабочие смогут так же складно изъясняться и, может быть, придется даже открыть на заводе курсы риторики. Действуют же такие при театральной труппе… Ой, а если правда война? И уже через месяц? Нет, глупости какие, она же все газеты читает. И Владимир Александрович наверняка бы знал, ведь тогда пришлось бы эвакуировать библиотеку. А вдруг завод уже готовят к эвакуации? Но зачем тогда библиотеке выделили деньги для украшения фасада?.. А возле кинотеатра «Триумф» висит афиша нового фильма «Октябрь». Вообще-то Машеньке больше нравится кино про любовь. Вот, прошлое воскресенье она посмотрела «Вашу знакомую» про то, как журналистка влюбилась в ответственного работника и голову из-за этого потеряла, ну, ее и уволили. А к работнику этим тем временем вернулась жена, и вот тогда наконец вскрылся истинный характер этого пошляка и эгоиста… Нет,

если бы ожидалась война, в кино точно показывали бы не «Октябрь», а что-то другое. В конце концов Машенька решила, что спросит об этом у Пейпонена. В Егерском батальоне точно должны знать.

Снег не перестал. Когда она вернулась в библиотеку, полумгла уже замутила пространство, и праздничная иллюминация на фасаде библиотеки переливалась ликующе ярко. И бюст Ленина с электрическим нимбом над головой, вырезанный из мглы, приподнятый над копошащейся внизу жизнью, смотрел далеко за горизонт… И вдруг Машеньке подумалось, а что если статуи что-то видят, чувствуют? Вот гипс когда-то был гипсом, и никто его иначе не называл, кроме как гипсом. А теперь вдруг говорят: это Ленин. Но почему тогда это Ленин, если это тот же гипс? А что если мертвый Ленин парит над землей в поисках своего подобия, и, обнаружив, поселяется в нем? Но ведь таких бюстов наверняка наделали много, а Ленин всего один. Нет, это живой Ленин был один, а после смерти его стало как бы несколько, верней он может вселяться одновременно во множество статуй и быть везде, наблюдать, сочувствовать или гневаться. Впрочем, что толку гневаться, когда в гипсовом виде он ничего сделать не может. Да и гневаться ему на библиотеку вроде не за что. Еще не в каждой библиотеке есть такая подборка стихов о Ленине… В гардеробе пахнуло теплом, книжной пылью и особым запахом старого дома, который происходит, может быть, от въевшегося в штукатурку дыхания его обителей, испарений горячего чая, пота, легкого душка уборной на первом этаже, крепкого табачного духа, который особенно резок в научном отделении – там сидит Марк Борисовича с неизбежной трубкой… Машенька сорвала с головы ненавистный клетчатый платок. Сейчас она выпьет чаю, расставит книжки по местам и попробует подобрать Майн Рида для этого чернявого, если он все-таки вознамерится прийти.

Близился вечер. Верней вечер по библиотечным меркам, когда засидевшиеся посетители покидали читальный зал, изразцовые печи отдавали последнее тепло и гардероб пустел. На самом же деле близилась ночь, тогда подкатывало особое ощущение, будто библиотечная тишина наполнялась едва слышным шепотом, наверху, в научном отделе поскрипывали половицы, хотя библиотекарь Марк Борисович уже спустился вниз и попыхивал своей трубкой в канцелярии… Машенька со вздохом вернула на полку так и не востребованные книжки Майн Рида, и в этот момент в коридоре раздались торопливые, но легкие, будто танцующие шаги, заскрипела дверь в абонементном отделе. Машенька крикнула из-за полки:

– Закрыто!

И густой глуховатый голос ответил:

– Говорили же до одиннадцати!

– Ой, это вы! – Машенька сразу узнала, кто это, скорее поняла. Поправив волосы, она, пожалуй, слишком поспешно выскочила к кафедре. – Я вам даже книжки отложила и уже убрала. Думала, не придете.

– Я человек трудящийся, – неопределенно ответил чернявый, оглядывая книжные полки. – Значит, можно взять на дом?

– Да, на неделю. Подождите, я принесу Майн Рида.

– Да что Майн Рид. Я эдак приближенно сказал. У вас вон сколько всего, – чернявый не торопясь пустился вдоль полок. – Русская классика тоже подойдет. К примеру, Достоевский, – он снял с полки увесистый том в дерматиновом переплете, оглядел его зачем-то со всех сторон, как будто выбирал чемодан.

– Достоевским увлечены? – осторожно спросила Машенька.

– Да, Достоевского возьму. И покажите мне вашего Майн Рида.

Машенька принесла три книги, которые чернявый так же придирчиво осмотрел и выбрал, даже не открывая, самую толстую.

– Заполним формуляр? — робко спросила Машенька.

– Надо, так заполняйте.

Оказалось, что чернявого зовут Егор Степанович Воронцов. Фамилия показалась Машеньке чересчур благородной и как-то не лепилась с простыми именем-отчеством. Воронцов окончил ремесленное училище в Ленинграде и работал мастером в механосборочном цехе. Машенька обратила внимание на его руки: тонкокостные, такие скорее подошли бы художнику или музыканту, она тут же придумала про себя легенду, что Егор Степанович – внебрачный сын графа Воронцова. Хотя почему внебрачный, если носит фамилию Воронцов? Несуразица полнейшая получалась. А вдруг Егор Степанович – потомок обедневшей воронцовской ветви, вынужденный зарабатывать на жизнь тяжелым трудом?..

– Я по тонким сверлышкам мастер, – неожиданно сказал Егор Воронцов. – Такие еще не каждый выточить может.

– А разве у нас на заводе сверла вытачивают? Постойте, механосборочный – это там, где механизмы собирают, разве не так?

– Сообразительная вы, однако, барышня, – усмехнулся Воронцов. – Если бы наша промышленность еще тонкие сверла выпускать имела. А то ведь с палец толщиной. У меня товар штучный: монолитные цилиндрические сверла диаметром от 1 мм. Вам это интересно?

Машенька пожала плечами.

– А я знаю, почему вы спросили, – сказал Воронцов. – Верней, не вы спросили, а я сам сказал. Потому что вы на руки мои смотрели, вроде бы не мастеровые.

– Д-да, – Машенька невольно покраснела, как будто бы оно заодно прочел и ее мысли о фамилии Воронцов.

– Вот я и объяснил, что работа у меня почти ювелирная. Медвежьей лапой такого сверла не выточишь…

Уже давно пора было закрыть отдел и уйти, но Машенька медлила, потому что опасалась уже осознанно, что вот сейчас она повернет в дверях ключ, и Егор Воронцов отправится читать Достоевского, а ей придется возвращаться домой одной, брести сквозь тьму, подсвеченную редкими полуслепыми фонарями, и на всем протяжении пути только собаки будут сопровождать ее легкий шаг…

– Так вы говорите, живете на Бородинской, – спросил Воронцов, и Машенька внутренне вздрогнула: ведь она упомянула об этом вскользь еще на заводе. – Я провожу.

– Вам разве по пути? – она спросила кокетливо, чтобы не выдать своего беспокойства.

– Вовсе нет, но сегодня почти да. Я в заводском общежитии живу.

– Вот так по пути! – Машенька фыркнула, снимая с вешалки пальтецо. Она представила себе это общежитие на задворках завода, в котором из мебели были одни нары, почти голые, без белья.

Потом, поворачивая ключ в дверях абонементного отдела, Машенька почему-то очень отчетливо ощущала мельчайшее движение внутри замка, потом раздался щелчок, и ей так подумалось, что вот же что-то такое щелкнуло, сомкнулось не в замке, а в ее жизни. Коридор, подсвеченный теперь только уличным фонарем, мотающимся на медной проволоке, протянутой от окна к сараю, показался неестественно долгим, и стертые половицы поскрипывали в такт их шагам. Машенька глядела на свои ботинки, и они представлялись ей отчего-то очень далекими, шагавшими как-то отдельно от нее. А она плыла по коридору вперед, подхваченная странной радостью, прораставшей в будущее, и клетчатый платок, еще несколько часов назад уродовавший ее, теперь совершенно ничего не значил. Сторожиха Дарья Семеновна, принимая у нее ключи, посмотрела на Егора Воронцова с подозрением и буркнула под нос вроде: заведывающий гнать велел после одиннадцати… Да еще только одиннадцать, Дарья Семеновна! А это читатель наш, из рабочих… Ага, давай, девка, план выполняй по рабочему классу… Машенька прыснула вместе с Воронцовым.

– У меня в Питере бабка была вроде этой, – сказал Егор уже на крыльце, задрав воротник пальто. – Помирала – и то ворчала на всех, что помереть спокойно не дадут.

– Вы говорите «в Питере»?

– Питерский я. Из Питера уехал в двадцать первом, здесь казалось повеселей. Заманили, потом, на этот завод, зарплату пообещали, а тут…

– Я думала, рабочим чуть погуще живется.

– Много ли мне надо. Потом, заработать не только на заводе можно…

Машенька наконец обратила внимание, что для рабочего Егор Воронцов довольно прилично одет. Серая кепочка, надвинутая на глаза, придавала ему таинственный и странно притягательный облик, хотя можно было вполне принять его за коммерсанта. Но неужели коммерсант будет читать Достоевского? А рабочий разве будет? Нет, гражданин Винокур и Достоевского в библио-

теке заказывал, но быстро вернул и ничего, совершенно ничего не сказал по этому поводу, а ведь обычно делился суждениями, даже Анне Карениной сочувствовал: довели бабу, хотя я б от такого мужа тоже ушел, только и горазд удами своими трясти… А Машенька думала: вот, приходилось же раньше за стариков выходить, а до чего же противно, наверное, ай. У старцев шея как у ящерицы, взять того же Марка Борисовича. Человек содержательный, в естественных науках силен, а шея ну просто драконова… Машенька невольно поежилась.

– Ты замерзла?

Это его «ты» прозвучало внезапно, как хлопок пробки. Ты! Ты! Ты!

– Нет. Скажи еще раз.

– Что сказать? Ты замерзла?

– Нет. Скажи просто «ты».

– Ты удивительная барышня, Марья Сергеевна.

– Откуда ты знаешь, что Сергеевна? – Машенька остановилась и заглянула Егору прямо в лицо. Ей наконец захотелось удостовериться… в чем? Она и сама не знала. Козырек кепки бросал тень ему на лицо, но Машеньке почудилось, что Егор улыбается. Фонарь в самом конце Пушкинской улицы мотало под ветром, снег завертывало спиралью, выло и поддувало, плясало веретено наступающей зимы, ходило вверх-вниз, к земле-к небу, непроглядному за снегом и фонарем…

– У вас в библиотеке список сотрудников вывешен, – сказал Егор Воронцов. – К кому обратиться за политической книгой? Обращайтесь в абонементный отдел к Мещерской Марии Сергеевне. Во всей библиотеке только одна Маша. Машенька…

02.12.1927

Машенька до конца не понимала, зачем Егор просит носить ему книжки на завод, если почти каждый вечер сам заходит в библиотеку и даже однажды посетил научный отдел, где долго рассматривал фолианты, досюльние, со старой орфографией. Они еще поспорили с Марком Борисовичем о том, что старая орфография более точно отражала строение не только слова, но и самого мироздания – это Марк Борисович, конечно, так полагал. А Егор говорил, что все яти и еры съедали в книжках слишком много места, то есть выходило неэкономно, поэтому при царе книжек печатали меньше, чем могли, и трудовому народу чтения недоставало…

— А что ваш трудовой народ, – свирипел Марк Борисович, – к знаниям тянется, хотите сказать? Из последних сил влачится, необразованный? Да его на курсы ликбеза под угрозой увольнения не загнать, и штрафы не помогают. Или вы думаете, что новую интеллигенцию можно за десяток лет слепить из чего попало?

– Как это из чего попало, Марк Борисович, я, между прочим, не что попало!

– Ну, предположим, вы, любезный Егор Степанович, редкий вид трудящегося элемента, который посещает научный отдел. Единственный экземпляр, так сказать. Видал я на своем веку немало трудящихся, которым котлеты на драгоценных страницах разложить ничего не стоит.

– Ладно, Марк Борисович, а как же тогда достичь всеобщего равенства?

– Интеллигенции лопаты в руки, вот и будет вам равенство. Попомните еще мои слова, иначе не выйдет!

– Это Троцкого слова, а не ваши. А Троцкий, между прочим, даже на субботники не ходит.

– Почему?

– Вера не позволяет.

Марк Борисович, не найдя что ответить, возмущенно потрясал в воздухе пальцем, желтым от крепкого табака, а Машенька меж тем удивлялась, как же это такой умный человек не верит в просвещение, облагораживающую роль знаний. Если в это не верить, зачем тогда сидеть в научном отделе. И зачем тогда она каждый день носит книжки неразвитым людям? Правда, встречаются читатели очень даже развитые, и Машенька порой ловила себя на том, что ходит именно к ним, например, к Пейпонену в Егерском батальоне… Марк Борисович, однажды поймав ее в коридоре, высказал строго, но вполголоса:

– Вы, Машенька, человек еще совсем юный, в людях не разбираетесь, может быть, столь же хорошо, как я… – покашляв в кулачок и потеребив горловину свитера грубой вязки, который только и спасал от вечного холода в научном отделе, он продолжил: – Этот парень с завода, Егор Степанович, да… Я бы не советовал подпускать его слишком близко.

– Почему? – Машенька искренне удивилась. Ей казалось, что в Егоре Марк Борисович находит по крайней мере собеседника, несмотря на оппозиционное воззрение.

– Очень странный тип. Я бы сказал подозрительный. Знаний у него с гулькин нос, если честно. Так, надергано по верхам. Но зачем ему, к примеру, головоногие моллюски? Огромный том 1880 года издания в кожаном переплете. Картинки посмотреть? Или укрепить пролетарскую закалку? Нельзя же читать все подряд, бессистемно!

– Егор Степанович… необыкновенный, – Машенька не нашлась, что еще ответить. – Пролетарий нового типа…

– Это определение вы в какой газете прочли? – Марк Борисович брезгливо поморщился и посмотрел на Машеньку с неприкрытым презрением. Еще притопнув, он заковылял к себе на второй этаж, и деревянные ступеньки мерзостно поскрипывали в такт его шагам.

Не подпускайте его слишком близко! О, если бы Марк Борисович сказал ей это на неделю раньше, она все равно бы ослушалась. Да и что Марк Борисович мог знать про то, что происходило между Машенькой и Егором в общежитской каморке в те дни, когда Егор работал во вторую смену и Машенька с утра, едва накинув пальтишко и оправдавшись дома перед тетей Галей, что создалась производственная необходимость работать с утра и до поздней ночи, бежала через

площадь, через мост на Зареку, где среди черно-голых яблоневых деревьев в ямке кривился рабочий барак с полупроваленной кровлей и прокоптелыми окнами. К концу ноября случилась оттепель, и ботиночки ее чавкали при каждом шаге, увязая в грязи. Пустырь за заводом превратился в сплошное грязевое болото, но может быть, так тому и суждено было случиться, что любовь выбрала себе место намеренно неприглядное, страшное даже. Тетя Галя любила повторять вслед за попами, что человек создан из глины, а глина – это же просто грязь. Такая, как на пустыре за заводом. Неужели человек изначально грязен? Иногда Машеньке случалось действительно страшно приближаться к обиталищу своей любви, а иногда казалось, что она и ходит-то не к Егору именно, а навещает саму любовь, которая таится за вылинявшими стенами и одновременно – недалеко от рая. Хотя внутри все было столь же пепельно-серо, как и в цехах завода, как будто там на самом деле вообще ничего не было. Ведь предметы в реальности имеют цвет и только во сне представляются черно-белыми. Значит, пепельно-серое окружение только мнилось, было невсамделишным. Настоящей оставалась любовь, прочее делалось неважным, когда Егор, целуя ее ноги, шептал неистово: «Красивая, какая ты красивая…». Машенька с удивлением открыла для себя, что ее голое молочно-белое тело кому-то кажется несравненно прекрасным и что красота, сокрытая где-то в верхний слоях атмосферы, пробивается на землю и сквозь нее тоже. Но этого просто не может быть: она искала красоту в книжках, и вот теперь получается, что все это время красота таилась в ней самой, под плохонькой одеждой. Зачем тогда люди одеваются, прячут свою красоту? Потому что она открывается далеко не каждому, так?.. И все-таки Машеньке бывало мучительно стыдно, когда Егор просил товарищей своих по комнате выйти ненадолго, всем ведь было понятно, зачем нужно выйти. Хотя то, чем они занимались, оставшись вдвоем, было любовью и больше ничем. Почему же следовало стесняться? И все равно ей теперь делалось неудобно всякий раз, когда она приносила в столярку книжки. Никто ее не упрекал, нет, но смотрели ехидно, со скрытой усмешкой и никто больше не пускался в долгие рассуждения по поводу прочитанного, никто не называл девонькой. А может, рабочие знали что-то особенное и о любви тоже? Но разве возможно знать больше, чем знает она?..

В брошюре «Революция и молодежь» издания университета им. Свердлова Машенька прочла, что половой подбор должен строиться по линии классовой революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, кокетства, ухаживания и прочие методы специально полового завоевания и что половое во всем должно подчиняться классовому, во всем его обслуживая. Ну да, она и прежде обслуживала пролетариев, доставляя им книги прямо на рабочее место. И для Егора она подбирала литературу, правда, у него был к чтению странный подход: Егор признавал книжки исключительно в кожаных или дерматиновых переплетах. Все остальное считал несерьезным, и даже брошюру «Революция и молодежь» отправил под шкаф как что-то вовсе ерундовое. Хотя брошюра была библиотечной, и Машеньке пришлось доставать ее из-под шкафа веником.

– Я так считаю, – говорил Егор, – что хорошая вещь должна немного полежать, тогда в ней сама собой накапливается особая энергия, может быть, даже из окружающей жизни. И вот тогда только ее издают в переплете, на хорошей бумаге…

– Ты хочешь сказать, что книги проверяются временем? Но ведь это общеизвестно!

– Общеизвестно, правильно. Я только пытаюсь тебе объяснить, почему именно так происходит.

А Машенька думала, что как бы Егор ни относился к брошюре «Революция и молодежь», у них все происходит в точности по двенадцати половым заповедям революционного пролетариата, то есть их половая связь является именно завершением глубокой всесторонней симпатии и привязанности к объекту половой любви, как писали в этой брошюре. Меж тем нее переменилось ощущение собственного тела и сама походка. Она больше никуда не спешила, ступала уверенней, тверже, ощущая стопами внутренние токи земли и от этого делаясь будто сильней. Она нечаянно переняла у Егора манеру глядеть слегка свысока, запрокинув голову. Он подсказал ей, что сумку с книгами можно носить на спине, надев лямки на оба плеча. Так было гораздо удобнее, и образ мученицы, который она только недавно примеряла на себя, теперь казался нелепым. Зачем вообще мучиться, если она просто выполняет свою работу, а это далеко не подвиг. Егор вышагивал широко, выкидывая ноги вперед и вечно что-то насвистывая. Казалось, этот человек и по жизни шагал легко, минуя невзгоды, не обращая внимания на такие мелочи как задержка жалованья, которое прочими переживалось довольно остро, словом, этот человек просто «умел жить», а что в этой фразе было особенного? Нет, что плохого? Егор просто доказывал всем, что можно жить легко и радостно даже на те невеликие деньги, которые получали рабочие за свой труд и что человеку в общем-то надо не бог весть сколько. У Егора случались свежие пряники, диковинные в рабочем общежитии, он водил Машеньку в кино по рабочему абонементу – выходило гораздо дешевле, хотя вообще был не из прижимистых. Дважды смотрели «Сорок первый», в котором лучший стрелок красного отряда Марютка стреляла в спину своему любимому, пленному поручику-аристократу, когда тот хотел сбежать к своим. У Машеньки в голове почему-то застряла фраза из этого фильма про конфеты, измазанные кровью, и после этого некоторое время пряники не лезли ей в горло. Машенька соображала про себя, а смогла бы она убить Егора, если бы он в случае войны сбежал к финнам... Про угрозу войны с Финляндией она было как-то совершенно запамятовала, захваченная своей любовью, и все же мысль не отпускала:

– А ты бы смог меня убить? – она наконец спросила напрямую, когда однажды они вышли из общежития в белый морок полдня, чуть прихваченного заморозком. Острый воздух наполнил легкие, отчеркнув неожиданное открытие собственного наличия в мире.

– Что? – переспросил Егор, и его дыхание тут же обозначилось паром.

– Ну, допустим, начнется война с Финляндией и я решу перейти на сторону белофиннов…

– Хорош заливать-то. Перейдет она, пламенная революционерка… – подняв воротник пальто и натянув кепку на уши, Егор бесстрастно шагал вперед.

– Ладно, ты прав, не перейду. Ну а если я совершу против тебя что-то очень плохое.

– Что? – отрывисто спросил Егор, теперь явно нервничая.

– Ну, такое, что человеку никак простить нельзя, даже самому близкому.

Захлебнувшись морозным воздухом, Егор остановился и, неожиданно схватив ее за плечи, развернул к себе:

– Скажи, что ты такое сделала? Маша, что натворила?

Черты его лица исказились, во взгляде прорезалась странная жесткость, и Машенька сперва даже испугалась, но потом решила подыграть:

– А если я признаюсь, что будет? Ты меня убьешь, ведь правда? Как классового врага?

– Да какого там классового… Маша! Я не хочу тебя убивать!

– Не хочешь и все-таки убьешь? – Она уже не могла остановиться. – Как Марютка своего синеглазого?..

Егор, все еще стискивавший ее плечи, тотчас обмяк, губы его дрогнули будто в плаче, но через мгновение расхохотался – громко, отрывисто, почти истерично, четко выговаривая «ха-ха-ха», и Машеньке невольно вспомнились агатовые галки с красным зевом на пустыре, в тот самый день, когда она несла книги в столярку, еще не зная, что сегодня встретит Егора.

– Ты, Машка, у меня полная дура, ха-ха-ха, если всерьез… да ну тебя! Это же просто кино. Они на слезу давят, ха-ха-ха…

Машенька отшатнулась, смутилась и даже закрыла глаза, чтобы не смотреть на Егора, который внезапно подурнел, то есть даже не подурнел, а как бы перелицевался. Ведь и нарядное платье неприглядно с изнаночной стороны. И потом, когда, оборвав смех, она заговорил обычным своим глуховатым голосом, Машенька не могла отделаться от ощущения, что соприкоснулось с чем-то очень страшным, всплывшим на поверхность из самой бездны бытия. Хотя какая там могла быть бездна, если бытие протекало среди деревянных домишек с чадящими печками, заводских цехов, лозунгов, писаных на кричаще-красных полотнищах, сбегалось к стакану чая возле пузатого самовара или паре картофелин, который Машенька брала в библиотеку, чтобы перекусить ближе к вечеру, бытие пахло книжной пылью, крепким табаком Марка Борисовича, сеном, которым тетя Галя кормила козу, щами и пирогами с брусникой по воскресеньям… Машенька невольно вспомнила свою тетю Галю, которая даже не подозревала, что у Машеньки успела состояться какая-то своя жизнь, отличная от обыденной. И Машеньке подумалось, что сойдясь с Егором, она предала ее, потому что тетя Галя хотела, чтобы Машенька вышла замуж за доктора, потому что ему пациенты свежие яйца наготово приносят, курей разводить не надо, да ну этих курей, от них одно дерьмо во дворе… Но еще Машенька думала, что на самом деле тетя Галя хотела этого доктора для себя самой, а не для Машеньки. То есть в юности тетя Галя мечтала выйти

замуж за доктора, не получилось, так пусть хоть Машенька за доктора выйдет. Но ведь Машенька самостоятельный человек, это во-первых. А во-вторых, весьма скоро она откроется тете Гале. Скоро, да, но еще не теперь. С этим Машенька медлила почему-то. Но явно не потому, что Егор не был доктором.

– Зачем тебе головоногие моллюски? – неожиданно для себя спросила Маша.

– Какие еще моллюски?

– Ты про них книгу в научном отделе брал.

– Ну брал, так сразу вернул.

– И все-таки зачем?

– Да что ты пристала сегодня со своими вопросами! – Егор снова отрезал грубо и неприятно.

14.12.1927

В среду в библиотеку неожиданно пришел плотник Винокур, хотя в этом для него не было необходимости: Машенька только в обед была в столярке.

Сперва она услышала зычный голос заведующего библиотекой Владимира Александровича, который возвещал на весь вестибюль: ба-ба-ба, вы только посмотрите, кто пришел, да это наш самый знаменитый читатель… Владимир Александрович всегда говорил громко, по семинаристской привычке вещать на всю аудиторию. Еще любил театрализовывать события, вот и теперь Машенька решила, что заведующий полагает, будто сейчас весь небольшой библиотечный коллектив проявит уважение пролетарскому читателю, однако Машенька решила отсидеться в своем отделе. Вскоре голос заведующего потух, в коридоре обозначились шаги и в кабинет, явно стесняясь, заглянул Винокур. Видимое его стеснение, естественное в чужой обстановке, придало Машеньке уверенности, поскольку она была здесь хозяйкой, да и за что бы вдруг ей должно быть стыдно перед Винокуром. За свое поведение, что ли? Нет, безусловно, класс в интересах революционной целесообразности имел право вмешиваться в половую жизнь своих сочленов, как писали в брошюре «Революция и молодежь», однако она давно уже достигла половой зрелости и отвечала за свои поступки. Сложив про себя подобную фразу, Машенька напряглась, но Винокур поприветствовал добродушно: «Здравствуй, девонька», и Машенька перевела дух.

– Ты не удивляйся, что я к тебе в библиотеку пришел. В столярке народу много, по душам не поговорить…

– Слушаю вас очень внимательно, – Машенька ответила бесцветным казенным тоном.

Винокур, помедлив, придвинул к кафедре стул и оседлал его задом наперед, облокотившись о спинку.

– Воронцовский дворец есть в Ленинграде, слыхала про такой? – столяр начал с ехидцей, видно, издалека. – До революции в нем Пажеский корпус был.

– Вы это к чему? – смутилась Машенька.

– А после революции, – неспешно продолжал Винокур, – когда воспитанников разогнали, в этом дворце, помимо прочей нечисти, банда малолеток мародерничала, да еще вроде склада там у них было, чего наворуют, туда несут…

– Зачем вы рассказываете мне это? – Машенькино нетерпение хлынуло через край.

– Не торопи, я тебе все последовательно расскажу... Так вот, как в Питере за порядок взялись, беспризорников этих скопом за шкирку – и в колонию. До исправдома не доросли, видать, хотя троих милиционеров пришили ножиком под ребро…

Исправдом! – страшное слово ужалило, и Машенька даже привстала.

– Ты, девонька, не волнуйся, покуда ничего страшного не случилось. Просто ты знать должна, с кем связалась.

– А с кем это я связалась, по-вашему? – Машенька почти выкрикнула.

– С Егоркой Воронцовым. Думаешь, графского роду? Да где там! Этих воришек фамилией Воронцов в насмешку наградили, всех одним махом, по месту жительства вроде. Расспроси-ка своего любезного.

– Ну и расспрошу! Если он и бродяжничал в детские годы, разве это постыдно?

– Воровал, а не просто бродяжничал!

– Беспризорники все воруют, как еще прокормиться?

– Так-то оно так, да, похоже, воровской промысел в крови у него. Вот как у тебя книжки. Руки у него не мастеровые далеко, такими пальцами только кошельки из карманов вытягивать…

– Как вам не стыдно! – сорвалась Машенька. – Егор своими руками тонкие сверла вытачивает, будто не знаете!

– Ну, я немного поболе твоего знаю, – Винокур продолжал размеренно, ровно, – например, про то, что сверла эти на сторону уходят, видать, как и кое-какие прочие тонкие изделия. Недостача у нас каждый день в конце смены, хотя Егорку твоего контролеры чуть не догола раздевают. А потом эти сверла в коммерческих лавках всплывают. Товар редкий, штучный. Лавочники говорят, привезли из Тулы, поди проверь.

– А почему вы думаете на Егора?

– Потому что пришлый он, не наш, как еще сказать-то… Чужеродный элемент, так в книжках пишут. Да к тому же с детства воровать приучен.

– По-вашему, человек выправиться не может?

– Воспитывать человека надо покуда он поперек кровати умещается, во младенчестве то бишь… Ну, вот я и сказал, что хотел. Ты уж не обессудь. Я за тебя переживаю, ты барышня образованная, не шалава какая прости господи…

– Знаете что… – Машенька встала, и книжные полки поплыли перед глазами. Она оперлась о кафедру. – Запретить посещать библиотеку я вам не могу. Только вы больше не говорите мне ничего такого. Поняли? Как только язык у вас повернулся…

Недосказав, она быстро скрылась за стеллажами, чтобы не расплакаться от обиды и чувства несправедливости. Потом, убедившись, что Винокур ушел, она выпила залпом два стакана воды и, собравшись силами, поднялась на второй этаж в кабинет заведующего. Владимир Александрович, занятый своей перепиской, оторвал голову от бумаг и взглянул на нее добродушно-весело, как, наверное, в свое время приветствовал и своих семинаристов:

– Ну что, милая?

– Владимир Александрович, не отправляйте меня больше с книгами на завод. Я лучше лишний раз в исправдом схожу, на пивоваренный да куда угодно, хоть на кладбище …

– Покойникам наши книжные сокровища больше ни к чему, с сожалению, – Владимир Александрович усмехнулся. – Что там у тебя стряслось? Обидел кто?

– Нет. То есть не меня обидел, но и меня тоже…

– Кто же? Винокур? Неужели?

– Винокур не принимает культурной революции, – собравшись духом, выпалила Машенька. – Он не верит в перевоспитание человека и его перековку в горниле новой культуры!

– Ба-ба-ба, – заведующий покачал головой, глаза его смотрели по-прежнему добродушно-весело. – Ну, раз такое дело, пусть на завод теперь Глушкова ходит. А тебя завтра в Егерский батальон отправим. Согласна?

В тот день, покидая библиотеку, Машенька напоследок посмотрела на то окно на втором этаже, в котором до сих пор, с ноябрьских, стоял бюст Ленина в оправе праздничной иллюминации и вскользь подумала, что вот же хорошо, что Ленин украшен собственным творением — электролампочками, но тут же, запнувшись, залопотала про себя, что вот, Владимир Ильич, только не подумайте, что я в Егоре разочаровалась. Ни капельки. Он настоящий пролетарий, и за ним будущее, потому что он читает каждую свободную минуту, тянется к знаниям. Еще – он вежливый, матом не ругается в присутствии женщин, как другие рабочие, на пол не плюет и окурков не оставляет в цветочных горшках. А если знаний у него недостаточно, так знания – дело наживное, главное, что закваска в нем хорошая… Машенька вспомнила тетю Галю, которая именно так говорила про свои пироги: закваска была хорошая, вот и тесто доброе получилось… Тетя Галя сама очень добрая, только глупая, даже читать не выучилась, и детей своих у нее не случилось, а мужа на германской войне убили. Машенька вдруг сделалось до слез жалко тетю Галю, а заодно и себя. Потому что в густом вечернем воздухе парило что-то зловещее, оттого и люди проявляли нетерпение друг к другу. Машенька глубоко вздохнула и пустилась домой, напоследок еще оглянувшись на Ленина. Она так и не сказала ему самого главного, не нашла сил покаяться в том, что забыла последнюю половую заповедь пролетариата: при каждом соитии нужно помнить о возможности зарождения ребенка. А она ну совсем не задумывалась об этом, и вот теперь… Теперь оставалось подождать еще какую-то недельку, а потом придется признаться – Егору и тете Гале.

И все-таки сперва она откроется товарищу Ленину, ведь он теперь там, где все обо всех известно, да. Но если через неделю или, может быть, даже завтра начнется война?..

15.12.1927

В столярку с книжками отправилась Глушкова – рыжая толстая библиотекарша, у которой книжки разбирали как горячие пирожки – весело, в охотку. А Машенька, со злости нагрузив сумку с верхом, отправилась в Егерский батальон. Идти было далековато, вдоль всей улицы Карла Маркса, потом свернуть на Гоголя… Слева, в ямке, лежал завод. Труба его, как пасть дракона, извергала черные клубы дыма, и Машенька вскользь подумала, что завод порождает пролетариев и сам же пожирает время их жизни! Додумавшись до этого, Машенька даже остановилась и опустила сумку с книгами на землю, чтобы перевести дух. Как же ей такое в голову пришло? Как будто ветром чужие мысли надуло. Машенька посмотрела на завод. Глушкова, наверное, уже заявилась в столярку, а Егор отправился в свой цех в недоумении. А вдруг… Вдруг Егор возьмет книжки у Глушковой? Почему не взять-то, это же просто книжки. В брошюре «Революция и молодежь» писали, что в среде пролетариата не должно быть ревности, это мелкобуржуазное чувство, но Машенька только представила, что Глушкова заполняет его читательский формуляр, как ей тут же захотелось бросить сумку на дороге и бежать что есть силы вниз, к заводу, потому что Егор принадлежал только ей, а она ему… Едва справившись с мучительно душной волной, которую, наверное, и называли ревностью, Машенька взвалила сумку на плечи и двинулась дальше, ведь кроме ревности существовал еще долг.

У нее замерзли руки и ноги. В казарме Егерского батальона ей налили горячего чаю, жестяная кружка обжигала ладони и губы, но Машенька все равно пила, желая перебить жар, бродивший в груди со вчерашнего вечера. Потом, разложив книги на столе в красном уголке под плакатом «За единство ленинской партии» Машенька занялась обычным своим делом и даже слегка забылась, принимая возвращенные книжки и предлагая новые. Наконец, когда в руках у нее оказался Стендаль, «Красное и черное», она вспомнила, что эту книжку заказывал майор Пейпонен. Но он в красном уголке не появлялся, и это было более чем странно. Молоденький светлоусый стрелок, листавший возле окна «Социалистический катехизис», ответил на ее вопрос неопределенно, что нет, ничего не знаю, но почему-то сразу захлопнул книгу и быстро вышел. Потом к ней заглянул полковник – грузный грубоватый мужчина с красными прожилками на носу. Машенька внутренне сжалась, хотя она ведь ничего плохого не делала. Она только спросила, а где же майор Пейпонен. Полковник, печатая шаги тяжелыми сапогами, размеренно, как бы попирая деревянные половицы, приблизился к столику с книгами, взял Стендаля, перелистав и пробежав глазами пару абзацев, зачем-то потряс томиком над столом, как будто искал между страницами денежную заначку, потом, прервав тягостное молчание, спросил:

– Сочинения оппозиции имеются?

– Не имеются, – Машенька истово затрясла головой.

– Н-ну, смотри мне, – полковник припечатал к столу волосатую лапу, с минуту держал Машеньку на мушке черного птичьего глаза и, наконец отпустив, вышел ни слова не говоря.

Со звуком выстрела хлопнула дверь, и Машенька поняла, что случилась какая-то катастрофа, причем со всеми одновременно – с пропавшим Пейпоненом, с ней, Егором, тетей Галей, Марком Борисовичем, Владимиром Александровичем и даже гипсовым Лениным в окне библиотеки. Отогревшись в казарме Егерского батальона, Машенька на удивление быстро одолела обратный путь, больше не цепляя взглядом заводскую трубу, потому что на фоне всеобщей катастрофы ее личные переживания показались никчемными, как жалобы кошки. А что катастрофа все же случилось, у нее не было никакого сомнения, потому что иначе бы не пропал Пейпонен. Но если Пейпонен теперь – оппозиция, так кто же тогда по ту, вернее по нашу сторону? Рабочий Винокур, который полагает, что выправить человека могут только в исправдоме, но никак не в рабочем коллективе? Но ведь она сама давеча подумала невзначай, что завод пожирает пролетарские жизни!..

– Мещерская, приветик тебе от любезного! – в вестибюле библиотеки толстая Лиза Глушкова, похожая на деревенскую почтальоншу, помахивала сложенной вчетверо бумажкой.

– Дай-ка сюда, – Машенька грубовато вырвала у нее листок. – Расшумелась тут…

– Ой, да подумаешь… А паренек у тебя завидный, смотри не упусти.

– Хорошо, я как-нибудь сама разберусь, – Лиза, устроив сумку на подоконнике, в нетерпении развернула послание.

«Ты почему сиводне ни пришла всубботу бесдисяти шесть буду у кинотиатра Триумф нада паговорить Егор».

– Ой, это что? – Машенька не сдержала своего удивления.

– А вы поссорились, да? – Глушкова, подкатив, взяла у нее листок, пробежала глазами. – Да брось, видишь, он помириться хочет. В кино-то сходи, жалко, что ли.

– Лиза, неужели это Егор писал? Ты не перепутала ничего?

– Н-ну, чернявый такой, сероглазый, высокий… Да он сам выпытывал что да как и почему тебя нет. Я сама ему бумажку дала и карандаш написать записку.

– Лиза, он же почти не умеет писать! – почти выкрикнула Машенька. – Ни точек, ни запятых. А как он слово «сегодня» изобразил?

Глушкова перечитала послание.

– Глупая ты, Машка. Подумаешь, писать не умеет. Прочесть-то можно, а что ошибок наделал, так ведь не со зла. Я когда с мужем своим только познакомилась, думала, вроде всем удался, только пахнет от него плохо. А потом оказалось, у него подштанников нет…

– Лиза, какие подштанники, о чем ты говоришь?

– О том, что сшила я ему эти подштанники, и все наладилось, делов-то. А ты своему Егору просто объясни, что в конце предложения ставится точка.

– Да? Так просто? И тоже все наладится, по-твоему? – Машенька засмеялась в голос и быстро прошла в свой абонементный отдел, только чтобы не расплакаться прилюдно.

В конце предложения ставится точка. Что же он, этих точек в книжках не видел, когда читал? Или не заметил у Достоевского? А зачем еще врал про свою питерскую бабку, которой якобы помереть спокойно не дали? Штана детдомовская, гопник необразованный! И как только она не сумела вовремя его раскусить, ведь можно было понять по тому, как ловко Егор всякий раз увиливал от ответа, когда она пыталась обсудить с ним прочитанное, – можно было догадаться, что книжки он даже не раскрывал: «Егор, а как тебе фигура Ивана Карамазова?» – «Да один черт!» – «Ты разговор Ивана с чертом имеешь в виду? Сильная сцена». – «Сильная, вот-вот. Меня аж до костей пробрало…» Нет, на что Марк Борисович человек проницательный, но даже ему в голову не пришло, что в корешке толстого тома «Головоногих моллюсков» очень здорово помещаются тонкие сверлышки! И кто догадается, что вот шагает себе по улице молодой человек с солидной книжкой подмышкой, прилично одетый, видать, образованный… Кто его остановит? А ведь на самом деле он в скобяную лавку направляется, сверлышки из корешка вытряхивать и лавочнику по сходной цене сбывать. А с завода-то как удобно в книге сверлышки выносить! Русскую классику на проходной ни в чем не заподозрят из одного уважения. А если в Маркса с Энгельсом сверлышки спрятать, так и вообще красота. Маркса кто проверять осмелится? Аполитично это. А может, когда и она сама, Машенька Мещерская, с завода сверлышки выносила в корешках тех самых книжек, которые Егор возвращал? Они в диаметре один миллиметр, очень хорошо за прошивку корешка цепляются. Никто ведь не смотрел, что там у нее в сумке. А Егор тем же вечером в библиотеке по полкам шарил, добычу свою искал. Хотя существовал определенный риск: книгу мог взять кто-то другой… Машенька осеклась, потому что сама уже мыслила как контрабандистка, а это было далеко не по-комсомольски. Нельзя было даже так мыслить… Слезы высохли, едва пробившись. Машенька подошла к полкам, достала несколько томов, которые некогда брал у нее Егор – у всех на корешках наблюдались заломы, как будто их кто-то терзал. А если заглянуть внутрь корешка, в самое книжкино нутро, там было и вовсе некрасиво – нитки торчали, обрывки проклейки. Машенька задумалась, не кажется ли ей все это. Может быть, химеры рождены чисто ее подозрением? Машенька просмотрела корешки некоторых других книг в дерматиновых переплетах, но они не пользовались спросом и были как новенькие. Вечером, отправляясь домой, она вообще уже ничего не понимала и не могла знать, как ей дожить до завтра.

Фонарь раскачивался на проволоке, натянутой между домами, где-то в самом конце улицы Пушкинской. На остальном пространстве царила полумгла, подсвеченная огромной жуткой луной, похожей на исполинское волчье око. Кто-то одним глазом подглядывал за людьми в подзорную трубу, кто-то большой и страшный, сущий на небесах. И Машеньке, пока она шла вниз по

Пушкинской, по направлению к неверному фонарю, маячившему впереди, казалось, что она все торопится скрыться, убежать от этого желтого глаза, исполненного злорадства. Но что же такого плохого она совершила, кроме как подумала плохо о человеке, которого любила еще вчера, да и теперь любила и еще могла бы простить… Простить – но за что? За то, что пишет с ошибками? А ведь как ни крути, записка была единственным фактом в цепи ее подозрений. Все остальное – про сверлышки внутри томов и воровство общенародной собственности она сама придумала после этого разговора с читателем Винокуром, который, несмотря на множество прочитанных книг, оставался человек малообразованным, потому что читал все подряд. Бессистемно, да, как говорит Марк Борисович. Винокур читает бессистемно! – Машенька принялась повторять эту фразу в такт своим торопливым шагам. – Винокур читает бессистемно!

Было ветрено, мела поземка. Машенька куталась в клетчатый платок, и путь домой казался ей бесконечным, он будто извивался во вселенской круговерти, подчиняясь пурге. На перекрестке, там, где переулок круто брал в горку, отделяясь от Пушкинской, она неожиданно почти уткнулась носом в серое пальто, вынырнувшее из темноты, и, испугавшись, отпрянула.

– Не боись, это я, – Егор схватил ее в охапку, и Машенька отчего-то очень испугалась. То есть она именно Егора испугалась. От него пахло водкой. – Что ты бьешься, как рыбка? Я тут тебя поджидал.

Голос у него был спокойный, и, переведя дух, Машенька совладала со своим невнятным страхом. Почему же он не зашел в библиотеку, а ждал сегодня в темном переулке, как… вор?

– Егор, я все знаю про тебя, – она не хотела притворяться, будто пребывает в счастливом неведении и будто бы ничего особенного не случилось. – Мне еще в четверг Винокур рассказал…

– Что? – Егор напрягся.

– Что ты в Питере в банде малолеток обретался, в Воронцовском дворце.

– Ну-у… да. И что? С тех пор много воды утекло.

– А зачем ты мне врал?

– Не врал, во-первых, просто не до конца открылся. Опасался, должно быть.

– Чего опасался?

– Что ты с питерской шпаной гулять не станешь. Ты ж у нас барышня тонкая, на книжках воспитанная…

– На книжках, вот именно. А ты хоть открывал эти книжки, которые я тебе на завод носила?

– Открывать-то открывал, – Егор невесело хмыкнул. – Давай пройдемся немного, холодно стоять-то.

– Поздно уже, тетя Галя ждет.

– Только до «Триумфа» и обратно. Надо поговорить. Ты обычно все сама говоришь, а вот теперь меня послушай. Пошли!

За пургой едва проступали силуэты редких прохожих, и хотя до «Триумфа» был всего один квартал, усаженный черными домами с нахлобученными шапками снега, путь вновь показался ей извилистым, путаным, будто искривилось само пространство… Егор меж тем рассказывал столь же путано, долго, что отец его не вернулся с войны, а мать умерла от голода в Петрограде в девятнадцатом году. Сам-то он выжил только потому, что пристрастился воровать на вокзале и где попало. Возле Гостиного двора обитали, ну да, Воронцовский – это напротив. Пару раз в драке кого-то прирезали, было. Ну так бандитов же порешили, а в Петрограде бандиты что творили? Они зазевавшихся студентов на колбасу пускали, честное слово, не вру, вот времечко было: с утра разговаривал с человеком, а вечером он жмурик, ей-бо… С тех пор без ножичка на улицу не хожу.

– И сейчас ножичек при себе? – ехидно спросила Машенька.

– А то! Правда, более для острастки. Бандита таким не порешишь.

– Сейчас на бандитов милиция есть.

– А-а, – Егор отмахнулся. – Милицию мы не любим, как и она нас.

Они почти добрались до «Триумфа», осталось только пересечь площадь, обочины которой заросли сугробами в целую сажень, и было довольно глупо пробираться сквозь эти сугробы, чтобы именно дойти до кинотеатра, но Машенька почему-то послушно последовала за Егором, возможно, привыкнув ему подчиняться, а может быть, втайне опасаясь потерять навсегда. Да, именно, она боялась, что вот сейчас он скроется за сугробом, а она так и останется стоять на обочине, не в силах совершить решительный шаг. Поспешая за Егором, который шагал вперед, будто имея некую определенную цель, Машенька думала, а как бы поступил на ее месте товарищ Ленин? Фу, глупости какие! Товарищ Ленин никак не мог оказаться в такой ситуации, потому что был умный. А она глупая. Хорошо, но как бы товарищ Ленин посоветовал ей поступить? Машенька обратилась к Владимиру Ильичу про себя с конкретным вопросом, и тут же товарищ Ленин, который обладал способностью вселяться в кого угодно, ответил у нее в голове: Машенька, если ты полюбила человека, который на протяжении многих дней был тебе верным другом, если ты носишь от него ребенка… тогда какого лешего ты в тонкие материи ударилась, дура? Подумаешь, писать человек не умеет, так мы с тобой у него безграмотность ликвидируем в два счета, вжик-вжик, он и опомниться не успеет. Они уже миновали «Триумф» и завернули во двор, где не было ветра: с тылу двор прикрывала кочегарка.

– Егор, – окликнула Маша. – Почему ты мне не признался, что писать не умеешь?

– Как это я писать не умею? – Егор остановился возле груды угля. – А записку кто тогда писал? Пушкин?

– Нет, – Машенька засмеялась. – Пушкин знал, как точки с запятыми расставлять. А вот ты – нет.

– Машка! – Егор взял ее за плечи, как тогда, возле барака, когда она вспомнила про Марютку из кино. – Я-то думал, что-то серьезное стряслось, раз уж ты на завод решила не приходить…

– А это, по-твоему, несерьезное? Я не про точки даже говорю, а про, что ты толстые книжки в библиотеке брал, а сам не читал их. Тогда зачем?

– Ученым хотел прикинуться. Повод для знакомства искал…

– Да нет же, нет, вот ты опять мне врешь! – Машенька даже притопнула ножкой. – Я догадалась, что ты сверлышки в корешках прятал, чтобы с завода вынести незаметно. И в толстой книжке «Головоногие моллюски»… Егор, ты понимаешь, что ты вор! – Машенька наконец произнесла вслух это страшное слово.

– Нет, – Егор отрезал уверенно. – Вор – это который на вокзале кошельки тырит у частных граждан. А когда человек у государства сверлышко упрет, так это обратная экспроприация называется, выражаясь словами Владимира Ильича. Потому что родной завод мне за это сверлышко недоплачивает, а есть хотят даже пролетарии. Вот ты, Марья Сергеевна, пряники в общежитии трескала? Еще как, за обе щеки. А вот теперь сама подумай, откуда у простого пролетария деньги на эти пряники, когда в столовой вода с капустой тридцать шесть копеек за порцию?.. Кстати, про книжные корешки – это ты здорово придумала, Машка. Не каждый вор еще сообразит, а я-то измудрялся с этими сверлами, куда только ни засовывал!.. Да, «Головоногих моллюсков» я, кстати, из-за картинок брал, просто посмотреть, какие чудеса в природе встречаются. А Майн Рид… нам в колонии его каждый вечер читали вслух, там всего одна книжка была.

– Егор, Егор, ну что ты говоришь!

– Я говорю, что жить нужно успеть – сегодня, здесь. Я не хочу ждать, покуда грянет этот ваш гребаный коммунизм. Нет, ты подумай, что если через неделю, а может быть, даже завтра – война? Загребут меня в Красную армию, и прощай, Марья Сергеевна, навсегда! А я не хочу на войну. И в бараке вонючем с крысами жить не хочу, ожидая, что однажды проснусь при коммунизме. Я вообще человек далеко не корыстный, мне нужно немного…

Машенька потухла, будто даже притекла к земле, сделавшись ниже ростом. Едва шевеля замерзшими губами, она повторяла только: «Егор, Егор…»

– Да что ты заладила: Егор, Егор?

– Егор, ты должен все рассказать на заводе, покаяться перед коллективом…

– Перед ке-ем?

– Коллектив всегда умней человека…

– Да-а? Это в какой же такой брошюре написано? Запомни, Машка, я всегда буду сам себе хозяин. И никакой коллектив… – лицо его опять исказилось, как тогда, и сделалось почти страшным. – Вы, интеллигентики сраные, на коллектив киваете, только чтоб за себя не отвечать. Вы всегда ни при чем, чистенькие. А я привык сам выкарабкиваться…

– Значит, сам и ответишь. Я пойду к начальнику цеха, руководству завода и расскажу, почему у них срывается план.

– А я отправлюсь прямиком в исправдом. Нет уж, Машка, я там уже побывал однажды, больше не хочется. Что вылупилась? Или тебе не рассказывали, как я в тюрьме отсидел полгода, на мелкой краже попался? Повезло, что у попа кошелек стырил, экспроприатора наказал, поэтому мало дали. В тюрьме, кстати, я перышки точить навострился.

– Какие перышки? – растерянно спросила Машенька.

– А вот такие хотя бы, – Егор откуда-то, будто прямо из пустоты выудил нож с тонким лезвием. – Или ты решила, что я насчет пера пошутил? Нет, Машка, шутки кончились. Была ты мне подругой…

– А теперь, значит, нет? Ну что ж, тем лучше. Тогда я завтра с чистой совестью пойду к начальнику цеха или сразу в милицию!

– Машка, замолчи! Замолчи, или я… я тебя сейчас убью!

– Убивай! Я все равно замаранная, пряники ворованные ела заодно с вором!

– Машка-а!.. – крепко обняв ее и притянув к себе, Егор одновременно резко вогнал нож ей под грудь, ощутив, как под лезвием у нее внутри что-то хрустнуло. Егор еще поднажал, Машенька успела коротко вскрикнуть и обмякла в его руках. – Ну вот и все, все. А ты хотела в милицию…– он успокаивал ее как ребенка.

Крови было мало. Только немного на груде угля, куда Егор уложил мертвую Машеньку. Лопата обнаружилась тут же во дворе – Егор все рассчитал заранее, подозревая, что Машенька догадалась о его махинациях со сверлышками, она ж была барышня образованная, не из простых дурочек, которых ничего не стоит обвести вокруг пальца, хотя поначалу вроде бы удалось. Потом, Машенька, похоже, всерьез втрескалась, и в нем самом в ответ прорезалось что-то вроде любви, а на кой это вору? Он просто запутался – в Машеньке и собственном бытии, которое неожиданно сделалось почти честным. Однако честный труд на заводе означал только нищету, сирые будни и ничего другого, а он этого не хотел. Так, может, пару лет перекантоваться, затеряться в пролетарской массе… Еще – он подспудно начал сопоставлять себя с Машенькой и неожиданно выявил, что она, будучи обычной девчонкой, неизмеримо выше его, такого необыкновенного, смышленого, удалого парня… Нет, сука, западло! Убивать Егору случалось и прежде, в ранней юности в Питере, когда человеческая жизнь обесценилась настолько, что расстрелять могли ни за что, по революционной причуде, и дело решалось на месте. Убивать вообще просто, если однажды преступить внутренний запрет…

Егор знал, что кочегарка открывалась во двор черным зевом подвала, набитым угольной крошкой и заводским шлаком. Вернее он сам, заранее еще, приоткрыл прожорливую угольную пасть, спрыгнул внутрь, углубил яму сразу под зевом, припрятал лопату. Теперь тело он аккуратно положил в угольную могилу, присыпал сверху шлаком, разровнял, утоптал, а сверху закидал

углем… Егор почти не таился. Где-то со стороны моста заржала лошадь, кучер прикрикнул на нее: «А ну пшла-а!» Ну, если кто и заметил Егора, то наверняка принял за обычного кочегара… Пятно на угольной куче некоторое время дымились, как будто Машенькино дыхание иссякало постепенно, но вот окончательно растаяло в холодном воздухе декабря. Поземка быстро замела следы, и никто не видел, как Егор Воронцов плакал во дворе кочегарки, сидя на груде угля, повторяя: «Машка, я не хотел. Прости меня, Машка!».

На следующий день Егор заявился в библиотеку справиться, куда же могла подеваться Марья Сергеевна. А Марья Сергеевна вчера без пяти одиннадцать покинула рабочее место, но домой так и не вернулась. Искать ее начали только утром, однако тщетно: Машенька как в воду канула. Искали и на реке под мостом, где бурное течение всегда оставляло вымоины во льду, однако зачем бы ей было топиться? Егора таскали на допрос, но тоже безрезультатно. Ночевал он в городе у приятеля, а поскольку за водку сели они еще в семь вечера, к одиннадцати приятель был настолько хорош, что не заметил, как Егор куда-то отлучился на час. Вернулся он к полуночи и завалился спать прямо на кухне у этого приятеля, бросив на пол тюфяк. Орудие преступления Егор назавтра принес на завод и, отделив лезвие от рукояти, выточил из стали сверлышки. Дневную норму перевыполнил в тот день, и сверлышки, замаранные Машенькиной кровью, отдал на нужды народного хозяйства…

20.12. 1997

Ну да, теперь сиди и жди, покуда очередная зарплата капнет, в аванс выписали всего пятьсот рублей, но и то деньги: последний раз их в театре платили месяца три назад. Пятьсот рублей – это вообще что? Это один раз посидеть с мужиками, то есть консервы какие прикупить да пару бутылок. Монтировщик Пейпонен решил отлучиться по такому случаю в магазин, благо через дорогу. Сегодня никто туфтеть не будет: вечернюю репетицию отменили, актеры распущены по домам, а на детском спектакле в субботу работы немного, успеют и завтра декорацию поставить. Пейпонен в Национальный театр прибился случайно, просто подвернулась работа на том фоне, что работы вокруг не было вовсе. Потом, после сорока на службу берут либо родственников, либо нужных людей. А кому он на фиг нужен, простой трудящийся Пейпонен? А тут он вроде ко двору пришелся, фамилией своей список сотрудников украшает: вот, у нас даже монтировщики финны. Ну, по-фински у Пейпонена по-настоящему только дед лопотал, майор Красной армии, да ликвидировали его еще в самом начале борьбы с троцкизмом, а у потомков пара-другая кухонных слов в активном запасе да на слуху новости на финском по радио, и мать еще при советской власти газету выписывала «Neuvosto-Karjala»…

У монтировщика работа не сахар: с утра на службе, вечером тоже, это днем – иди куда хочешь, но и днем тоже прилично не посидеть, потому что вечерний спектакль. Остается только ближе к ночи, а театр вообще нехорошее место, порой становится жутковато, хотя Пейпонен му-

жик-то не из пугливых. Но вот, например, такой факт: вечером во дворе – а окна каморки монтировщиков как раз во двор выходят – странная фигура появляется, нет, вот именно что появляется будто из ниоткуда, то есть не из-за угла и не со стороны стадиона, а смотришь в окно – и она там уже. Направляется к левому крылу, фонарь во дворе светит, так что хорошо видать. Мужики рассказывали, что в той стороне еще была кочегарка отдельным флигельком, потом при реконструкции в 1965 году ее с основным корпусом соединили – здание-то вообще довоенное, в нем кинотеатр «Триумф» некогда размещался… Так вот, фигура эта за углом в темноту ныряет, а дальше – кто ее знает, эту фигуру. Девчонка вроде молодая совсем, в платок закутана по самые брови и пальтецо какое-то на ней дряхлое, хотя сейчас пообносился народ, в секонд-хенде одевается тоже…

В начале зимы выпивали как-то с монтировщиком Дранниковым, и вот Пейпонен ненароком в окошко выглянул, а там опять девица будто нарочно в этот самый момент явилась. Стоит под фонарем.

– Серега, – позвал Пейпонен Дранникова, – иди-ка сюда.

– Чего еще? – нехотя отозвался Дранников.

– Иди сюда, говорю! – и когда Дранников подошел к окну, Пейпонен спросил осторожно: – Ты тоже ее видишь?

Дранников длинно выругался по тому поводу, что блин нашел чего спросить, а то я не вижу. Ну, стоит себе и стоит девчонка под фонарем… В следующей момент где-то неподалеку вроде лошадь заржала и мужик заорал: «А ну пшла-а!». Дранников громко икнул и спросил, а че это мы сегодня пили? – Водку, чего еще! Может, конечно, девчонка допоздна работает где-то, а потом дворами домой идет…

В общем, налили они еще и про девицу забыли, после этого Пейпонен про нее ни с кем не заговаривал даже, еще решат, что допился до чертиков и трудовой договор не продлят… Хотя какие к нему претензии? Это к Министерству культуры претензии могут быть, которое в театре капитальный ремонт никак не доведет до конца, обещали к концу года торжественно открыться – какое там! Спектакли идут на малой сцене, сборов никаких, энтузиазм исчерпан, того и гляди разгонят труппу к едрене фене… Закрыв каморку на ключ, Пейпонен незаметно выскользнул во двор со служебного хода – за десять минут обернуться можно, а трубы горят!

Во дворе стояли строители и почему-то милицейский «газик», вокруг которого суетились ребята в форме. Длинный майор с блокнотом записывал показания парня в рабочей спецовке, заляпанной краской…

– Чего случилось-то? – Пейпонен осторожно спросил мужичка в фуфайке, который покуривал чуть в стороне.

– Фундамент решили укрепить с той стороны, – мужичок указал рукой на левое крыло, – кирпичи в основании остались, видать, от старой постройки, кочегарки то есть. Да какие там кирпи-

чи – труха одна, трещины пошли, водой размыло… Мы копнули под стенкой, а она и просела, и вроде могила открылась, а в ней скелет…

– Скелет? – переспросил Пейпонен.

– Меня чуть кондратий не хватил, – мужичок выразительно выпучил глаза. – Сперва череп показался, небольшой такой и зубы все целы. Лежит, скалится. Бригадир первым в себя пришел и давай дальше расчищать, ну и откопали целиком. Баба, говорят. Как-то они по костям определили…

– Иди ты! – Пейпонена аж жаром обдало. – А кто е ее пришил?

– Поди знай. В скелет превратилась, вот и думай теперь: может, придушили, может, прирезали, а может, и сама по пьянке в подвал упала, башкой ударилась – и привет.

– Фу ты, это сколько ж лет она в подвале лежала… – стянув шапчонку, Пейпонен вытер со лба пот. И ему невольно подумалось, что мертвым лучше оставаться в земле, не стоит являть живым собственные останки даже через много лет. Потому что смерть – это все-таки очень неприглядно. Мертвые красивыми не бывают. Красиво только живое тело, в котором обитает душа. Значит, душа по-настоящему красива, а тело – так, божья глина, налепленная на скелет более или менее ладно. А глина – что? Та же грязь, которая в оттепель чавкает под ногами…

Додумавшись до этого и поразившись собственным мыслям, в магазин Пейпонен все-таки завернул, теперь и повод появился пристойный: приложиться за упокой усопшей. Так оно и случилось, помянули-таки с Дранниковым убиенную, невольно проводив горемычную душу на тот свет – должен же кто-то если не отпеть, так хоть добрым словом вспомнить. Поговорили еще о том, что вот времечко было – а мы-то чего жалуемся тут. Слава богу, нас в подвале не замурует никто, а эту, видать, втихаря укокошило ГПУ. А может, фраер какой милку свою пришил из ревности или чтобы на беременной не жениться, скелет-то небольшой, кость тонкая и зубы целы, значит, молодая еще была. Эх, да кто теперь скажет!.. Скелет забрала милиция, но уголовного дела заводить не стали, потому что «труп некриминальный за давностью лет». С того самого дня девица, закутанная в платок, больше не появлялась во дворе театра. Не видели ее ни Пейпонен, ни ночной дежурный, который вообще много чего другого может порассказать.

Потому что Машенька Мещерская, заточенная в угольной могиле, наконец покинула свою темницу и отправилась в иную обитель, где ожидал ее Егор Воронцов, возлюбленный и убивец, увенчанный воинской славой: с того самого дня Егору оставалось жить еще пятнадцать лет. Он погиб 3 декабря 1942 года на 530 день войны, когда части 3-й Ударной армии Калининского фронта атаковали Новосокольники. Войска действовали разрозненно, поэтому успеха добиться не удалось, однако 9-я гвардейская стрелковая дивизия, в составе которой сражался рядовой Воронцов, ликвидировала боевую группу Мейера. В рукопашном бою под деревней Щелково, прирезав троих фашистов, рядовой Воронцов пал смертью храбрых.

И все это давно прошло. Книги, над которыми некогда корпел библиотекарь Марк Борисович, сгорели и стали пеплом – в 1941 году в здание библиотеки на Пушкинской-8 попала авиабомба, при этом гипсовый бюст Ленина рассыпался в прах. Заведующего Владимира Александровича репрессировали еще в 38-м, все бумаги, в которых была зафиксирована его жизнь, изъяли и уничтожили, как если бы такого человека никогда не существовало. Толстая библиотекарша Лиза Глушкова погибла при авианалете, сопровождая в эвакуацию баржу с наследием классиков марксизма, рабочий Винокур умер в 1954 году от аппендицита, а половые заповеди пролетариата забылись сами собой как не имеющие к любви никакого отношения.

И снова крутила пурга, наметая саженные сугробы по периметру площади, окна библиотеки светились до позднего вечера, и уставшие библиотекарши в одиночестве спешили домой. Один ночной вахтер оставался на страже книжных сокровищ, прислушиваясь к скрипу паркета на верхних ярусах, как будто по ночах между книжных полок бродили заблудившиеся тени.

И вот только теперь оба – Машенька и Егор – поняли, что есть вечность, и наконец соединились где-то недалеко от рая.

Август 2012

Библиотечный вестник Карелии

2013 год
Выпуск 40 (47)

История Национальной библиотеки Республики Карелия. К 180-летнему юбилею

© БУ «Национальная библиотека Республики Карелия»